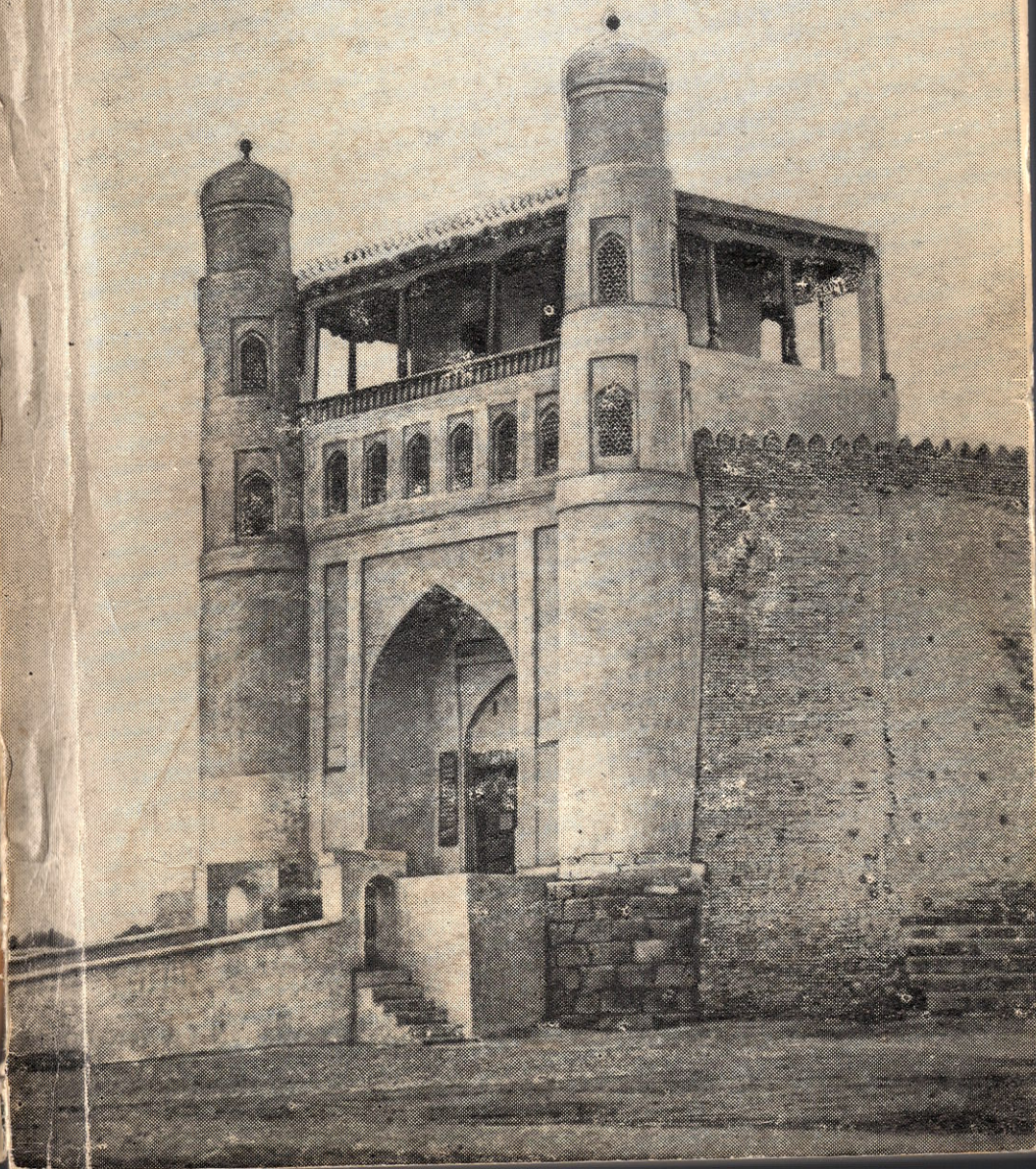

М.С. АНДРЕЕВ
О.Д. ЧЕХОВИЧ

АРК БУХАРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. ДОНИША

М.С.АНДРЕЕВ О.Д.ЧЕХОВИЧ

АРК (КРЕМЛЬ) БУХАРЫ
в конце XIX - начале XX вв.

Ответственные редакторы:
А.К.ПИСАРЧИК и О.Д.ЧЕХОВИЧ

Издательство "Дониш"
Душанбе
1972

М.С.АНДРЕЕВ О.Д.ЧЕХОВИЧ

А Р К И Б У Х О Р О
дар охири асри XIX ва аввали асри XX

Муҳаррирони масъул:
А.К.ПИСАРЧИК ва О.Д.ЧЕХОВИЧ

Нашироти "Дониш"
Душанбе
1972

ОТ РЕДАКТОРОВ

Величественная древняя крепость — бухарский арк (кремль) обращает на себя внимание каждого посетителя Бухары, каждого туриста. Поражают размеры этой монументальной крепости, возвышающейся почти на 20 м над уровнем окружающей местности и занимающей площадь около 4 га.

Когда мы входим в арк, где сейчас расположен областной музей, нас охватывают противоречивые чувства.

С одной стороны, не может не заинтересовать многовековая история арка, памятника седой старины, созданного трудом народа, искусными руками бухарских мастеров, — памятника, который на протяжении последнего тысячелетия неоднократно разрушался и каждый раз отстраивался вновь. Эти разрушения были связаны с завоеваниями и борьбой за власть между феодалами. Арк всегда был в центре политической жизни и не раз становился ареной бурных событий, свидетелем народных возмущений против феодального гнета.

С другой стороны, в памяти народа арк запечатлен как резиденция ненавистных ему бухарских эмиров, с которыми связаны мрачные страницы недавнего прошлого.

Арк был центром феодального деспотизма, куда сходились все нити бюрократического управления большой страной. Сюда на поклон к эмиру являлись правители областей ханства, привозили награбленные у народа подати. У ворот арка совершались варварские публичные казни, пытки и казни многочисленных "непокорных".

С помощью разветвленного аппарата феодально-теократической монархии в Бухаре сохранялись крайне застойные и косные патриархально-феодальные порядки и взгляды, насаждались замкнутость, оторванность от всемирной цивилизации, ненависть ко всему новому, прогрессивному. В арке, в его придворном перемонiale особенно тщательно сохранялись традиции давно прошедших времен, искусственно возведичивалась личность эмира правозерных, который считался "тенью бога на земле". От всех подданных требовались величайшая покорность, самоуничижение и раболепие. Не допускалась, как греховная, даже мысль о какой-либо форме протеста со стороны эксплуатируемых.

Навеки ушли эти мрачные времена эмирского произвола, эксплуатации и угнетения. Вскоре после Великой Октябрьской Социалистической Революции Бухара вошла в состав Узбекской ССР и стала одним из бурно

растущих центров хозяйства и культуры. Современные отрасли энергетики, химической и других видов промышленности, высшие учебные заведения, новые дома, парки, библиотеки, театры, школы и детские учреждения возникли на месте бывшего центра религиозного мракобесия. Бурное строительство буквально преобразило старую Бухару. Населению созданы все условия для свободной, очастливой и культурной жизни. Выросло молодое поколение, не знавшее работорговли и низлопоклонства, воспитывавшихся у поцанных эмира веками. И этому поколению трудно даже представить себе, как протекала до революции жизнь в арке — этом памятнике бывшего феодального деспотизма.

В литературе сведений об арке имеется очень немного. Большой частью это — отрывочные сведения путешественников и дипломатов, вшедших немногие официальные помещения арки. Поэтому материал по бухарскому арку, хранящийся в научном архиве покойного исследователя языков и быта народов Средней Азии, члена-корреспондента АН СССР М.С. Андреева, представляет большой интерес. В нем имеется описание построек, имевшихся в арке, и жизни в них в конце XIX и начале XX вв., составленное М.С. Андреевым в 1940—1941 гг. по рассказам немногих очевидцев, стариков-бухарцев, часто бывавших в арке до революции, которых ученому удалось узнать.

Вполне понятно, что информаторы М.С. Андреева далеко не все могли дать объективную и правдивую политическую оценку всего происходившего в арке. В их рассказах преобладали бытовые, иногда мелкие подробности придворной жизни, церемониала, к которым они сами были близки в годы своей молодости. Однако внимательный читатель увидит в их повествованиях мрачные картины феодального деспотизма, разгула и засилья праздной, морально разложившейся, тупой и ограниченной челяди арки, а в целом из этих рассказов вырисовывается потрясающая картина жестокой эксплуатации трудящихся, внутреннего разложения и духовного убожества правящей кланки господствующего класса.

Основная часть предлагаемой вниманию читателей книги — «Описание схематического плана арки», содержащая описание всех помещений, о которых удалось собрать сведения, — была подготовлена в первом варианте М.С. Андреевым совместно с О.Д. Чехович — участницей экспедиции 1940—1941 гг. Ее же написаны и два раздела — «Введение» и «Описание плана площади Регистан».

Эта часть иллюстрирована большим количеством планов. Основная их часть это рабочие планы отдельных частей арки, составленные сотрудниками экспедиции 1940 и 1941 гг.: для сохранившихся построек

юго-западной части арки М.С. Андреевым и М.С. Юуповым, для несохранившихся построек южной и восточной части, а также северной. В центра — М.С. Юуповым, а для северо-восточной — О.Д. Чехович. В техническом выполнении некоторых рабочих планов принимали участие В. Иванов и Струченко.

Для сохранившихся построек устанавливались их послевоенные перестройки, несохранившиеся наносились по рабочим схематическим планам, составленным участниками экспедиции со слов информаторов — старых бухарцев.

Естественно, что все рабочие планы несохранившихся построек, составленные по словам стариков-информаторов, должны рассматриваться как сугубо ориентировочные и условные. Они свидетельствуют о существовании тех или иных архитектурно-бытовых комплексов и их место в отношении относительно друг друга. Весьма вероятно, что ряд построек остался неотмеченным, другие показаны в неточных размерах. Будущие археологические исследования помогут восстановить более точный план арки.

Рабочие планы арки и его отдельных частей, приведенные в данной работе, хранятся в личном архиве М.С. Андреева в Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в г. Душанбе.

К сожалению, не сохранились те планы частей арки, составленные Усто Иброгимом Хойизовым, которые были приобретены у него М.С. Андреевым в 1936 г. и со знакомства с которыми и началась вся работа М.С. Андреева по изучению арки. Они входили в состав коллекции планов, приобретенных в Бухаре экспедицией Узбекского музея искусств, работавшей в 1936 г. под руководством М.С. Андреева. Однако ни в фондах Музея искусств УзССР, ни в личном архиве М.С. Андреева их не оказалось. В научном архиве Музея искусств УзССР в Ташкенте (фонд № А-65) имеется описание двух фрагментов плана арки, сделанное М.С. Андреевым 22 мая (без обозначения года) в Бухаре со слов Иброгима Хойизова. Один фрагмент (по полевой описи № 107), на котором были нанесены постройки, находящиеся внизу перед арком, и помещения в западной части арки, прилегающие к входу, был полностью описан М.С. Андреевым, и содержащиеся в записи сведения вошли в публикуемый текст описания арки. Описания второго фрагмента плана не сохранились. После заголовка «План четырех урда» следует сделанный карандашом приписка М.С. Андреева: «К сожалению, разбор второго плана, который был временно передан для снятия копии представителю Узбекского тов. Судакову, не мог быть продолжен в виду внезапного

отъезда в Ташкент тов. Судакова, не возвращавшего план (два плана № 107 и 277)¹.

Все же, по-видимому, при составлении рабочего плана центральной части арка, где находились урны гарема эмира, этот утраченный фрагмент плана был использован. Об этом свидетельствует способ нанесения на план арок, характерный для планов Иброгима Хойдзова, а также подробность нанесения на план деталей помещений, едва ли возможная при использовании только одних сообщений информаторов.

В 1962 г. при подготовке "Описания схематического плана арка" к изданию архитектором Е.К. Вильякинским был составлен в Ташкенте под руководством О.Д. Чехович сводный план арка (рис.1). При этом были использованы все рабочие планы, а в качестве топографической основы принят план детальной геологической съемки арка, выполненный в 1927 г. топографами Моравити и Бреде по заданию Среднеазиатского экспедитива и под руководством М.Е. Массона². Оригинал этого плана не обнаружен. Единственная копия (силька) найдена О.Д. Чехович в 1961 г. в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (рис.2). При составлении этого плана основной задачей топографов было подробное обозначение (для будущих археологических работ) рельефа поверхности разрушенной части арка. Сохранившиеся в то время постройки были намечены лишь контурно.

Кроме этого плана, в архиве М.С. Андреева оказались и (были использованы) планы вторых этажей (рис.3) и подвалов (рис.4) западной части арка. На плане подвалов имеется штамп Инвентаризационного бюро г. Старой Бухары при Горотделе коммунального хозяйства; очевидно, это съемка первых лет революции, так как на планах отражены помещения, не сохранившиеся к 1927 г. Некоторые несоответствия планов первого и второго этажей объясняются их разновременностью и перестройками. К сожалению, не удалось найти ни в архиве М.С. Андреева, ни в Бухаре первый лист этих планов Инвентаризационного бюро г. Старой Бухары со всеми постройками, имевшимися на территории арка во время съемки планов.

1. Местонахождение С.А. Судакова в настоящее время неизвестно; поэтому навести у него какие-либо справки о планах арка не представлялось возможным. Скорее всего они должны были находиться в его личном архиве вместе с другими приобретенными им в Бухаре от Иброгима Хойдзова планами частей арка.

2. Весьма ценные консультации при сложной и трудной работе по составлению сводного плана бухарского арка были даны проф. М.Е. Массоном, и мы, пользуясь случаем, выражаем ему нашу глубокую признательность.

В составленный в 1962 г. архитектором Е.К. Вильякинским под руководством О.Д. Чехович сводный план арка позднее, в 1963 г., архитектором А.С. Яковлевым под руководством А.К. Писарчик, на основании дополнительного исследования рабочих планов, были внесены некоторые уточнения и исправления, согласованные с О.Д. Чехович.

Описание плана арка составлено в виде развернутой легенды к сводному плану и, как и все работы М.С. Андреева, изобилует многочисленными отсылками и экскурсами, связанными с функционированием тех или иных помещений, жизнью, проходившей в них.

Кроме описания плана арка, в книгу включен ряд имевшихся в архиве М.С. Андреева небольших статей и отдельных записей, характеризующих те или иные стороны жизни старой Бухары, нередко связанные с дворцовым бытом, а также полубеллетристический рассказ "День бухарского эмира". Последний, собственно, не может рассматриваться как научная работа в строгом смысле слова. В нем недостаточно освещена роль эмира как восточного деспота, мало показаны его занятия государственными делами. Возможно, это объясняется отсутствием среди информаторов М.С. Андреева представителей бывшей бухарской администрации, людей, занимавших высшие посты, принимавших участие в решении государственных вопросов. Об этом М.С. Андреев и сам говорит, характеризуя тех, от кого он получал сведения. Поэтому в работе показаны почти исключительно только домашний быт эмира, отражающий чрезвычайное духовное убожество "повелителя правверных" и его окружения, узость интересов, жадность и корыстолюбие, низкий моральный и культурный уровень. Тем не менее, этот чрезвычайно живой и образный рассказ о жизни эмира в несколько нанной передаче бухарских информаторов М.С. Андреева содержит в себе так много данных, могущих быть использованными, в первую очередь, практическими работниками - писателями, киносценаристами, работниками театра, что при подготовке к печати материалов М.С. Андреева по бухарскому арку редакторы сочли необходимым включить в книгу и этот рассказ в качестве приложения¹.

Текст "Дня бухарского эмира" в начале 40-х годов был отредактирован Н.М. Гольдбергом.

1. Не включены в книгу некоторые записи, часто отрывочные и незавершенные, которые самим М.С. Андреевым не были включены в текст подготавливаемых к печати работ, а также "указатель слов", являющийся по существу словарем, составленный в 1941 г. по просьбе М.С. Андреева А.К. Писарчик к "Дню бухарского эмира", так как подробное разъяснение в нем слов почти полностью повторило изложенное в тексте. Все эти материалы хранятся в личном архиве М.С. Андреева в Институте истории АН Таджикской ССР, в пашке № 75.

При подготовке к печати данной книги в 1960-1963 гг. редакторы - А.К. Писарчик и О.Д. Чехович - заново просмотрели все материалы по арку, имеющиеся в архиве М.С. Андреева, провели минимальное необходимое редактирование текста, исключили многочисленные повторения, снабдили работу некоторыми примечаниями (имевшими помету: прим. ред. А.П., О.Ч.), подобрали иллюстрации, несколько унифицировали написания имен собственных и местных терминов. А.К. Писарчик составила указатель имен собственных и терминов ко всему тексту книги.

Редакторы выражают свою искреннюю признательность Б.В. Дунину, просмотревшему рукопись и давшему ряд ценных советов.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа является одним из первых разделов предполагаемого коллективного труда участников экспедиции в Бухару в 1940-1941 гг. на материалах, собранных ими за время этой экспедиции и несколько раньше или позднее. Этот труд проектировался к изданию под общим заголовком "Старая Бухара".

Данная работа случайно была закончена и подготовлена к печати раньше, чем другие, и мне кажется, что, может быть, будет лучше, если я вкратце расскажу сейчас про те условия, в которых был собран привозимый дальше материал, касающийся жизни последних бухарских эмиров.

В 1936 г., работая в экспедиции от Музея искусств УзССР, я заехал в Бухару и здесь случайно нашел значительную часть плана бухарского арка (кремля). Принес его старичок, Иброгим Хойизов, служивший ночным сторожем при местном складе утильсырья и оказавшийся в прошлом архитектором последних эмиров, чертившим (схематически) когда-то этот план арка. Описывая этот экспонат, мне, естественно, захотелось расспросить и о его содержании. Старичок оказался очень словоохотливым, и разрушенный арк со своей жизнью в его рассказах начал восстанавливаться, как живой.

Арк был в старое время совершенно недоступен для европейцев, за исключением небольшого угла, прилегающего к воротам. Ясно, что было бы преступлением пропустить эти рассказы о его быте. Мы, служащая их, видели огромный пустыр на месте тысячекратной жизни бухарского кремля, знали, что через самое короткое время, со смертью последних стариков, весь этот неописанный быт канет без следа, и мне захотелось вернуться потом и записать подробно рассказ архитектора, присоединив к нему, если будет можно, и рассказы других.

Экспедиция в Бухару состоялась в 1940 г. при моем руководстве. Она была послана Среднеазиатским госуниверситетом по инициативе и при заботах его исторического факультета. В посылке ее частично принимали участие и другие учреждения, в особенности Музей искусств УзССР, принявший на себя половину расходов по экспедиции, а также Самаркандский и Бухарский музеи, выделившие в помощь экспедиции по одному научному сотруднику (М.С. Юсупов от Самаркандского музея и Л.И. Ремпель - от Бухарского). Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис) тоже участвовал в экспедиции, приняв на себя составление плана бухарского арка. В консультировании по возникшим вопросам принимали участие

приезжавшие на короткий срок в Бухару декан исторического факультета САГУ И.К. Подонов и профессор В.Н. Кун. Всего по сбору научного материала экспедиции работало пять человек, избравших себе следующие темы:

О.Д. Чехович - "Характер землевладения в Бухаре, по бухарским васикам (купчим), в XIX-XX вв."¹; "Торговля и ростовщичество в Бухаре".

М.С. Юсупов - "Судоустройство и судопроизводство": "Армия"; "Администрация"; "Финансы".²

Н.В. Русинова - "Ремесла и ремесленные цехи в Бухаре"³.

Л.И. Ремпель - "Историческая топография Бухары XIX-XX вв."⁴

М.С. Андреев - "Арк (кремль) Бухары в конце XIX и начале XX века (материалы)"; "День бухарского эмира".

Кроме того, в сборнике любезно согласился участвовать инженер Ф.В. Вселевич, уже давно служивший в Бухаре. Он предполагал написать на основании геологических изысканий статью по характеристике материковой поверхности под насильным холмом теперешнего бухарского арка. К сожалению, преждевременная смерть его помешала этой работе. Вот тот материал, который должен был тогда войти в сборник.

Теперь позволю себе сказать несколько слов по поводу самого процесса наших записей в 1940 г. Тотчас по приезде в Бухару нас встретило большое разочарование. Людей, знавших быт эмира и имевших возможность лично наблюдать его в г. Бухаре в то время уже не удалось найти. Старик архитектор эмира, Усто Иброгим Хофизов, ока-

1. По этой теме О.Л. Чехович опубликованы следующие работы: Об актовых материалах по истории Бухары. Исторические записки АН СССР, т. 16, М., 1945, стр. 232-238; Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII-XIX вв. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1954; Бухарские поземельные акты XVI-XIX вв. Проблемы исторического изучения. IX, М., 1955, стр. 223-242 и др. (прим. ред.).

2. Материалы М.С. Юсупова хранятся в Самаркандском музее (прим. А.П.).

3. Перепечатанный экземпляр бесед Н.В. Русиновой с мастерами находится в архиве М.С. Андреева (папка № 78), а личный архив Н.В. Русиновой после ее смерти в 1943 г. поступил в Самаркандский музей (прим. А.П.).

4. Эта работа вышла в свет. См. Л.И. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары). Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 211-266 (прим. А.П.).

зался в этом отношении единственным. Его рассказы и легенды в основу приводимых сведений. Остальные встречавшиеся бухарцы знали арк и быт эмира только издалека. Оказалось, что мы приехали, увы, слишком поздно, когда участвовавшие в жизни двора лица или умерли, или находились вне Бухары, или, наконец, что вполне возможно, предпочли умолчать от сообщения того, что им было известно. Это касалось, вероятно, главным образом, женщин. Удалось найти несколько служащих из канцелярии эмира и казны. Их сведения были полезны главным образом по темам О.Д. Чехович и М.С. Юсупова. Про быт бухарской тюрьмы последнему много рассказал бывший бухарский солдат, много лет си-девший в зиндоне (тирьме) и испытавший на себе его нравы. Н.В. Русиновой удалось найти интересных и знающих осведомителей по ее теме из бывших торговцев и ремесленников. К сожалению, в связи со смертью этой самоотверженной и скромной труженицы ее работа осталась незавершенной.

К числу положительных сторон работы экспедиции следует отнести, то, что все пять участников ее, собиравших материалы, знали местные языки, а М.С. Юсупов родился и провел детство в Бухаре. Это создало возможность непосредственного общения с населением, минуя переводчиков, и полного взаимопонимания, необходимого для успеха работы.

Касаясь тем "Арк (кремль) Бухары" и "День бухарского эмира", следует добавить, что, несмотря на недостаток осведомителей в настоящее время, все же не думаю, чтобы писать работу на эти темы было возможно до падения Бухары в 1920 г. Свободно говорить о внут-ренней, интимной стороне жизни эмира, о запрещенной для посещения посторонними зоне арка бухарцы бы не смогли, а русские ее не знали. И можно только пожалеть, что эта работа не была сделана раньше, вскоре после падения Бухарского эмирата. Все было бы значительно отчетливее, яснее и полнее. Но хорошо, что это будет сделано теперь, хотя и в менее, конечно, полной форме. Через самое короткое время и это окажется уже совершенно возможным.

Зарядно позволю себе выразить самое горячее пожелание, чтобы как можно скорее был собран материал по описанию быта хивинских ханов. Там это свежее, людей, знавших этот быт, имеется как будто бы больше, и нужно скорее зафиксировать этот почти совершенно отсутствующий еще в печати исторический материал.

Следует пояснить, к каким эмирам главным образом относятся следующие дальше описание. Это преимущественно время Абдулахад-ха-

на, но огромное большинство черт его жизни соответствует быту бухарских эмиров вообще: Абдулахад-хан близок по времени к нам (умер в 1910 г.) и достаточно еще типичен, несмотря на проникшие новшества.

Должен показать, что я мало старался выделить последнего эмира — Алим-хана и не стремился собирать материал по его личному быту и временипровождению. По всем дошедшим сведениям, этот последний легендеривавший потомок эмиров был настолько неприятен в своих привычках и пороках, что, mea culpa, я воздержался от коллекции — рования рассказов об его оргиях и дебошах, считая, что правильное собирание материала по его жизни, скорее, дело психопатологов.

Должен также оговориться, что собирание материала по теме "День бухарского эмира" (как и по арку) мной еще не закончено. Не имея, однако, возможности быстро его закончить, как мне бы хотелось, думаю, что следует издать этот материал как он есть, так как и это может оказаться интересным и полезным при изучении Бухары второй половины XIX и начала XX вв.

ВВЕДЕНИЕ

Бухарский арк имеет богатую многовековую историю. По крайней мере полторы тысячи лет тому назад, а возможно и много раньше, эта величественная крепость уже была местопребыванием правителя обширной и густонаселенной страны с древней земледельческой культурой. В арке находились дворец правителя, помещения визирей с их бюрократическим аппаратом, казначейства, тюрьмы, гаремы, монетный двор, арсенал, мечети и много других построек. И хотя последние эмиры предпочитали жить в загородных дворцах, все же бухарский арк сохранил значение главной их резиденции.

Так как археологические исследования толщи бухарского арка только еще начинаются, вопрос о времени его первоначального сооружения остается пока открытым. Легендарные сведения о постройке арка якобы в начале второго тысячелетия до н.э. при Сиявуше, сыне Кайавуса, содержатся в отрывках из книги Абулхасана Ишмаури "Хазин ал-улум", дошедших до нас благодаря тому, что Абу Наср Кубави включил их в виде дополнений к тексту сочинения X в. Мухаммада Наршахи, переведенного с арабского на персидский язык, сокращенного и переработанного им в XII в.¹ Здесь же говорится о разрушении арка еще в доарабское время и восстановлении его при Бухар-хуладе Билу-не, о возведении построек в арке Арслан-ханом Караханидом (1102-1130) после второго разрушения, о третьем разрушении Хорезмшахом в 1140 г. и восстановлении Алтегином в 1141 г., о четвертом разрушении тузами в 1140 г. и возведении вновь Хорезмшахом Мухаммедом в 1207 г., о пятом разрушении монголами в 1220 г. Тимуридские хроники, говоря о кратковременном пребывании в бухарском арке Улугбека

1. См. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Narshakhy, texte persan, publié par Charles Schefer. Paris, 1892, p.21-23; Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Иконни. под редакцией В.В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр.33-36; То же. Митогр. изд. Новая Бухара, 1944, стр.28-31; То же. Изд. М. Ризани, 1939, стр.27-31; The History of Bukhara, translated from a Persian abridgement of the Arabic Original by Narshakhy. Richard N. Frye. Cambridge-Massachusetts, 1954, p.22-25.

в 1405 г., упоминают о существовании в то время, как и раньше, двух ворот арка — восточных и западных¹.

Новые постройки в арке XVII-XIX вв. перечислены в специальном сочинении "Тахикоти арки Бухоро", составленном Носир-ханом, сыном Музаффар-хана в 1921 г.² Автор этой небольшой компиляции долго жил в арке, знал расположение и назначение многих, ныне не существующих зданий и сообщает о времени их постройки. Например, трехэтажное сооружение над воротами арка — "нагорахона" (рис. 1, фиг. 10-12) было построено, по его словам, при Абдулазиз-хане (1645-1680), тронный зал, (рис. 1, фиг. 66), "мехмон-хона" и верхняя соборная мечеть (рис. 1, фиг. 19) — при Субхонкули (1680-1702), ему же приписывается постройка на площади Регистан медресе Дор аш-шифо, хонако, айвана и хауза. Ко времени правления Мухаммад-Рахим-хана (1756-1758) источник относит возведение в северо-восточном углу арка мечети Чилдухтарон (рис. 1, фиг. 148), возле которой был расположен мавзолей сейды Абдолгози (или Вагтолгози) (рис. 1, фиг. 145-146), из потомков халифа Али. Неподалеку от них находится большая братская могила, в которой похоронены семь сыновей Абулфайз-хана (1711-1747), убитых по приказу отца.

Автор "Тахикот" не назвал ни одной постройки последней трети XVIII в. Эмир Шох-Мурод (1785-1800), по его словам, разрушил многие старие здания светского назначения, а строительный материал использовал для построек и ремонта мечетей вне арка. Новые постройки в арке, по словам этого автора, начал эмир Хайдар (1800-1825), который соорудил рядом с домом Рахим-хана приемный зал, открытый на запад, а в другом месте — большое хонако, возле которого был колодезь — "чох", откуда доставали воду для поливки имевшегося там цветника. К колодезю вел проток из хауза Лисак, открывавшийся по мере необходимости. Колодезь мог использоваться для водооснащения арка и в случае осады во время войны. Сообщается, что в арке имелся садик — "богча", носивший название Чахор чаман, воду для которого поднимали из хауза, находившегося у стены арка, с помощью во-

1. См. В. В. Бартольд. Сочинения, II (2), М., 1964, стр. 77.

2. Тахикоти арки Бухоро, ркп. Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 19.

доподъемного сооружения "чархи фалак". При эмире Насрулле (1826-1860) напрогив дома Рахим-хана выстроили еще один приемный зал (по-видимому, рис. 1, фиг. 88) с подвалом "тагхона". При эмире Музаффар-хане (1860-1885) в арке построили дом для русских послов; при Абдулахад-хане — каменное здание арсенала и пороховой склад "кур-хона", внутри которого находилась яма "газаохона", куда обрабатывали трупы тайно умерших в арке "виновных и невинных" придворных.

К этим сведениям "Тахикот" можно добавить кое-что из других источников. В Убайдулло-номе, например, имеется рассказ о городском восстании 1708 г., когда народ кидал камни в ворота бухарского арка, требуя отмены денежной реформы. При изложении событий 1711 г. упоминается "тесная комната", в которой жил Абулфайз-хан до возведения его на престол, кладовая — "тушахона" и надратное сооружение — "нагорахона"¹. В "Истории Абулфайз-хана" говорится о суфе, находившейся напротив джамии арка, о дереве, росшем возле первого запертого входа в гарем, о зеркальном зале — "шишахона", коронном зале — "куринишхона", кладовой — "тушахона" и ханской конюшне в арке, а также о суфе мечети Понда-атайка, расположенной вблизи арка². Автор "Истории Рахим-хана" Мухаммад Вафой Карминатти упоминает "новое высокое здание", построенное в арке по приказу Мухаммад Рахим-хана. В это помещение был перенесен трон ввиду холодной погоды в декабре 1756 г.³ В том же источнике содержится описание бурных политических событий середины и второй половины XVIII в. Те же и более поздние события освещаются в "Гульшан ад-дулк" Мухаммад Якуба Бухари, в "Записках" Мирзы Шамса Бухари, в "Тодж ат-таварих" Мухаммад Шарифа, в "Фатхномаи султони" Мир Мухаммад Алима Бухари, мемуарах Абдулкарима Бухари, Салим-бека, Шарифджан-махдума, Ахмади Лонша, Сафрийдина Айни и др. Те или иные сведения об арке можно найти также в отчетах и мемуарах русских и иностранных путешественников и дипломатических представителей.

1. См. Убайдулло-нома. Соч. Мир Мухаммад Амина Бухари, ркп. Института востоковедения АН УзССР, № 1532, л. 138а-141а, 153а, б; 225б; перевод А. А. Семенова. Ташкент, 1957, стр. 156-159, 172, 251.

2. Табрихи Абулфайз-хан. Соч. Абдурахмана Толий, ркп. Института востоковедения АН УзССР, № 11, л. 100б-119б; перевод А. А. Семенова. Ташкент, 1959, стр. 50-66.

3. Тухай хони, ркп. Института востоковедения АН УзССР № 16, л. 255б.

В 1918 г. в бухарском арке совершили свой героический подвиг большевики, посланцы Туркестанского Совета Народных Комиссаров во главе с В.П. Уткиным¹. Площадь Регистан была местом последних боев, в которых бухарский народ с помощью Красной Армии в короткий срок с 29 августа по 2 сентября 1920 г. разгромил войска эмира. 2 сентября 1920 г. М.Ф. Фрунзе послал В.И. Ленину телеграмму:

"Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными силами красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции".

После революции арк сохранил только значение исторического памятника. В настоящее время, как упомянуто, в нем находится областной музей.

1. Об этом подробно см. ниже, стр. 81, а также "Газарихи Салими" ркп. Института востоковедения АН УзССР №2016, лл. 154-155; Б.И. Искандаров. Бухара в 1918-1920 гг. (Литература Бухарского эмирата - очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии). В кн. "Материалы по истории Ср. Азии и Таджикистана". Сталинабад, 1954, стр. 15-16; е г о ж е. Бухара (1918-1920 гг.). Душане, 1970, стр. 59-60; Н.К. Норкунлов. Мирза Салим-бек о бухарских событиях 1918 г. "Общественные науки в Узбекистане". 1967, №4, стр. 59-61; е г о ж е. "Газарихи Салими" - ценный источник по истории Бухарского эмирата (1860-1920 гг.). Автореф. дисс. Ташкент, 1968, стр. 16-18.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРКЕ

Бухарский арк представляет собой в настоящее время большое земельное возвышение, род искусственного, как можно думать, холма, дозволенного плоской возвышенностью и круго обрывающимися склонами, носящими следы разновременных и разнохарактерных усилий их укрепить, предохранить их от разрушения и осипания¹.

Арк расположен в северо-западной части современного города, внутри последних, до сих пор сохранившихся городских стен, но вне древнего шахристана, к западу от него. Длина стен арка - 789, 60м, площадь поверхности - 3,96 га, высота от уровня площади Регистан, возле которой он расположен, колеблется от 16 до 20 м.²

В плане арк близок к неправильному прямоугольнику, несколько вытянутому по направлению с запада на восток. Юго-восточный угол его слегка срезан (рис.1).

Вопреки тому, что, казалось, можно было бы ожидать от бухарского кремля, официального местопребывания многих правителей, в нем не было за последнее время выдающихся в архитектурном отношении зданий. Русский агент Виткевич, побывавший в Бухаре более ста лет тому назад, характеризует постройки арка как "сбор лаужек, не большой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен"³. Этот несколько суровый отзыв, все же, видимо, довольно справедливо характеризует дворцовое хозяйство последних эмиров⁴.

Большинство зданий в арке было построено из обичного в Средней Азии деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичем и покрытого

1. По представлению бухарцев, словом "арк" называется замок, расположенный в городе и на значительной высоте, тогда как укрепление, стена которого находится на уровне земли или на невысоком холме, называется "куртон". Кроме кремля города Бухара, арками называются высоко расположенные замки еще четырех городов Бухарского ханства: Китаба, Яккабага, Кермине и Гисара.

2. Сведения о размерах бухарского арка были любезно сообщены нам в 1940 г. городским инженером Ф.В. Еселевичем.

3. М.М. Соловьев. Экспедиция в Бухару в 1841-42 гг. М.-Л., 1936, стр. 84.

4. Наиболее старый известный рисунк арка, сделанный в начале XIX в. и опубликованный в журнале "Сибирский вестник" за 1823 г. (рис.5), показывает, что внешний вид строения юго-западной, прилегающей к входу, части арка в то время значительно отличался от предположенного более позднего (рис.6,7,8). Знакомству с этим рисунком мы обязаны А.М. Мухтарову, которому и выражаем за это свое признание благодарность (прим. ред.).

штукатурки". Дома попроще делались из однорядного кирпича, более богатые — из двухрядного. Построок из обожженного кирпича в арке было немного: "тахтауль" (пануе) у входа, "нагорахона" — сооружение над входными воротами, "долон" — крытый проход, ведущий снизу вверх от ворот до поверхности арка (потолок его был деревянный); мечеть Джоми (за исключением крыши); "саклав" (небольшой купол перед входом во двор саломхона); стены, окружающие тронный зал; подвалы казначейства; мечеть Хонако; небольшая баня; мазар Салид Бат-тол-този и небольшое медресе, находившееся в северо-восточном углу арка.

После победы революции и бегства бухарского эмира в арке возник пожар, продолжавшийся четыре дня. То, что уцелело от огня, не могло надолго сохраниться в дальнейшем. Материал, из которого было сделано большинство построок, был настолько непрочен, что быстро поддавался разрушению. Кроме того, местные жители растаскивали деревянные части кирпича на топливо. Тем не менее, часть построок в первое десятилетие еще оставалась.

По словам тов. Бычкова, служившего в одном из советских учреждений, размещавшихся в арке в 1925—1927 гг., северо-восточная часть арка в то время была еще мало разрушена. Там стояла сплошная масса зданий, где можно было переходить из одной комнаты в другую. Это были красивые лабиринтообразные ангиланды: каждое помещение имело особую отделку. Поражало обилие разбросанных в этих комнатах рукописных книг в очень красивых тисненых переплетках. В одном из помещений, по-видимому, в гареме кучбеги, на чистеньком аккуратно дворике был даже небольшой водоем, размером приблизительно 2 x 2 м, где будто бы купались женщины. Рядом росло большое дерево.

В период Бухарской народной республики была реставрирована западная стена арка. Около нее сохранилось несколько зданий, но все они не занимали и десятой доли площади арка. Остальная территория в 1940 г., когда записывался материал для настоящей работы, представляла собой большой пустырь со следами фундаментов, сохранившихся далеко не везде. Постройки, существовавшие еще в 1940 г., следующие (см. план): тахтауль, ворота, нагорахона, долон, мечеть Джоми, часть укреплений кучбеги, основание коронационного зала, корихона, двор и постройки саломхона, часть построок саломхона, часть полуразрушенных и запыленных подвалов казначейства, хонако в южной части арка и мазар — в восточной.

В арке постоянно жили жены и мать эмира, а также другие женщины гарема. Здесь же, под особым приютом, находились братья и дя-

ли эмира с их семьями и прислугой; каждый из них имел в арке особое изолированное помещение.

Безвременно жил в арке "кулли-кучбеги", или "кучбеги боло" — верхний кучбеги, правивший всей страной от имени эмира. Он не имел права покидать арк. Тут жили и его семейные. Также безотлучно находился в арке начальник тайной полиции эмира — "тулчибоши" (которого следует отличать от другого тулчибоши — начальника артиллерии).

В дневное время в арке находилось 80 служащих кучбеги (писцы его канцелярии и чиновники для поручений — "погирдепа"), 30 или 40 служащих тулчибоши, 20 поваров, 10—12 кувелиров, 6—8 плотников, 1—2 штукатура, работники монетного двора, музыканты, истопники, водопосы и т. д. Все они жили в городе и находились в арке только в служебное время — от утреннего намаза "бомдод" до намаза "шом". Ночевать никто не оставался.

Не выяснено, жили ли в арке имамы, суфьи и прочие служители мечетей и хонако. Известно только, что возле хонако были небольшие дворики и дома, считавшиеся помещениями суфий и имамов. Стражники "тулмоба" имели дома вдоль всей восточной стены арка. Число их не выяснено. Также неизвестно количество слуг, постоянно живших при дворе эмира, в домах его матери, жен, братьев и детей, при гареме, при домах "кучбеги", "тулчибоши", "девоубеги" и других сановников. Но во всяком случае это число не должно было быть очень велико, так что общее число людей, находившихся в арке при эмире, не превышало 600—700 человек, в отсутствие же его — 400—500 человек.

Трудно предположить, чтобы арк, по существу являвшийся крепостью, крепким, приспособленным для сопротивления неприятелю, мог бы всегда снабжаться водой только с помощью водопроводов. В последние десятилетия существования эмирата водоснабжение арка было организовано так: водопровод брал воду в пруде (хауз), находившемся на некотором расстоянии от арка (перед мечетью Болохауз), и везли ее на осликах через площадь Регистан к воротам арка и затем через тахтауль и долон наверх². Для военного времени в случае осады арка такой способ был непригоден, поскольку водопровод на своем пути от хауза к воротам

1. По сведениям, любезно сообщенным нам Е. М. Пешеревой, в арке были также золотые мастера. Число их и местоположение мастеровских не определены.

2. Водопровод-мужчины подносили воду до саклава перед урами. Для разных вод по урам, где жили женщины, существовал специальный штат женщин-водопроводов "машкобан" (о них см. Д. И. К. р. о м и. Духтари огаш. Душанбе, 1962, стр. 487 и сл.) (прим. А. П.).

арка находилась бы под обстрелом возможного неприятеля. Должен был быть другой, более безопасный способ получения воды в арке.

Опрошенные нами жители Бухары и даже последний архитектор — Ибрагим Хойбзов не знали о существовании такого способа. Это и неудивительно: ведь при последних эмирах, с введением русского протектората прекратились междоусобные войны и была исключена возможность военного нападения. Некоторые военные приспособления были заброшены, в том числе и тайный способ снабжения арка водоем в случае осады.

Мы можем только предполагать, что вода доставлялась в арку с помощью подземного канала "тазар", который шел от бывшего медресе Ходжа-Нихол и подходил вплотную к южной стене арки. Вероятно, здесь существовал тайник — "обдуз", который вел под стеной к этому каналу. Не исключена возможность даже существования сооружения типа "сардоба" (закрытого водоема).

Подтверждение этой догадки мы нашли в рукописи "Тахкикоти арки Бухоро":

"Еще имеется колодезь по соседству с упомянутым хонак, где держали воду, которую вытаскивали из него для полива цветника, расположенного у того места. А чтобы не испытывать нужды в воде в случае войны, к нему из хауза Лисак¹ есть ход, который открывается, когда нужно. Кроме того, был садик, называвшийся Гулзори чорчапан — "Цветник четырех лужаек", где его величество счастливый эмир часто прогуливался и развлекался с обитательницами (?) гарема. Воду сюда поднимали с помощью колеса "чархи фалак" из хауза, находившегося напротив, вблизи стен арки, где сберегалась вода"².

Приведенное свидетельство "Тахкикот" выглядит вполне правдоподобным. Автор его жил в арке или по крайней мере общался с людьми, жившими там во времена, предшествовавшие русскому завоеванию. Поэтому он мог знать о существовании тайного водопровода, прочно забытого позднее. Кроме того, не следует упускать из виду, что автор "Тахкикот" был сыном бухарского эмира Музаффера, правившего с 1860 по 1886 г., оставался в арке при двух последующих эмирах и сумел уцелеть во время переворота 1920 г. Кому ж, как не ему, было и знать тайны бухарского кремля?

1. Хауз Лисак находится неподалеку от арки, к югу от него.
2. Ркп. Института востоковедения АН УзССР, №19, л. 406.

ОПИСАНИЕ СХЕМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА АРКА

У в х о д а в а р к . М е ч е т ь Д ж о м и

1. "Джилхона" — открытая площадь на Регистане у входа в арку (рис. 6). Приезжавшие во дворец бухарские сановники здесь оставляли своих лошадей с конюхами. Только эмир мог въезжать в арку сидя на лошади. Глава военных феодалов — "атолик" и высший чин среди духовенства — "кози-калон" поднимались верхом до половины пандуса: "раис", "хоним", "тукабоб", "мирохур" слезали с лошадей, не доезжая пандуса, меньшие чины — вдалеке от него, а когда приходилось посещать арку торговцам или другим людям, то они спешивались еще дальше и принуждены были пройти пешком большое расстояние.

2. "Тахтауль" — пандус, подъем к воротам арки, отраженный с обеих сторон массивными каменными перилами. Длина пандуса около 20 м, ширина — от 5 до 3,5 м. В верхней части перила возвышались, образуя небольшие арки с проемами, откуда крутые ступени по обе стороны пандуса спускались к основанию арки (рис. 8 и 9).

Первоначально пандус имел деревянный помост, почему и назывался "тахтауль". Ввиду его ветхости в 1894—95 гг. бревна заменили полом из плоских квадратных обожженных кирпичей старого типа. До перемены настла под деревянным помостом пандуса было пустое пространство, соединявшееся с "канахоном". Под тахтаулем, как и в канахоне, содержали придворных, совершивших наиболее тяжелые преступления. Бревна в пандусе намеренно не притоняли плотно друг к другу, и между ними оставляли щели для прохода воздуха в помещение канахона, закрывавшееся наглухо после того, как туда спускали преступника.

3. "Пештокча" — железные кольца, вделанные в стены перед упомянутыми боковыми входами пандуса. Таких колец два, по обе стороны пандуса (рис. 9). Путь между кольцами перегородивали в некоторых случаях цепью.

1. В арку въезжали верхом по пандусу и через долон до площади за ним члены посольств и миссий (Л. Ф. Костенко. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. СПб. 1871, стр. 52; М. М. Соколов в Б. Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана. М.-Л. 1936, стр. 59), хотя иногда и они спешивались, вступив перед пандусом и дальше шли пешком (В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского. СПб. 1887, стр. 289). Въезжать из арки верхом с поручениями эмира имел право ряд высших должностных лиц, относящихся к группе "отгор эмира" (А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре. "Сов. востоковедение", 5, М.-Л., 1948, стр. 148—150) (прим. А. П.).

имеется противоречие между показаниями главного осведомителя по арку — архитектора эмиров Иброгима Хойззова и других (И. Адилова и Усто Ширина Муродова). По словам И. Хойззова, цепь не протягивалась, когда эмира в арке не было или он не принимал. Это называлось "дари хона не", т.е. "нет дверей в дом", нет приема. В случае приема поперек тахтаула между кольцами пештокча протягивалась цепь. В это время прекращался подвоз воды водоносками. Напротив того, И. Адилов и Усто Ширин Муродов, опрошенные независимо друг от друга, показали, что в тех случаях, когда эмир был в арке, но не принимал, цепь была протянута и это называлось "дари хона не" — нет приема. Когда же эмир начинал прием, то цепь убиралась¹.

4. "Гулдаста" — род башен, возвыгнутых по одной с каждой стороны ворот. Таких башен в арке было всего две; угловые башни арка назывались иначе: "тилбурулк" или "кунджак".

5. "Суда" — возвышенные площадки для сидения около башен гулдаста. Современная каменная облицовка их была сделана одновременно с ремонтом пандуса (в 1894/95 г.). По утрам, еще до рассвета, на этих судах сидели сановники, которые должны были явиться в арку к утренней молитве. Дождавшись открытия ворот, они устремлялись вверх по долону 13 в соборную мечеть 19.

Под каждой из этих площадок имелась внизу небольшая комнатка, дверки которой открывались наружу. В правой при входе эта дверь существовала еще в 1940-1941 гг., в левой же она была замурована и оставлены только две небольшие амбразуры. В первом помещении имелся небольшой столбик, подпиравший потолок. При Музаффар-хане и только раз при Абдулахад-хане здесь подвергались казни женщины. При Абдулахад-хане осужденную привязали к столбу, против небольшого окошка и расстреляли через него, причём она была под паранджой².

1. С. Айни в своем "Воспоминаниях" (Перевод с таджикского Анны Розенфельд. М.-Л., 1960, стр. 750; в дальнейшем цитируется "Воспоминания") пишет, что в день, когда назначен был прием, через мост Тахтаула была протянута цепь. "Увидев эту цепь, Пирак пояснил мне: "Бог сегодня состоится открытие дверей", то цепь уберут, и тогда будет очень интересное зрелище, а если "открытие дверей" не состоится, то цепь провисит здесь до полуночи, и тогда все разочарованно разойдутся". (Проткнутой через тахтаула цепь видна на рис. 6) (прим. А. П.).

2. Не звали Майда Муртор. Небольшого роста ("майда"), бойкая, лет 24-25, хорошенькая, она была не прочь принимать по ночам участие в пирушках мужчин, где пела и танцевала. Арестован был за подкуп — телство и ее муж, но он отговорился, что все это происходило без его ведома. Пролетав 2-3 года в тюрьме, его выпустили.

Верхняя часть пандуса с боковыми площадками суда служила своего рода эстрадой при некоторых меропрятных эмирского правительства. Здесь, в присутствии кози-калона и кушбег, ежегодно накануне новогоднего праздника происходила выдача десятины — "дахьяк" муллам, которых собиралось для участия в этой церемонии до 2000 человек (по другим сведениям — 1200 чел.).

"Оламиён" — главное лицо, производившее раздачу дахьяка (его называли иногда "ясонули уламо"), сидел при этом на правую (при входе) суда, а его писцы-счетоводы — на левую. Один из служащих, стоя посреди верхней площадки пандуса, спиной к арке, громогласно провозглашал имена мулл по списку. Мулла в ожидании очереди стоял по левую сторону от тахтаула друг за другом, в порядке расположения имен в списке. При провозглашении имени названного мулла отклонялся вперед своего отца и поднимался по левой лестнице наверх тахтаула, пересекал площадку и приближался к правой суде, где оламиён выдал ему завернутую в бумагу и завязанную пачку — 120 тенег. Взяв их, мулла спускался по противоположной лестнице и уходил в сторону мечети Поянда¹.

Состоять в списке мулл, получавших дахьяк, считалось весьма почетным, и иногда трагически теснил для приобретения этого права. Общее число мулл, получавших дахьяк, считалось постоянным: на место умерших зачислялись другие — после сдачи ими особого экзамена, заключающегося в чтении и переводе нескольких строк из известного религиозного трактата "Хидая", сочинения Бурхонидина Али ал-Мартини, на арабском языке².

Раз в месяц в этом же месте происходила выдача жалованья солдатам: гвардейской кавалерии — "кавказ", солдатам — "дуболапур" (названием, т.е. вооруженным винтовками, заряжавшимися с казенной части), артиллеристам и, наконец, остальным. Последние приходили раз в месяц специально за жалованьем из сел. Ширбутиун, где находились их казармы. Солдаты получали по двадцати тенег в месяц и прочее содержание — натурой (кавалеристам выдавали и фураж).

В верхней части тахтаула производилось обычно еще наказание палками — публично по четвергам, субботам, иногда по понедельникам, только в единственном месте в г. Бухаре — именно в верхней части пан-

1. Описание раздачи дахьяка муллам см. также С. А. И. и И. Воспоминания, стр. 760 (прим. А. П.).

2. Сохранился указ последнего эмира от 1917-1918 г., из которого видно, что подобные выдачи дахьяка производились и в Карши. Там это пособие получали 55 мулл, по 100 тенег в год каждый. (Бухарский музей, док. №186) (прим. О. Ч.).

дуса. Для этого наказания требовалось всякий раз специальное письменное разрешение эмира. Имелось обычно две градации: 39 ударов ("ик кам-чиль" - т.е. "без одного сорок", как определяют бухарцы), или, более сильное - 75. Редко, но все же бывало, что эмир приговаривал к наказанию "чоройна" (латы, буквально - четыре зеркала). Читало 75 повторилось в таком случае четыре раза: 75 ударов давались обычным образом по спине, 75 - по груди и животу и по 75 по бокам. Такое наказание преимущественно присуждал (и то редко) жестокий Музафар. Про Абдулла-хана говорят, что он только раз решился на такой приговор.

Следует оговориться, что это касается только "наказания". Но при пытках, чтобы заставить сознаться подозреваемого, применялись всеяду самые ужасные приемы, в том числе и битье. Тут уже не было счета и меры.

Для наказания употребляли трости из дерева твердой породы, очищенные от коры и сучьев и обструганные ноком, длиной немного более метра. Их заготавливали целыми партиями.

Один из служащих при входе - "мерган" взваливал виновного себе на спину так, что он приходился грудью на спину державшего и чтобы спина наказываемого была бы обращена наверх. Рубашку ему поднимали и завязывали на голову. Часто ему давали в рот его тибетейку, чтобы он мог ее кусать, не кричал бы и дышал носом, так как считалось, что если дышать ртом, то кожа якобы больше отходит от тела и хуже выдерживает удары. Руки наказываемого держал человек, на спине которого он находился; сзади за ноги его придерживал еще один мерган. Удары наносились по очереди двумя людьми, бившими через голову так, чтобы удары ложились вдоль спины провинившегося.

"Бир" (один), - раздавался громкий крик счетчика, далеко разнесшийся над примолкнувшей толпой, собравшейся на зрелище. "Ики" (два), - отсчитывал тот же человек, при втором ударе и т.д. Счет велся по-узбекски. Текла кровь, окрашивая штаны принимающего удары, а также и спину его державшего. Но вот, наконец, счет закончен. Пострадавшего снимают с живого эшафота и кладут на носилки, принесенные из ближайшей бани в Тукмулузи, где они находились около топки бани - "тулах". Истоники при двух соседних банях уже давно использовались с этой целью также случаи. Положив израненного на носилки, они относили его к себе в свое помещение при бане, где его укладывали спиной на подложенную снизу свежую, не бывшую в употреблении, камышевую циновку. Не поддающийся мнению камыш считался в те дни достаточным антигигиеническим средством. Разорванные куски кожи и мяса

на спине понемногу начинали приростать. Как только раны подсохли, пострадавшего снимали с циновки и мазали раны немного нагретым салом. Извещенные о совершенном наказании родственники пострадавшего, если они не пришли ранее, прибывали на место, где лежал больной (если они не знали, то об извещении их заботились истоники) и привозили значительное вознаграждение лечившим.

6. "Дарвоза" - ворота. Сохранившиеся до сих пор западине (и в течение последнего столетия единственные) ворота арка имели по бокам, как уже было упомянуто, две круглые башни, а наверху - трехэтажную постройку с открытой галереей - "нагоракана" 10-12.

Бухарцы рассказывают, что прежние ворота арка были на востоке и что теперешние устроены здесь Абдулло 3 (1587-1598, фактически правил с 1557 г.). Это представляется довольно вероятным, принимая во внимание некоторую близость к ним двух медресе - его и его матери. Следы закрытия прежних восточных ворот сохранились и в названии гузара (квартала), именуемого Арки баста - закрытый кремль².

Сами ворота - простые, деревянные, не отличающиеся художественными украшениями, поставлены были при Абдуллах-хане (1885-1910). И косяки и самые полотноща их были сделаны из дерева "тулжум" (карагач)³, но нижний порог намеренно сделан из туты (шелковины), как очень хорошо переносящего сырость, которой не переносят карагач, в других отношениях очень крепкий. В южном полотноще ворот имелась дверка (рис. 10).

Здесь, перед открытыми воротами арка, кущбеги и тулчиоши совершали пятикратный намаз, отбивая поклоны с положением лба на порог

1. Ср. описание этого наказания С. Айни (Воспоминания, стр. 299). По его словам, после наказания избитых относили в охоту (прим. А. П.).

2. Ср. "Таърихи Наршахи". Бухарок. литогр., стр. 30; Черевол Лыкошина, стр. 34, а также "Тухфат аз-зоирин". Бухарок. литогр., 1328 г. х., стр. 111. Дорога, пролегающая когда-то от западных ворот восточным, сохранилась до последнего разрушения арка в 1920 г., и следы ее видны были еще и в 1940-1941 гг. Эта прямая дорога или улица разделяла площадь арка на две половины - северную и южную; перпендикулярно к ней были проложены более узкие дороги от северной стены к южной. Вокруг всего арка шла вдоль стены его круговая улица, по которой можно было обойти вокруг арка (что и было проделано в 1912 г. И. И. Умняковым). В нескольких местах эта улица была перегорожена воротами, закрывавшими доступ в юго-восточную и центральную часть арка, где жили женщины.

3. Карагач шаховский, с мелкими листьями, в Бухаре называется "чин-тулжум", т.е. "китайский тулжум". В этом названии сохранилось, может быть, след его попадания в Среднюю Азию. Распространен карагач с более крупными листьями в Бухаре называется "норвон-гулжум". Он употребляется на бревна.

ворот. Отсюда же начинал кричать намаз муэдзин эмира, и только услышав его, все остальные муэдзин, ждущие этого момента по своим минаретам, присоединялись к нему, и вся Бухара наполнялась криком. Голос у муэдзина эмира был такой, что якобы был слышан на расстоянии одного "фарсаха" (около 8 км).

Ворота отворялись обычно незадолго до восхода солнца.

7. "Канахона". Сразу же за воротами, по обе стороны их имелось еще по площадке "суфа", на каждой из которых сидело днем по два ясулу-привратника - "ясулули дарвоза", имевших в руках по белому посылу (из легкого дерева, называемого "джавабед"), с очищенной корой, обструганному. На ночь, после запора ворот, ясулули здесь же ложились спать.

В углу каждой из двух расположенных за воротами площадок суфа было по дверке (правая сейчас заложена), которые вели в "канахону" - продолженное в описаниях европейцев место содержания преступников, наполненное клещами, скорпионами и проч.

Опрощенные бухарцы объяснили, что туда специально клещей не бросали, но что от сырости и порчиности старого здания там сами собой собирались разные насекомые, что и подало повод к таким раскозам.

В каждой канахоне могли поместиться не более 3-4 человека. Помещения эти имеют круглую колодезную форму, около 2 м в диаметре. Как упоминалось, до конца XIX в., т.е. до перестройки тахтагуля, они соединялись с помещением под тахтапулем, где тоже содержались преступники.

Канахона было две, по одной с каждой стороны ворот.

8. "Обхона" - пять тесных сырых каморок, находившихся по левой стороне полъема, при входе в ворота, за левой канахоны, по западной стороне долона. Вентиляционные отверстия в обхона были сделаны в стенах каждого из пяти помещений. Пол в обхона был на уровне земли. Самое название "обхона" - буквально "помещение с водой (для воды)", по объяснению бухарцев происходило от сырости, бывшей в этом помещении. Воду здесь никогда не держали. В обхона содержались преступники за более легкие преступления, чем в канахонах.

9. Проход от входных ворот 6 к долоу 13, перекрытый двенадцатиградным оводом - "тумбаз", над которым находится нагоракхона.

10-II-12. "Нагоракхона"¹ - трехэтажное, близкое к прямоугольному в плане, сооружение над входными воротами в арк, с двумя угловыми

¹ В "Тахикот" постройка нагоракхона приписывается Абдул-азиз-хану (1645-1680 гг.) См. ркп. Института востоковедения АН УзССР, № 19, стр. 40а (прим. О. Г.).

ми башенками - "гуддаста" 4 на фасаде (рис. 6-8 и II, 12). Комплекс нагоракхона состоит из центрального помещения II (см. планы на рис. 12), размером 4,30х7,60 м, которое находится над проходом 9 за шиповой стеной входной арки; уровень пола его приходится над входными поротами. Это помещение очень высокое, оно проходит сквозь два этажа нагоракхон, и потолок его служит полом помещений третьего этажа. В западной стене центрального помещения II обращает на себя внимание нечто вроде полузаспанного михраба, имеющего форму арки (как и на фасаде входной арки). Вход в помещение 21 со двора сайсхона 41 через проем в восточной стене, шириной в 1,6 м. Пол всех помещений нижнего этажа ниже уровня двора сайсхона. С севера и юга к помещению II примыкают два узких вытянутых помещения 10 и 12 (шириной 1,9 м). Они наполовину ниже центрального помещения. Северное помещение 10 (рис. 9, внизу справа) - кладовая. Перед ее дверью раньше стояла открытая лестница из жженого кирпича, ведущая со двора сайсхона - 41 в расположенную над кладовой 10 часть второго этажа нагоракхон. Прорез в стене помещения второго этажа ко времени нашего обследования был заложен. Южное помещение 12 неизвестного назначения. Узкий вход в него находился под существующей дверью во второй этаж¹ (рис. II, слева). Наличие заложённых кармашком северной и южной стен дают основание предполагать, что раньше был сквозной проход из помещения II в помещения 10 и 12.

Как сказано, потолок центрального помещения II доходит до пола третьего этажа, боковые же помещения 10 и 12 наполовину ниже, и на них предполагается второй этаж - закрытый коридор, окружающий верхнюю часть помещения II с юга, севера и запада (западная часть коридора находится над входной аркой). В углах западного коридора имеются проемы, ведущие внутрь двух башенок гуддаста, где имеется по 4 окна в форме стрельчатых арок, забранных ажурными ганчевыми решетками. В южной гуддаста юго-западное окно, обращенное в сторону сайсхона, было заложено наглухо, чтобы невозможно было через него смотреть. В наружной стене западного коридора, находящейся над входом в арк и обращенной к Регистану, между гуддаста имеется 6 арочных проемов то же с ажурными ганчевыми решетками. Здесь сидивали царевичи, смотря на увеселения, устраиваемые на Регистане по большим праздникам - Курбан и Рамазан.

¹ При Абдулахад-хане у этого же угла была сложена из обожженного кирпича лестница, ведущая наверх. Ее потом разобрали и заменили построенной с другой стороны.

Посредине западной части коридора второго этажа в потолке имеется отверстие, через которое по имевшейся здесь деревянной лестнице сообщались с третьим этажом. У выхода на третий этаж стояли башенные часы (рис. 6 и 7), снятые якобы с конантского дворца одним из эмиров. Их бой, по словам бухарцев, был слышен на расстоянии йарсаха.

На третьем этаже нагорхоны посредине имеется прямоугольное помещение, находившееся над помещением II, но меньшее по размеру. Во всех четырех сторон оно окружено открытой галлереей (см. рис. 8, 9, 10). Вход в это помещение с востока. Пол его немного выше, чем окружающий его галлерей. В этом помещении музыканты хранили свои инструменты, главным образом 15-20 больших барабанов - "нагора" (рис. 13) (более легкие инструменты - "бурнай", "карнай" музыканты уносили с собой). Музыканты, игравшие на барабанах, сурнах, карнах, сидели обычно на западной, открытой на Регистан, галлерее третьего этажа нагорхоны.

13. "Долон" - крытый, идущий вверх, проход, заворачивающий к северу (рис. 14). Крыша была заменена около 1893 г. Прежняя была из арчевых бревен, новая, сделанная во время общего ремонта, - из каратача.

14. Первая ниша долона, справа от входа в ворота. Здесь ежедневно сидели двое: кувбети, приходящий сюда во время учения войска посмотреть на военные упражнения через отворенные ворота, и тугчиоши. Последний бывал два раза: в первый раз он приходил рано утром, перед восходом солнца для того, чтобы присутствовать при открытии ворот, и оставался приблизительно до 10 часов утра. Вторично он приходил в 4-5 часов вечера и оставался до окончания намаза "аср". После этого намаза лица, не жившие в арке, не имели права далее там оставаться за исключением экстренных случаев; так, например, секретарь кувбети уходил часто после намаза хуфтан.

Вслед за ними, где сидели кувбети и тугчиоши, перед воротами (с их внутренней стороны), имеется сверху небольшая перемычка, которая, по словам И. Хойззова, поддерживала построенную над этим местом стену нагорхоны². Отсюда, довольно круто поворачивая к северу, идет длинный крытый проход - долон - 13, в каждой из двух стен которого имеется по ряду ниш: в левой, западной - двенадцать, в правой, вос-

1. Л. К. Остенко (Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., СПб.: 1871, стр. 51-52) пишет, что эти часы - "дело рук русского афериста Каратаева, лет десять назад бежавшего в Бухару..." (прим. А. П.).

2. Судя по плану, это должна быть восточная стена нагорхоны, выходящая во двор сайсхона. (прим. ред.).

точной - тринадцать. В этих нишах сидели, а ночью спали мерганы - стража, состоявшая в ведении тугчиоши и охранявшая вход в арк. Все эти ниши простые, оштукатуренные ганчем, прямоугольные.

15. Ниша на восточной стороне долона, в центре ряда ниш. Будучи одинаковой высоты с другими, она отличается тем, что имеет наклон в форме стрельчатой арки. В этой нише никто не спал и не сидел, на ночь здесь облагоговейно зажимался и горел масляный светильник - "тирот" или свеча, так как это место посвящено Сиявушу (Сиявуши Вали).

Как удивительно живы и могучи бываю остатки глубокой древности у среднеазиатских народов. Вот и здесь многотысячелетний древний языческий Сиявуш... Сиявуш, возведенный в звание большого мусульманского святого с титулом "Вали". Мой опутник, Иброгим Хойзов, объяснил мне, что это, собственно говоря, не мазар (могила святого), а только "кадидкой" - место, на которое святой ступал.

Если принять во внимание, что и в рассказе Наршахи Сиявуш упоминается как строитель Бухара, бухарского арка, т.е. является таким образом, патроном, покровителем Бухара, если учесть, что то же предание сохранилось и в устных преданиях бухарцев, которое приписывает основание арка Сиявушу, то здесь, в этой небольшой нише при входе в арк, где благоговейно зажимался овет и где в старые годы проходившие останавливались (несмотря на некоторый скептицизм мullah на короткую молитву, мы можем видеть исламизированные остатки древнего культа Сиявуша. Интересно мнение, слышанное М. С. Юсуповым от одного из бухарцев, что здесь не только читается Сиявуш, но что тут погребен также сам Аброрнаб¹.

Такой, хотя и небольшой памятник не мог, конечно, существовать без ведома эмира. Весьма возможно поэтому, что именно они не только знали, но и охраняли этот предмет поклонения от мullah, подобно тому, как они защищали от нападения мullah другой, явно языческий остаток - народный праздник Наруз, праздник весеннего равноденствия.

Другое доказательство существования в былые времена в Бухаре культа Сиявуша можно видеть в дожившем почти до наших дней в народе

1. В 1962 г. нами было записано в Бухаре со слов старика-мештра Мирбахрома, работавшего до революции на монетном дворе в арке, предание о том, что в старину вход в арк был на восточной стороне холма (см. стр. 25) и якобы там же находилась могила Сиявуша. Может быть источник этого предания - сообщение Наршахи: "В той же крепости около входа через восточные ворота, внутри ворот пролазов соломы... он (Сиявуш. - А. П.) был похоронен" (лит. соч., перевод стр. 33). Помимо упомянутой ниши со светильником в долоне, во дворе сайсхона, на который выходит крыша долона, на соответствующем месте, по словам Мирбахрома, якобы находилось небольшое кирпичное надгробие - "сагона" (прим. А. П.).

общиче оплакивание смерти Сиявуша, подобно тому, как это делалось в Иране, где древнее оплакивание Сиявуша перешло в народное оплакивание в исламизированной форме смерти Хусейна, обобщенное потом в память "Мучеников Кербала". Мне доводилось слышать, будто в старину были старухи, знавшие причитания "Нолам Сиёвух" (плач по Сиявушу), а в некоторых глухих горных кишлаках и про бытование этого оплакивания.

16. "Куча" — довольно широкая улица, начинающаяся при выходе из крытого прохода долон 13. Она проходила мимо помещений тупчибоши. 123 и 124 (слева) и поворачивала направо, на восток. Здесь она проходила мимо южного айвана мечети Джоми (слева, с севера) и помещений двора сакхона (справа, с юга), затем еще раз поворачивает направо, на юг и ведет мимо комплекса помещений кутбеги и двора сакхона к коронационному залу 66 и помещениям эмира 24-38 (рис.15).

17. Небольшая дверь, ведущая с улицы 16 во двор сакхона 41.

18. "Куча" — улица, отходящая к северу от улицы 16. Слева находились дворик тупчибоши (место допросов и пыток), справа — мечеть Джоми 19. В 1940 г. эта улица имела около 9 м в ширину — от образующей здесь угол при повороте на север стены арка до соборной мечети. В старое время эта улочка была менее широкой, так как при перестройке западной стены арка еще в дореволюционное время эта стена стала тоньше метра на два и, следовательно, на столько же уширилась улочка. Стена арка при этой перестройке значительно понизилась, прежде же она была одной высоты с сохранившимися ее продолжением на северной стороне арка.

Дойдя на севере до частного жилища тупчибоши 125, улочка 18 поворачивала направо, на восток, а затем влево, на север и, пройдя между помещениями сакхона 130 слева и монетным двором справа, выходила на улицу 150, проходящую вдоль стены арка.

19. Мечеть Джоми (соборная) была построена, по-видимому, недавно, с характерным для XIX в. оформлением ганчевых украшений стен.

1. Об этой древней традиции упоминает Наршахи: "У жителей Бухары есть песни об убийстве Сиявуша, известные во всех областях; музыканты сочиняют к ним мотив и поют их; декламаторы называют эти песни "плачем магов" (цит. соч., перевод, стр.33) (прим. А.П.).

2. Автор "Тахикот" приписывает постройку этой мечети Субхан-хану (1680-1702). Ркп. Института востоковедения АН УССР №19, л.40 (прим. О.Ч.). По сообщению мастера-застары Усто Мирзахрома 1886 г. рожд., работавшего на монетном дворе арка, последний ремонт этой мечети был произведен при Алим-хане (1910-1920). Работы возмывали Усто Ширин Мирзов, резчик по ганчу, и Усто Гаффор. Шотчиный расосты выполнял Усто Аддусалом (запись А.К. Писарчик, 1962 г.).

С юга, востока и севера мечеть окружена айваном с невысокой каменной стеной под ним (рис.16, 17, 18, 19).

Южная половина арки

20. Место двери (позднее заделанной), находившейся по правой стороне южного колена улочки 16, ведущей к помещениям эмира, напротив улочки 151. Она вела на лестницу во второй этаж, в помещения тейлобной станции 56-58 (см. рис.4, планы вторых этажей).

21. Дверь, тоже заложенная в настоящее время; вела в "мирзохона", где сидели писари, ведшие переписку с политическим агентством.

22. Дверь, тоже заложенная в настоящее время, вешая в "мирзохона калон", где сидели "мирзои лайтардор" (правитель канцелярии) и "мирзои мунши" (законовед, хрисконсулт).

Саломхона и помещения

23. "Саклав" (в местном произношении "саклав") — небольшое купольное помещение, из которого двери ведут во двор сакхона, в коронационный двор и через небольшую открытую площадку, размером 5,10хх2,90 м, к двери, за которой находился двор саломхона.

24. "Дари саломхона" — дверь из двора саломхона. Через эту дверь никто никогда не входил во двор саломхона (см. ниже), но через нее выходили со двора саломхона все, в том числе и эмир, садившийся на этой площадке на лошадь, чтобы ехать вниз, к воротам арка (отсюда следы насечек на камнях под саклав 23, сделанные для того, чтобы зимою не скользили ноги коня эмира — единственного человека, который мог ездить верхом в арке). Дверь старая, незамысловатая по

1. В 1962 г. на айване мечети, на стыке восточного и северного крыла находился плоский каменный круг красноватого цвета. В стороне во дворе стоял белый ганчевый сосуд около 2 м длиной. По словам Усто Мирзахрома, оба эти предмета находились раньше на айване мечети и считались священными. Красный камень называли "Санти Рустам" — Камень Рустама, а сосуд — "Охури Рустам" — Кормушка (ноя) Рустама. На фото 19, сделанном в первые годы после революции, оба предмета были еще на месте. Видно, что Камень Рустама представлял собой тогда остатки сосуда с гофрированной наружной поверхностью.

В архиве М.С. Андреева имеется незаконченная черновая записка, несомненно относящаяся к этим предметам: "Писели Рустам" — Чаша Рустама и "Ясли Дульдули" — коня Алиа. К этому комплексу вещей, связанных с именем легендарного героя Рустама, следует отнести и известную громадную "плеть Рустама", висевшую в долоне при входе в арку (хранится в экспозиции Бухарского музея). (прим. А.П.).

конструкции, та самая, которая была при последних эмирах. Интересно, что обе ее половины неодинаковы — западная уже, восточная — шире. Объясняется это тем, что если бы они были одинаковые, то створка двери, выступавшая из стены, мешала бы удайчи и дарбону, сидевшим с западной ее стороны, наблюдать за всеми проходящими через дверь саломхона к выходу.

25. Дверь, в настоящее время заложенная, ведущая с площадки между сакла и дверью саломхона 24 в "дарбонхона" — помещение привратника 27. На небольшой площадке перед ней сидели, ожидая возможного призыва эмира, два удайчи и один дарбон.

26. "Гуи хавили саломхона" — двор перед саломхона — обычным помещением эмира.

На дворе саломхона, перед двумя крайними западными окнами, находившимися против тех мест, где сиджал во время приемов эмир, имелись до революции две площадки — "суфа", размером около 2х2 м, высотой около 40 см, на которые вставал человек, "осластивленный" чеством поцеловать руку повелителя и потереть затем о нее свои глаза, т.е. продолжать то, что мусульмане обычно делают при поклонении святыне — "зиерат" (при посещениях, например, мазара, при созерцании какой-нибудь священной реликвии, при дотрагивании до корана и пр.). В настоящее время этих площадок нет, но еще в 1927 г. они существовали.

Правильный, настоящий путь попадания эмира к себе, в свои покои (рис.20), а также путь, по которому шли все старшие придворные чины, отправлявшиеся к нему на поклон — "салом", это был, как сказано раньше, путь от ворот через долон 13, затем по улочке 16 мимо мечети и затем направо к сакла 23, и дальше не через дверь 24 (дари саломхона), казалось бы, прямой путь от ворот к саломхона, а обязательно в коронационный двор 66 через дверь 64 и направо, перед небольшой стеной — "гуломгард" 65, против двери 64. Здесь перед крыльцом 67 эмир сходил с лошади и проходил к своим аппаратам, как и проходящие на салом, поднимались по лестнице 67 на площадку 68, окружавшую коронационный двор, и через широкую двустороннюю дверь 72 в помещение 73, называвшееся "корихона" (о нем см. ниже), а отсюда во двор саломхона через западную дверь 33. Войдя в корихона, представившиеся эмиру останавливались в ожидании, когда начнется прием и наступит устанавливавшаяся здесь очередь для того, чтобы идти во двор саломхона, где проходило представление эмиру (рис.21).

1. По другим сообщениям, около 25 см.

До революции вход в дверь 24 изнутри двора саломхона 26 был также заслонен стенкой "гуломгард" 38, позднее разобранной. Небольшое здание 30 (с тремя дверями) у западной стены двора саломхона, а также "айвон" и айвонча" за ним были раньше, как и теперь. Под помещениями 27, 28 и 30 был подвал козрового склада — "колинхона" 42, доходящий под землей до середины двора саломхона (см. рис.4).

27. "Дарбонхона" — помещение привратника.

28. Помещение "удайчи" (перемониймейстера).

29. Дверь из помещения 28 во двор саломхона 42. Эта дверь способствовала сквозному ветрку и облегчала жару в летнее время.

30. Помещение бухчабардора (с тремя дверями, выходящими во двор саломхона) (рис.22).

31. "Айвон" или "нимайвон" — веранда. В ней небольшая дверь, размером 1 х 0,55 м, служащая выходом на широкий балкон "айвонча", с металлической фигурной решеткой (рис.23), откуда обитатели арка смотрели на происходящие внизу на Регистане увеселения, например, на пешую игру с козлом — "кукпар" (обычно она бывает конная), бросали по распоряжению эмира в толпу снасти¹.

32. Широкая дверь в восточной стене. Через нее, как упоминалось, входили на двор саломхона приветствовавшие эмира и входили к себе эмир.

33. "Саломхона" — главное местонахождение эмира, откуда он смотрел через окно на стоявших во дворе представившихся ему и приветствовавших его. Окна в саломхона помещались ниже, чем теперь, доходя до балки, лежащей и сейчас на цоколе (рис.21).

Здесь ежедневно после утреннего намаза бомдой эмир принимал посетителей — "салом" от своего двора. Он садился в "гешта" — удаленной от входа части саломхона, у крайнего, западного окна, которое оставалось закрытым, и это был признак, что прием еще не начинался — "дари хона не" — "в доме двери (еще) нет", говорили об этом бухарцы. Окно, перед которым сидел эмир, было меньше двух других, всего около 56 х 56 см (3 х 3 биллиса). Характерно, что он садился не на трон или в

1. Железная решетка этого балкона русской работы конца XIX — начала XX в. На южном конце балкона, перед окном бывшим раньше в южной стене саломхона, имеется сводчатый расписной навес — балдахин на тонких столбиках. Через окно, бывшее в стене саломхона под ним, эмир смотрел на площадь Регистан; где происходили учения войск, казни и пр. (Ср. С. А. и и. Воспоминания, стр.304). Теперь это окно заложено. (прим. А.П.).

кресло; так как и он, и все другие, его окружавшие, обычно сидели с поджатыми ногами, т.е. почти на земле, то и здесь для него сидением служило сложное вчетверо одеяло, лежавшее на очень низкой тахте, с верхом из перекрестно натянутой толстой тесьмы. Высота этого сидения около 1 биллока (21-22 см), длина около двух бухарских "тазов" при ширине в 6 биллоков.

Усевшись, эмир брал короткую деревянную кологушку "кальтакча", лежавшую рядом с сидением или на нем, и ударял ею раз в поклонок - "Хуш!" - раздавался громкий и, вместе с тем почтительный возглас привратника - "дарбон", бросавшегося при этом отворять окно.

Пока не отворялось окно, пришедшие на поклон сановники, приезжие крупные административные чины из провинции, курьеры, привезшие донесения, и пр. не могли выходить на площадку, где происходило представление, и ждали в определенном месте; когда начинался прием, они пропускаясь в определенной очереди на поклон. Во время нахождения эмира в загородных дворцах к нему могли являться только лица, входившие в его свиту - "рикоб" и отдельные лица, являющиеся по его везову. В загородном дворце поэтому через церемоний эмира проходило приблизительно 100-150 человек; при проживании эмира в арке число представлявшихся во время приема увеличивалось приблизительно вдвое.

Как только распахивалось окно, тотчас же первыми быстро выходили вперед два "удайчи" - церемониймейстеры, кланяясь эмиру через каждые два шага и держа перед собой на перевес в опущенных руках свои служебные посохи. Не доходя шагов десять до суфы перед окнами саломхона, они останавливались в некотором расстоянии друг от друга, олицетворяя собой воображаемую линию, до которой должны доходить прочие представлявшиеся, не имеющие права переходить такую. На правом фланге, считая от эмира, становился старший удайчи - "удайчи дасги рости" - удайчи правой стороны, налево - "удайчи дасги чап" - удайчи левой стороны, уступающий по степени первому. Удайчи считались в данном случае двумя концами "джилыв" - воображаемых удили, сдерживающих и направляющих линию представления, "акса-калами" - "окасол" дворца, наблюдавшими за порядком.

После того, как удайчи встали на свои места, тотчас же шли на поклон самые старшие чины среди присутствовавших, ожидавших владели (как сказано, на определенном месте), когда для каждого из них наступит назначенная очередь идти. Если прием происходил в арке, в

Бухаре, то впереди всех должен был идти верхний кумбети (или оба кумбети). В загородном дворце они не появлялись, ибо оставались в городе, и тогда первыми подходили бии. Но и их эмир брал с собой не в большом числе. Чаще всего они оставались в провинции, находясь во главе различных округов в должности хокимов. Часть их, проживавших и неугодившихся эмиру, попадала в опалу и получала предписание "сидеть дома".

Представившиеся исполняли положенный "тазлим" - почтение, выразимое в данном случае поклонами. Не доходя одного-двух шагов до линии между удайчи, произносили с поклоном: "Ассалом алейкум". Эмир не отвечал, но вместо него раздавался голос "салом агоси"², очень громко отвечающего на "салом" подходящих: "Ба алейкум асса-лом!" Низко поклонившись, представившиеся начинали пятиться назад (оставаясь в своем согнутом почтительно-пригнутом положении), доходя до помещений, расположенных по другую сторону двора, и затем шли в то из них, которое им полагалось по рангу.³

И здесь наблюдался строгий порядок и местничество в иерархическом отношении. Старшие чины входили в особую комнату, следующие, туксабо, устранившись в другой. За туксабами шли мирохури, затем кароулбети, затем джевахи, а за ними - мирзобоби, замыкавшие шестые высших чиновников, ведущих свое происхождение от родовой аристократии. Затем следовали мастера, музыканты, барабанщики, "го-либ" (заведывающий танцорами), "джаборчи" (провозглашатель громкой молитвы в момент, когда эмир ставил ногу в стрему и садился на лошадь) и др., не причисляемые к родовой аристократии. Они не входили в помещение для амальдоров, а размещались после саломы в другом месте, тоже в порядке своей иерархии. Но трое старших мастеров

1. По сообщению доктора исторических наук А.М. Мухтарова, после поклона удайчи называл имя, чин, должность лица, пришедшего на салом (прим. А.П.).

2. Им обычно был похонный муэдзин эмира - "суфий джилыв", букв. "муэдзин у удили (ноя эмира)".

3. С. С. Айни, приволяющий по опросным данным описание приема эмиром своих чиновников, говорит, что церемониймейстер распределял участников церемонии по группам в соответствии с их рангами и чинами и выводил во двор саломхона... После поклонов все усаживалось на ковер, полотно коленки, как это принято делать при чте-нии намаза, и выражали эмиру свое почтение... Затем после сигнала церемониймейстера группа придворных поднималась и, пятясь, выходила из зала приветствий. (Воспоминания, стр. 311-312) (прим. А.П.).

Двор саихона и постройки,
выходящие на него

40. "Дари саихона хоса" - дверь в конюшню эмира. Имеется в виду дверь, ведущая от площади под куполом саклав - 23 на запад. Дверь та же, что была и раньше, до 1920 г.¹

41. "Руи хавли саихона хоса" - конюшенный двор эмира (рис. 25).

На дворе без навесов и прикрятня стояли лошади, привязанные к невысоким столбикам - "яккамах". Сено - лицерна давалась в легких матерчатых торбах, как и ячмень.

Лошадей здесь стояло около 15-20. Были лошади для "куппари" (конной игры с козлом), были вычине, называемые "полонной" или "полонги", были лошади, подходящие для обычной верховой езды (часто иноходцы). Обычный состав: 4 верховых лошади, на которых по очереди ездил эмир, 8 скаковых - "тоз", 8 вычухи для поднятия его походного багажа. В арке эти лошади стояли только тогда, когда появлялся там эмир. Это был состав лошадей, постоянно сопровождавших эмира в пути, принадлежавший к его рикобу.

Помимо лошадей рикоб, пребывавших там, где находился эмир, а также конюшен на подворьях различных хокимов (см. ниже стр. 132 сл.), имела еще и конюшня, приблизительно из 50-80 лошадей, находившаяся при помещении "кушбегги поён", расположенном вне арка, перед южной его стеной (где сейчас построены современные здания). Там содержались лучшие лошади различных пород, из славившихся своими лошадьми мест, как например, Локай, Гисар и др. Позднее были даже американские, появившиеся в середине царствования эмира Абдулахад-хана. В начале же славившиеся лошади, доставшиеся ему от его отца Музаффера. В особенность большой известностью пользовался белый конь, известный под кличкой Джамишед, имевший необыкновенно пушистый хвост. Абдулахад-хан ездил на нем первые два года своего царствования, а потом конь одряхлел и был послан на конюшню к кушбегги поён. Там он долго жил на панконе; ему даже установили особый пищевой режим для поддержания сил. В его порцию ячменя добавляли ежедневно по 15 куриных яиц - сырых, выливаемых в ячмень из скорлупы.

1. В 1962 г. этой двери не было, а был открытый проем, так же как не было уже и "агрончай фаррошоби" - 43 и навеса на втором этаже над ним (прим. ред.).

из швейцаров, имевших чин туксабо, как и главный придворный портной - "дарзи" - тоже показавший в такой же чин, шли вместе с амальдорами (и допущались для еды в их комнаты)¹.

34. "Дахлиз" - передняя перед саломкхона, где постоянно сидело два дежурных махрама. К западу от этой передней находилась саломкхона - 33.

35. "Дахлиз" - вторая передняя, к югу от передней 34, ведущей в саломкхона. Здесь сидело 2-5 махрамов.

36. Спальня эмира - "хонам хоо" или "хоохона".

37. Хранящие для халатов и прочей одежды - "бутчахона" (разг. бутчахона).

38. "Гулмгард" - стенка перед дверью 24 во дворе саломкхона

26. Деревянная лестница, ведущая со двора саломкхона 26 в помещения второго этажа над коридорной 73. До революции не существовало, вход в эти помещения был по лестнице 75 со двора мёнхавли 78.

1. В 1962 г. в Бухаре 3. Мухидинов передал нам хранящиеся в его семейном архиве анонимную записку, озаглавленную "Гутбай уру-ни Бухарой ширин" - "О порядке мест (в соответствии с чинами) в областной Бухаре" (рис. 24). В этой записке содержится перечень чинов (в низшем порядке) с правой и левой стороны:

"Правая сторона ("уруни унг"): шайхуль-ислам, кози-калон, уруни нахшбанди, мир асал, азиям, садр, левонбег, мирзо, муфти аскар, парваначи, иноки калон, сулур, долхо, ойи, урук, эшкитогооб-ши, чагатайбег, туксабо, мирохур, каровулбег, джебочи, мирзобоби, чухраотоси.

Левая сторона ("уруни сол"): накиб, уруки калон, атолик, мир асал, фазл, азиям, садр, парваначи, инок, сулур, долхо, ойи, урук, эшкитогооб, чагатайбег, туксабо, мирохур, каровулбег, курчибоби, джебочи, мирзобоби, чухраотоси."

О степенях перечисленных чинов, их принадлежности к различным группам, о значении и обязанностях их носителей см. А.А. Оменов в "Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре. Сов. востоковедение, У, М.-Л., 1948, стр. 137 сл.

В переведенном А.А. Семеновым трактате говорится: "Существует "опора эмиров", кои в присутствии государя ислама имеют определенные места для сидения". (Ук. соч., стр. 124). Однако порядки сидения этих чинов не указывается. В приволенной нами записке перечислены не только "опоры эмира" (атолик, левонбег, калон, парваначи, долхо и др.), но и должностные лица из ученых и сейидов и др.

В "Воспоминаниях" С. Айни говорится, что когда все группировки после окончания приветствий удалялись, перемонимейстер отводил их на двор, в парадной части которого установлен трон эмира, и расаживает по рангам на выложенной коврином, но не покрытой коврами суфе (прим. А.П.).

борьбы с молью. Служители выносили в мае по ночам ковры из склада и расстилали их на земле. Утром ковры пометали и убирали в склад, так как существовало мнение, что если их застанет солнце, то от солнечных лучей в них может завестись моль. Только в конце XIX в. бухарцы познакомились с нафталином и начали применять это средство.

Обычно фароши ходили ночевать домой, в город, и только в мае ночевали в арке, работая по просушке ковров.

43. "Айвончай фарошбоши" - навесик (веранда) фарошбоши напротив от входа во двор саяхона 41 против двери коврового склада 42. Здесь на небольшом возвышении люди сидели, попивая чай и наблюдая за работой своих подчиненных, "фарошбоши" - главный фарош, заведывавший ковровым складом, расстиланием ковров, подметанием и уборкой в арке. В его распоряжении находилось около 8 фарошей, подметавших разные места арки и производивших уборку.

Ночью на айвончай фарошбоши оставались по очереди человека два дежурных. Зимой перед ними для согревания стоял "манкал" с жаром.

44. "Фарошхона" - помещение фарошей. Находилось за углом коврового склада, в юго-восточном углу двора саяхона, у самого края арки, над обрывом, под помещением бугчабардора 30 (рис. 4 и 25). Имело дверь и окно. Здесь держали метлы, ведра и пр. для подметания и уборки мусора. Зимой, во время сильных морозов, здесь ночевали дежурные. Напротив, у обрыва, открывающегося на площадь, где сейчас находится деревянная решетка, было место, откуда фароши сбрасывали вниз сор и конский помет. Все это убиралось внизу возчиками навоза "нурикаш", приезжавшими за ним в город и увозившими его на свои поля.

45-46. "Мирзохона": помещение из двух комнат размером по 5 ба-лок потолка каждая²; в первой 45 сидели писцы, которые вели переписку с Российским политическим агентством, во второй 46 - сидел их глава "дайтардор" и "мирзой мунши" (рис. 26).

1. Помещение фарошхона изображено на плане подвалов 4, так как его крыша находится на уровне пола помещений 30. Однако вследствие неровности местности оно находится во дворе саяхона на уровне поверхности двора, выше подвального помещения 42 и не является подвалом (см. рис. 25) (прим. А.П.).

2. Размеры потолка, его длина, а отсюда и длина комнаты измерялись количеством параллельных балок - "болор" или "ити" - идущих поперек комнаты для подпирания потолка. Число их (ритуально) было всегда нечетно: 7, 9, 11. Ширина пролета между балками, считая и обрешетку, была (от центра балки до центра следующей балки) около 83 см.

Абдулахад-хан заботился о получении хороших лошадей для своих конюшен и сам иногда наблюдал за скрещиванием пород, производившемся в одном из его загородных дворцов, а через 5-6 лет разъезжал на полученных отпрысках. Алта-хан же не интересовался лошадьми, как не интересовался и спортом.

Вне арки, со стороны его восточной стены, была расположена еще одна конюшня, в которой помещалось около полусотни лошадей, принадлежавших шогирдпеша. Здесь было несколько конюхов, которые обслуживали их. Корм приходилось приобретать самим шогирдпеша, но деньги на это в размере рыночной стоимости трех снопов пшеницы и одного чойра-ка ячменя на каждую лошадь они получали через соответствующую инстанцию из казны эмира. Каждый имел право содержать столько лошадей, сколько ему полагалось по его рангу. Так как казенный паек был очень скромным, то любящие своих лошадей довольно часто прибавляли к казенному корму еще за свой счет. Эти лошади были собственностью шогирдпеша, служивших в арке при кущбеги, исполнявших его поручения и посто-му пребывавших в Бухаре постоянно.

42. "Қолинхона" - ковровый склад, помещавшийся в подвале под двором саяхона 26 (см. план подвалов 4, рис. 25, фиг. а).

При том значении, которое имел и, отчасти, еще имеет ковер в жизни Среднего Востока, наличие ковров и в частном и, тем более, в дворцовом хозяйстве приобретало большое значение. Не следует забывать, что стульев совершенно не существовало; даже больше, когда начали появляться стулья и когда в конце XIX в. местным жителям пришлось ходить иногда на них садиться, то им, привыкшим к сиденью на полу, пребывание на стуле со свешивающимися ногами казалось даже утомительным. Пишущему не раз приходилось видеть, как утомленный этой по-зой человек поднимал ноги на свое сиденье и старался устроиться при-лизательно так, как он сидел на земле.

Дворцовый склад ковров, которыми обслуживался весь арк с его приемами и церемониями, имел поэтому большое значение. Число ковров, разостланных или подготовленных к растопке в многочисленных дворцах эмира как в Бухаре и ее окрестностях, так и по другим местам должно было быть потрачено. В складе при арке хранился только запас неиспользуемых в данное время ковров. Несмотря на то, что во всех со-ответствующих помещениях арка было много ковров, в данном складе хранился запас из 600 ковров (до 2000, по другим сведениям). Для об-служивания этого склада имелось 5 служителей "фарош", из которых один был главным и имел титул "фарошбоши". Интересен был способ

47. Помещение, где находилась лестница, ведущая в помещения второго этажа.

48. "Зинкона" (букв. помещение для седел) - помещение размером в 7 балок для старых конхов "зиндор" или "аголик". Их было в шесте четыре. Они входили со двора саихона 41 через дверь 48 (другого входа в помещение не было).

49. Коншня (размером в 9 балок). Здесь стояли две любимые верховые лошади эмира, на которых он ездил по очереди. Имелся окно в улочку - "куча" 16 пробито позднее. Со двора в коншню вела широкая дверь.

50. "Долон" - крытый проход, размером в 5 балок потолка; через этот проход проходили лошадей.

51. Помещение для служащих "мирохурбоши" (3-4 человека), размером в 7 балок¹. После 1920 г. стену между этими помещениями и полом 50 разобрали и сделали из них одно помещение.

52. "Хонай мирохурбоши" - помещение главного смотрителя коншни, имевшее две двери со двора саихона 42 и одну дверь в ошкона 53.

53. "Ошконай мирохурбоши" - кухня, размером в 5 балок.

54. "Гашнав" - водосток во дворе саихона,

55. "Дйвон" - веранда, узкая и длинная (ширина около 1 метра).

на втором этаже во дворе саихона перед помещениями 56-61 (см. рис. 3), находившимися над помещениями 43-49².

56. "Дахлиз" - передняя на втором этаже (см. рис. 4).

57, 58. - две комнаты телефонного помещения на втором этаже во дворе саихона: первая - аппаратурная, вторая - комната телефониста.

59, 60, 61. Назначение этих комнат второго этажа неясно. Имеется два варианта. По первому (расспрос 1940 г.) помещение 59 (налево из передней дахлиз 56) являлось помещением "фаршобоши", местом, где он мог отдыхать; 60 - помещение для отдыха днем главного повара - "саконут" (на ночь он уходил к себе в город); дверь служило одно из теперешних окон; 61 - род мафона. По другим данным

1. По другим сообщениям, перед этим помещением был небольшой айван.

2. Второй этаж (помещения 55-62) был, по-видимому, построен при Абдулахад-хане, в самом конце XIX столетия. Самая постройка сделана из кирпича, как обыкновенно строятся стены вторых этажей в Бухаре.

Деревянная лестница, ведущая в настоящее время со двора 41 на второй этаж (открытая, без навеса над ней), раньше здесь не стояла. Вход на второй этаж был с улицы 16 по внутренней лестнице 20. Теперь старый вход этот заложен. На месте старой лестницы в 1940 г. был сбор мусора.

(по расспросам 1941 г.), выяснилось, что комнаты 59-60 были заняты канцелярией - "мирозохона" для сношений с Российским политическим агентством.

62. Помещение "ясовулбоши" на втором этаже; здесь он ночевал или отдыхал.

63. Прямоугольной формы отверстие среди двора саихона 41, откуда закрытым ходом шла вниз лестница из крупных каменных ступенек, ведущая в долон, называвшийся от ворот арка. Во время пребывания эмира это отверстие закрывалось досками.

К о р о н а ц и о н н ы й з а л¹

64. Широкая дверь², скорее ворота, ведущие в коронационный зал 66. Портал арки над этой дверью облицован со стороны коронационного зала изразцами (рис. 27).

65. "Гулмгард" - обычная стенка внутри двора против входной двери, защищающая внутренность двора от взоров посторонних, проходящих мимо ворот.

66. "Руи хавили пойтахт"³ или "пойтахт" - коронационный зал, открытый двор коронационного помещения. Двор вымощен неправильной формы камнями - "санги табака"⁴, приблизительно около 40 лет тому назад (при Абдулахад-хане). До того двор был вымощен шестиугольным обожженным кирпичем.

1. Термин "коронационный зал", в данном случае применяется, конечно, условно и, может быть, не совсем удачно. Выбран он только потому, что коротко передает для европейского читателя смысл происходящего здесь обряда, хотя "коронация" здесь выражается не надеванием короны, а древним тюрко-монгольским обрядом поднятия избранного на войлоке, подобно древнеримскому обычай поднятия избранного вождя на шпите, а "зал" представляет собой двор, вдоль всех стен которого, кроме стены с входом, находятся высокие суфы с айваном над ними.

2. Интересно, что это единственная, кажется, дверь во всем арке, запертая по способу "тахтабанди", т.е. вертикальными деревянными досками, вставленнымися в пазы в косые верху и внизу, с запором посредством висящего замка внизу. Такого типа двери встречаются часто в городах в лавках торговцев.

3. Некоторые бухарцы называют этот зал "курунушкона". Это же название прилагает, по-видимому, к нему Носир-хан-тура (Ташкент, л. 40 а), который приписывает постройку его Суоханкули-хану (1680-1702) а также Абдурахмон Толи (Ташки Абдулайз-хан, перевод, стр. 60). Впрочем, из сочинений Носир-хана-туры и Абдурахмона Толи неясно, к какому именно помещению прилагалось название "курунушкона". Во всяком случае, при последних эмирах аудиторизм было другое помещение - "саломакхона" 33 (прим. О. Ч.).

4. Из местной каменоломни в Чет-Арике, в 40 км от Бухары.

67. Лестница с широкими ступенями из камней, построенная мастером Усто Буря в 1888 г., ведущая на возвышенную площадку, окружающую двор 66.

68. Возвышенная площадка - "суфа", с айваном под ней, окружающая коронационный двор. К 1940 г. уцелел только айван с северной стороны, поддерживаемый семью колоннами, а также особенно интересный более широкий старый восточный айван, под которым находится трон - "тахт" (рис.26). Имеется основание предположить, что это самая старая постройка во всем сохранившемся ансамбле. Здесь имеется два ряда подпиравших потолок столов с прекрасными когда-то столбчатобразными капителями - "калам мукарнас". В каждом ряду было по 6 столбов (всего 12), из которых к 1940 г. уцелело 10. Самый потолок состоял из 82 балок "болор" с очень узкими, старого типа полеречными палочками - "васса", типа называемого "тахтам норбона": в нем квадраты из досок перемежались с пространством, покрытым узкой старой вассой.

Задняя стена старого восточного айвана, оштукатуренная в белый цвет, таит в себе ряд интересных указаний на свое прошлое, открывающихся при некотором ее рассмотрении.

1. Довольно определенно, кажется, можно сказать, что самый

трон здесь сооружен несколько позднее, чем айван, и что последний был построен без предвидения того, что на нем будет поставлен трон. Довказательство этому можно видеть в том, что колонны айвана не рассчитаны на помещение трона и что, наоборот, ближайшие к трону две колонны его закрывают, в особенности для смотрящих сбоку.

2. Ряд деревянного балдахина над троном, покоящийся на четырех небольших каменных (из газганского мрамора¹⁾ колоннах, 2 м 62 см высотой при 84-87 см в окружности в наиболее толстой их части ("кузавити"), на каменных же пьедесталах, врезан задними концами в стену айвана потом, случайно, не согласуясь со своей ролью перед этой стеной.

3. Самая стена, как показывает ее штукатурка и внутреннее строение, не доходила в старину до боковых стен на 4 м 75 см; это пространство было потом заложено красной стеной.

4. На продолжительность существования задней стены указывает также напластование ряда слоев штукатурки, нанесенных по мере затравления и обветивания в старое время. Очень любопытна поэтому роспись - панно с растительными (цветочными) орнаментами, которые сохрани-

¹ Газган - селение неподалеку от Нул-Ата, где находится залежи мрамора.

лись под верхней штукатуркой. Манера исполнения и стиль их указывает на довольно отдаленное время их исполнения, для определения которого пока не имеется достаточных данных.

5. Задняя, т.е. восточная стена айвана в то же время была частью большого здания, продолжавшегося отсюда на восток.

69. Каменный трон эмира. Идея подражания знаменитому камню "кутум" в Самарканде, на который поднимали среднеазиатских правителей, видимо, сильно смущала мангытских эмиров и привела их к решению создать "свой камень" в самой Бухаре, который служил бы для этой цели. К сожалению, до сих пор не собраны материалы для выявления, когда и при каких обстоятельствах был создан и вытесан камень, на который поднимали мангытских эмиров. Упадочнический период в искусстве удивительно красноречиво сказалось на очень неудачной трактовке форм выполнения этой реликвии мангытов. Лишенные красоты небольшие непрочные вкрапленные мраморные колонны по углам, совершенно несоответствующие мраморные пьедесталы и ялоки колонн вместе с некрасивым аллюрием и грубым деревянным оформлением потолка балдахина производят довольно невыгодное впечатление. Наиболее спокойным и приемлемым является сам прямоугольный камень.

На камне - "тахт" и на четырех мраморных колоннах, поддерживающих балдахин, вырезаны напishi, оскропанные в 1940 г. по моей просьбе бухарским каллиграфом Мирзо Абдуфаттохом (рис.29). Сначала переписан текст с камня, а затем с колонн, начиная от северо-западной и дальше следуя против движения часовой стрелки.

Обряд поднятия эмира на войлоке на трон, соответствующий европейскому коронованию

В быту бухарских эмиров представления о восшествии на престол и о короновании резко отличались, как и среди европейских королей, хотя срок между первым и вторым был здесь минимально коротким. Требоваюсь времени столько, чтобы известить и собрать представителей племен, сделать соответствующие приготовления к празднеству и т.п.

Особенно тревожным для вступающего на престол эмира было время, протекавшее между моментом, когда получалось известие о смерти его отца, и официальным объявлением его эмиром. Эта тревога вызывалась опасениями, чтобы не было заговоров со стороны возможных претендентов или их сторонников, сопровождавшихся попытками захватить

трон, покушениями на жизнь данного канцилата, теми затруднениями, которые нужно преодолеть, соответствующими шагами и мерами для этого и пр.

Имя нового правителя доводилось до сведения народа двумя способами: во-первых, немедленным изменением слов молитвенного обращения в возгласе "удайчи" (перемониймейстеров-герольдов), сопровождавших прежнего наследника во время пути или в соответствующих случаях при нахождении его на одном месте, когда подходящие желают произнести краткую молитву за его благополучие. Два удайчи в штате наследника "тура", имевшие как отличительный признак выкрашенные в синий цвет посохи - "асо", в дороге и во время проживания в городе, в его постоянном жилище провозглашали одну и ту же фразу на узбекском языке (официальный язык мангытского двора): "Хазрати турамта худо умру давлат берсун", т.е. "Да даст господь господину туре моему жизнь и счастье". При эмире же стоявшие около него с позолоченными посохами удайчи провозглашали: а) В городе Бухаре: "Хазрати амиримин исан-литларига худо тафтику аюлат берсун", т.е. "Да дарует господь на здравие его величеству моему эмиру милость и справедливость".

б) Во время пребывания в пути эти возгласы, вне Бухары, сменялись на следующие: "Хазрати амиримин худо музаффару мансур кысун", т.е. "Да сделает господь господину моего эмира победоносным". Приступившие при этом, как и сам эмир, поднимали руки вверх и проводили по своим бородам при окончании молитвы.

Вторым способом извещения об имени нового правителя было провозглашение имени эмира во время "хутор" при пятиничном намазе.

Была еще одна prerogativa власти, тоже знаменующая вступление на престол нового эмира, - это чеканение имени эмира на золотых и серебряных монетах. Но это требовало некоторого времени.

Еще один признак, более предусмотренный обычаем, чем законом, это приветственный бой больших барабанов - "нагора" при входе эмира в арк, как и при выходе из него. Жители Бухары из этого узнавали иногда о востребовании на престол нового эмира, если старый в это время по имевшимся обстоятельствам не мог уже быть в арке.

Самое коронование эмира - "джулус" проводилось очень торжественно. Благоприятный для него момент исчислялся астрологами. Если

1. Языком документов был таджикский язык.

ближайшие дни были неблагоприятными, как, например, вредный для начинания дел злополучный меснй сафар, то прихотилось откладывать церемонию коронования на другое время.

Для выполнения обряда, соответствующего коронованию европейских народов, эмиры узбекской династии мангытов совершали обряд, несомненно, тюркско-монгольского происхождения, состоявший в том, что избранного в правители поднимали на белом войлоке. В числе реликвий, хранившихся в бухарском казначействе для специального употребления, был белый войлок, орнаментированный и имевший бордюр. Кроме того, было одеяло - стеганое, покрытое бумажной тканью цвета "малла" (бежевый), и небольшой ковер.

Церемония коронования происходила утром, в коронационном зале, где стоял трон - "тахт". Эмир облачался для церемонии в специальные золототканые одежды, нацевавшиеся для этой цели его предками. Эти реликвии хранились в казначействе и извлекались только раз в жизни для каждого эмира. Этрет - "толд", заменивший нашу корону, состоял из золотых украшений и драгоценных камней. Он втыкался спереди в чалму, прикрепляясь внизу золотыми цепочками к ней, чтобы не упал. Если бы он упал, это означало бы дурную примету.

Подчеркнуто существовавшим церемониалом коронования то обстоятельство, что эмира возводят (в действительности "усаживают") на трон представители теоретически всех турецких (узбекских) родов, хотя на самом деле имеется их лишь очень незначительное число. Так, в родовом войске эмира - "зыназкар", соответствующим старой дружине, имелось только двенадцать родовых делений, являвшегося одним из почетных людей в его роде. Такой начальник назывался здесь уже таджикским термином - "саркарна"², а его отряд - "даста".

1. Очень интересен перечень случаев, когда эмир мог появляться с этретом "толд". Это было, во-первых, коронование, заключавшееся в поднятии и усаживании на трон. Кроме того, он мог показываться в толде и расшитых золотом одеялах (также в шитых золотых сапогах), отправляясь на намаз при наступлении двух больших праздников Курбан и Рамазан, а также при первом вступлении в звание эмира в город Шах-рисабз, очень почитаемый, как "ханский город".

2. Титул "саркарна", помимо военных, давался также как чин и в гражданском ведомстве, даже лицам, принадлежавшим к категории мулл, как, например, кози-калон, охунд, ахьям, некоторым из муфтиев (редак) и др.

Такие родовые дружины "даста" при последних мангытах формировали следующие роды:

мангыт	бахрин	марка
оча-майли	кунград	сарой
кутчи	хытай	найман
джалаир	калмок	кырк-из.

Вопрос о представителях узбекских родов разрешался за последнее время тоже очень просто. Ввиду того, что вопрос об участии "всех" тюркских родов не мог быть разрешен как ввиду отсутствия в пределах досягаемости самих родов, так и незначительности и неважности мелких единиц оставшихся родов, поэтому приглашались преимущественно двенадцать родов, выдвинутых в альнавар. На коронацию посылались приглашения не только их саркарда, но и старшим чинам, включая мирохуров. Но на торжество приглашались и из мулл: охунд, аълам, кози-калон, раис и 12 муфтиев; кроме того, "мударрисом банораспуш", т.е. "мударрисом, надевавшие банорас"². Таких было 40 человек, бухарских "бесмертных", назначавшихся эмиром по представлению кози-калона и участвовавших, собираясь ежедневно по четвергам под вечер в мехмонхоне Рахим-хана в арке, в молитве за духов предков династии. Кроме них, было еще 30 мударрисов следующего разряда, называвшихся "дунабети" (понедельничные), тоже приходивших на чтение молитвы за духов предков эмира там же. Помимо того, было еще 30 человек других, приходивших на эту молитву ежедневно. Это были "молящиеся ежедневно" - "салавотхони харуза". Назначались они из более молодых и менее выдающихся мударрисов.

С течением времени "ежедневные" производились в "понеделничные", "понеделничные" - в "надевавшие банорас", т.е. самих заслуженных мударрисов, очень почетных, но обычно в таком преклонном воз-

расте, что старость и дряхлость являлись их главным признаком. Им полагалось за каждый приход на молитву по 20 тенег каждому, вносились и раздававшиеся завернутыми в бумагу. "Понеделничные", а также же "ежедневные" молящиеся получали по 30 тенег в месяц. Когда был установлен день поднятия эмира на войлоке, по обычаю совету казиев, кушбети и прочих главных сановников - день счастливых, обещающий удачу в делах и благоденствие, все собиравшиеся в утро назначенного дня часам к 10. Предварительно все - и здание, и собор - расширялись, как это часто бывает в общественных больших собраниях бухарцев, во-первых, дымом от сжигаемых зерен растений "топаки" (чудодейственное растение для отгнания вредных духов, несчастий, болезней и пр.), затем алая - "уд", также сацалом и пр. Последнее делалось, главным образом, для аромата.

Затем приступали к приготовлению войлока, на котором должен быть поднят эмир. На полу, застиланном коврами, расстилался небольшой коврик-реликвия, на него клалось упомянутое одеяльце, затем сверху - небольшой войлок.

Эмир в это время находился в своих покоях, занятый облачением в традиционный костюм, прикраслением эгрета и пр.

Когда все было готово, эмир выходил в тронный зал, появляясь сбоку, неподалеку от трона, со стороны мехмонхона Рахим-хана, и его проводили к приготовленному войлоку, на который он садился. За четвере угла брались четверо самых старых, самых почтенных представителей знати и духовенства.

Следует отметить, что прежний обычай, чтобы это были представители четырех самых знатных родов, в последнее время не соблюдался, в чем чувствуется падение значения племен. Обычно выбирались наиболее старые и почтенные из холжей; но при восшествии на престол Алим-хана, например, таковых не было. При Абдулахад-хане же были в основном следующие лица: 1. Охунд Домулло Ориф-ходжа, сатр, 2) Мулло Абдушукур, сатр, кози-калон, 3) Мулло Мухаммади, кушбети, 4) Улут-ходжа, сатр из джуйбарских холжей¹.

1. Теоретически он был самым старшим из холжей; ему не только подчинялись все холжи (потомки пророка), но он чувствовал себя настолько сильным по своему значению, что предвещал претензии быть равным государю (эмиру); он был "ходжа-калон", назначавшийся из джуйбарских холжей. Этот мусульманский патриарх до того оказался неугоден для правителей, что уже давно его назначение было приостановлено эмирами.

2. "Банорас" - шелковая белая муровая ткань, возможно называемая так по имени индийского города Бенареса.

расте, что старость и дряхлость являлись их главным признаком. Им полагалось за каждый приход на молитву по 20 тенег каждому, вносились и раздававшиеся завернутыми в бумагу. "Понеделничные", а также же "ежедневные" молящиеся получали по 30 тенег в месяц.

Когда был установлен день поднятия эмира на войлоке, по обычаю совету казиев, кушбети и прочих главных сановников - день счастливых, обещающий удачу в делах и благоденствие, все собиравшиеся в утро назначенного дня часам к 10. Предварительно все - и здание, и собор - расширялись, как это часто бывает в общественных больших собраниях бухарцев, во-первых, дымом от сжигаемых зерен растений "топаки" (чудодейственное растение для отгнания вредных духов, несчастий, болезней и пр.), затем алая - "уд", также сацалом и пр. Последнее делалось, главным образом, для аромата.

Затем приступали к приготовлению войлока, на котором должен быть поднят эмир. На полу, застиланном коврами, расстилался небольшой коврик-реликвия, на него клалось упомянутое одеяльце, затем сверху - небольшой войлок.

Эмир в это время находился в своих покоях, занятый облачением в традиционный костюм, прикраслением эгрета и пр.

Когда все было готово, эмир выходил в тронный зал, появляясь сбоку, неподалеку от трона, со стороны мехмонхона Рахим-хана, и его проводили к приготовленному войлоку, на который он садился. За четвере угла брались четверо самых старых, самых почтенных представителей знати и духовенства.

Следует отметить, что прежний обычай, чтобы это были представители четырех самых знатных родов, в последнее время не соблюдался, в чем чувствуется падение значения племен. Обычно выбирались наиболее старые и почтенные из холжей; но при восшествии на престол Алим-хана, например, таковых не было. При Абдулахад-хане же были в основном следующие лица: 1. Охунд Домулло Ориф-ходжа, сатр, 2) Мулло Абдушукур, сатр, кози-калон, 3) Мулло Мухаммади, кушбети, 4) Улут-ходжа, сатр из джуйбарских холжей¹.

1. Теоретически он был самым старшим из холжей; ему не только подчинялись все холжи (потомки пророка), но он чувствовал себя настолько сильным по своему значению, что предвещал претензии быть равным государю (эмиру); он был "ходжа-калон", назначавшийся из джуйбарских холжей. Этот мусульманский патриарх до того оказался неугоден для правителей, что уже давно его назначение было приостановлено эмирами.

В камне, являющемся троном, в четырех углах имеется по ямке (по углублению), которые перед поднятием эмира заполнялись золотыми монетами. Их число равнялось 92 — одному из вариантов числа родов узбекского народа (другой — 97). Эмир отдавал распоряжение от-дать эти деньги участвовавшим в поднятии его. Каждому давалось по одной монете. Если оказывалось мало, или, наоборот, имелся излишек, то эмир давал распоряжение о раздаче излишка указываемым им лицам или о выдаче дополнения, чтобы хватало всем.

После того, как взялись за концы четыре главных представителя, тотчас же брались помогать им в поднятии, берясь с разных сторон (но не с углов) за ковер, прочие, более важные из оставшихся (общее число приблизительно доходило до 70 чел.). В почетном положении — в некотором отдалении в большой толпе стояло приблизительно около тысячи человек исключительно из амальдоров (служилого люда).

Подняв эмира, его опускали на коврик на стоящий рядом камень — "тахт" (трон, престол), ничем не покрытый.

При окончании церемонии один представитель от войска и один от мул произносили по заключительной молитве, в которой признавалось благословение аллаха на вознесенного на трон монарха.

Затем следовал момент объявления народу милостей. Эмиру подавали по его требованию бумагу и перо, и он что-то писал. Затем написанное передавалось кучбеги, и последний, прочтя, громким голосом, возвещал народу о объявлении, например, как это сделал Алим-хан, по одной танге с налога, причитавшегося на каждый ман зернового хлеба в данном году (размер денежного налога зависел от стоимости зерна на рынке). Размеры хараджа с садов, облагавшихся Абдулахад-ханом по 20 тенг с "танана" в год, были снижены особенно сильно — на половину, т.е. оставлено платить только по 10 тенг. Из заключенных в бухарском "зине" было отпущено на свободу 70 человек (осталось 14). Было указано также возратить из Кабаки (постоянное место ссылки) некоторое количество из сосланных туда людей.

После объявления милостей прочитывалась фотиha (заключительная молитва), эмир вставал и уходил. Вслед за этим начинал расходиться и собравшийся народ.

1. Интересно отражение этого обычая и в других случаях в жизни народов Средней Азии. Среди цыган, как рассказывали пишущему в 1921 г. уругские цыгане, существует обычай при избрании ими аксакала поднимать его также на белом войлоке, после чего его избрание считается совершившимся.

Таким образом, даже при восшествии на престол Абдулахад-хана, т.е. в 1885 г., мы видим, что из представителей родов ни одного в качестве основных держателей углов войлока уже не было. Их роль целиком была заменена представителями хожей (2 чел.) и высшими сановниками (2 чел.). В отношении национальности трое были таджики, а один (кучбеги), раб по происхождению, был перс.

Очень жаль, что до сих пор не удалось установить состав членов представительства, державших войлок при Музаффаре. При последнем эмире Алим-хане это были следующие лица:

1. Охунд Домулло Бой-Махмад. По происхождению из Карши, из бедной семьи, учился в медресе в Бухаре, сделался потом, постепенно поднимаясь по иерархической лестнице, мударисом, муфтием, ашломом, а потом и охундом, т.е. главой всех мулл. По национальности он, как видно из каршинского происхождения, узбек, но это не имело никакого отношения к его назначению; как "узбек", он не мог иметь никакого значения (из неродовитой, бедной семьи).

2. Кози-калон Мулло Бако-ходжа, садр. Через некоторое время был назначен шайхуль-исламом. Бухарец, таджик, принадлежал к ходжам.

3. Купбети Мирзо Насрулло. Бухарец, таджик из небогатой семьи. Выдвинулся своей личной службой при Музаффаре и потом при Абдулахад-хане. Отец его имел в Бухаре лавочку, в которой торговал чугунными котлами.

4. Ахмад-ходжа судур, сделавшийся потом садром — из джудбарских хожей. Значимость его определяется его происхождением из самой известной влиятельной категории хожей в Бухаре, в какой он являлся главой.

Иначе говоря, здесь мы видим совершенно то же отношение к возросу о составе представителей, возводивших (усактивавших) эмира на трон, как это было при вознесении на белом войлоке Мухаммад Рахим-хана в 1756 г. "при участии сейидов, казиев и хожей".

Но все же в самом обряде, помимо возношения эмира на войлоке, т.е. древнего тирко-монгольского обычая, имеется еще и ясное указание на основное теоретическое участие в его совершении начальников различных родов.

1. См. В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927 стр. 107. Как известно, 1756 г. — это год провозглашения Мухаммад Рахима правителем, фактически же он правил с 1753 г.

Характерно, что кроме совершения самого обряда, никакими празднованиями, пирами или церемониями это торжество не сопровождалось.

70. Неподалеку от трона, в юго-восточном углу суфы находилось шесть толстых деревянных обручов, вкопанных в землю вертикально в одну линию на небольшом расстоянии друг от друга, лишь немного (на 3-4 см) выступая верхней частью отреза. Верхняя поверхность стволос служила подставками, на которых чеканились золотые и серебряные монеты, изготовленные предельно в виде кружочков без надписей на монетном дворе, откуда эти кружочки приносились в помещение 76, прилагавшееся к главному айвану коронационного зала. Из этого помещения они потом выдавались для чеканки.

Уже одно это обстоятельство, по моему мнению, не подтверждает рассказов некоторых европейцев о данном месте, как о "тронном зале", где эмир принимал послов и сживал при очень торжественных церемониях. По всем сведениям, собранным нами от местных старожил, эмир за исключением обряда вознесения на трон на войлоке, больше никогда не пользовался в сколько-нибудь торжественной форме этим помещением для своих приемов. Этим и объясняется, что эмир, зная, что ему не придется пользоваться этим местом, оставался равнодушным к его использованию для других надобностей.

Х а з и н а х о н а - к а з н а ч е й с т в о

71. Вход в "хазинахона" (казначейство). Ступенчатый спуск (сложен из обожженного кирпича), ведущий в дверь казначейства - хазинахона, расположенного в полземелье и имеющего два окна, открывавшиеся почти на уровне двора. Видимо, старое здание казначейства было перестроено и теперешнее сложено из обожженного кирпича, прямоугольной формы, сходной с русским кирпичем. Квадратное углубление, в котором шли вниз ступеньки спуска, закрывалось вплоть до двери деревянным щитом в один уровень с полом открытого двора. Делалось это для удобства ходьбы, а также, чтобы приезжающий сюда верхом эмир не имел данных опасаться, что его лошадь может, попятившись, попасть ногой в отверстие.

В арке складов для хранения денег, слитков, драгоценных камней, вещей, дорогих одежд и пр. было четыре. Один из них был в непосредственном ведении кутубеги; остальные три - 91, 91а, 91б - были в другом месте - между саломхона и коронационным залом (см. рис. 4, план подвалов). Ключ от последних находился в руках особого казначея -

"хазиначи" (при Абдулахад-хане таковым был Ходжи Файзулло-хазиначи). Последний подчинялся кутубеги, но бывал часто вызываем эмиром и непосредственно. Каждое из трех хранилищ имело по два ключа для своего замка - один у эмира, другой у казначея. Казначей мог открывать хранилище по разрешению или приказанию эмира или кутубеги, причем при открытии должен был присутствовать кутубеги и "мирзои калон" (правитель канцелярии). Последний вел регистр всему содержанию хранилищ, а также отмечал поступление и выдачу. Сам казначей являлся, таким образом, только хранителем ключей, как доверенный человек. Его жилище находилось, однако, в городе, и он уходил туда по окончании рабочего дня (т.е. после намаза шом). Если он требовался эмиру, посылали за ним. Кроме него, никого в специальном штате по казначейству не числилось. Если ему нужна была помощь в какой-нибудь работе по хранилищу, то ему прикомандировывалось нужное число людей из погирдеша.

Главным хранителем богатств и сокровищ эмира, помещаемых в арке и вместе с тем являвшимся главным запасом государства, был верхний кутубеги. У него были ключи от "хазинахона" и от "борхона" (складов сокровищ, ценных вещей).

В хазинахона 71 помещались только деньги в металлических монетах и в кредитных билетах. Деньги большей частью были бухарской чеканки - золотые, серебряные и медные. Склад этот находился в полземелье, представлял собой комнату, около 30 метров длины и около этого же ширины. Металлические деньги - золото и серебро сохранились в кожаные мешки "саноч". В каждый мешок всналось 10 000 тенег. В полковинные мешки меньшего размера - по 5000 тенег. По наполнении мешки запечатывались и ставились в деревянные ящики - "кутти", разного размера. В меньшие входило по пяти мешков, в большие же деревянные ящики входило очень большое количество. Все это стояло длинными рядами в несколько ярусов, достигая потолка. Драгоценные камни здесь не находились, они сохранялись в доме кутубеги, уложенные в особые хранилищах, известных только ему и эмиру. Всякий раз, когда их требовал эмир, понадобившиеся камни посылались ему в особые ящики за печатями кутубеги.

Казначейство 71 имело одну запиравшуюся на замок дверь, ключ от которой хранился у кутубеги, который никогда его никому не передавал, а всегда сам открывал казнохранилище. Деньги, вкладываемые в последние, пересчитывались в помещении "мирзохона", т.е. в канцелярии. В случае необходимости уборы или перемещения, перестановки и пр. кутубеги все время оставался в хазинахона, лично наблюдая за работой и никуда не выходя.

Кладовых "борхона" для ценных вещей — было три: 9I, 9Ia, 9Ib. Они были расположены неподалеку от казначейства и находились в непосредственной близости к помещению самого эмира. Ключи от них также находились в руках у кутбеги. И только когда эмир, приезжая в арк, требовал их, тогда они передавались ему и находились у него, и он сам входил в кладовые и отдавал находившимся с ним людям приказание выносить то или другое. Кутбеги тогда не показывался из скромности, чтобы не быть назойливым, и появлялся только если эмир отдавал специальное распоряжение о том, чтобы он достал те или другие вещи.

В кладовых хранились всевозможные ценности различного характера и назначения: бархат самых разнообразней, самых драгоценных сортов и тончайшей выделки, золототканые камки всевозможных сортов, прекраснейшие шелковые или шерстяные ткани тысячами кусков лежали там, неразрезанными, готовыми для применения. Сотни сундуков, наполненные этими тканями, стояли высокими рядами плотно друг к другу, отделенные узкими коридорами. Нижние ряды, вероятно, по много лет оставались нетронутыми. Имелись высокие лестницы, чтобы долезать до верхних ярусов, упиравшихся в потолок. В другой борхона (кладовой) хранились ценные халаты, складывавшиеся в особые тики, обернутые в бязь — "карбос" и затем обвязываемые веревками. В каждом таком тике помещалось по 100 халатов. Они тоже часто укладывались друг на друга. Помимо упакованных в отдельные тики, халаты укладывались высокими килами в большие ниши — "тог" или "тавок". Существовало также несколько деревянных нар, на которых тоже лежали большими горами аккуратно уложенные халаты, покрываемые сверху карбосом. Человек, бывавший неоднократно в этих кладовых, уверял, что изобилие сложенного там положительно не поддавалось описанию. Одних ценных халатов было, по крайней мере 15-20 тысяч; золототканые, бархатные, шелковые — всевозможных качеств и разрядов были уложены там по сортам и в большом порядке. Запас этот все время пополнялся, так как расход тоже был велик. Как только подсчеты показывали значительную убыль каких-нибудь особо хороших сортов, тотчас же отлавливалась распродажа о приобретении соответствующего пополнения с базара.

Одно из трех помещений было целиком заполнено халатами, что уже показывает важность и житейскую значимость в быту этого главного одеяния среднеазиатского жителя.

Два других помещения были заполнены, как упомянуто, всевозможными тканями, женскими одеждами, покрывалами и пр. Металлические изделия — кутманы, подносы и пр., однако, здесь не помещались, как не помещались здесь ковры, одеяла и ряд других вещей, но более драгоценные сосуды всевозможных форм и назначения, выделяемые из серера с позолотой и покрытые эмалью — "мино", хранились здесь.

В одной из кладовых хранились также и библиотека эмира, уложенная в сундуки, стоявшие в нишах и в других местах. По словам знавших лиц, оба последние эмира не отличались любовью к книгам, и при них даже не было специального библиотекаря. В редких случаях, когда нужна была книга, ее искали и приносили по требованию эмира.

В быту эмиров существовало два казначейства, как и два разряда кладовых борхона. Основные казначейства и кладовые были в арке, а походные, находящиеся при пребывании эмира, например, в Кермине, в Шах-ризабзе и в других удаленных от Бухары местах, но это не распространялось на загородные дворцы бухарского округа. Поэтому пребывание в Ситорау махи хоса (разг. Ситора махоса), в Ширбулуне (Шербане), Кари и подобных местах не рассматривалось как "рикоб". При дворные в этих местах не получали добавочного вознаграждения, причитающегося, как "командировочные" — "воджиб" в других пунктах. Выражалось оно в ежемесячном добавочном окладе размером от 30 тенег для самых низших служащих до 500 тенег для "саркарда" начальника охраны эмира (из 400-500 человек).

Казначей, стоявший во главе походного казначейства эмира, был в чине "би" или "дождо". Но раз был такой случай, что Абулхакад-хан в начале своего царствования за особые заслуги дал в награду своему походному казначею, служившему еще при его отце Музаффар в этой должности, чин кутбеги. Любопытно, что когда этот старик по болезни уже не мог исполнять свои обязанности, то он был уволен в отставку, но эмир ему приказал жить в арке, что он и делал, продолжая

Словом "рикоб" в Бухаре назывался непосредственный двор, окружавший эмира во время его путешествия. Характерно, что этот термин применялся при пребывании эмира, например, в Кермине, в Шах-ризабзе и в других удаленных от Бухары местах, но это не распространялось на загородные дворцы бухарского округа. Поэтому пребывание в Ситорау махи хоса (разг. Ситора махоса), в Ширбулуне (Шербане), Кари и подобных местах не рассматривалось как "рикоб". При дворные в этих местах не получали добавочного вознаграждения, причитающегося, как "командировочные" — "воджиб" в других пунктах. Выражалось оно в ежемесячном добавочном окладе размером от 30 тенег для самых низших служащих до 500 тенег для "саркарда" начальника охраны эмира (из 400-500 человек).

Казначей, стоявший во главе походного казначейства эмира, был в чине "би" или "дождо". Но раз был такой случай, что Абулхакад-хан в начале своего царствования за особые заслуги дал в награду своему походному казначею, служившему еще при его отце Музаффар в этой должности, чин кутбеги. Любопытно, что когда этот старик по болезни уже не мог исполнять свои обязанности, то он был уволен в отставку, но эмир ему приказал жить в арке, что он и делал, продолжая

зо, оставались в Чармгари, а третий выезжал с эмиром и имел при себе запас расходных денег. Три амальдора (чиновника) заведовали упавкой казны, погрузкой, смотрели за перевозкой и пр., 20 низших служащих, обслуживавших как кладовые, так и казначейство, находились в ведении упомянутых выше трех амальдоров. Они принимали и укладывали деньги, одежду и пр. Деньги везли на арбе (в кожаных мешках и в ящике), а служащие сопровождали их, сидя верхом на лошадях. Подаренные одежды и пр. везли в кожаных сундуках - "якдон".

При поездке в Россию этот штат не брался эмиром с собой. Казначей тоже тотчас же по выезде эмира отправлялся в Бухару. Сдав имевшиеся запасы денег и ценностей в арк, все служащие отправлялись по домам, где и жили вплоть до возвращения эмира.

"К о р и х о н а" и м е х м о н х о н а Р а х и м - х а н а

72. Двустворчатая дверь - ворота, шириной в 1 м 60 см, в настоящее время наглухо запертая, вела с площадки во внутреннее помещение - "корихона" 73.

Дверь 72 представляла собой обычный вход для всех проходивших на салом (поклон) эмиру, направлявшихся от входа в арк во внутреннее помещение эмира. Через эту же дверь входил и эмир, въезжавший в арк и, как сказано, слезавший с коня перед лестницей 68.

73. "Корихона". Это строение имеет в настоящее время два этажа, из которых верхний построен в 1896 г. До 1928 г. в нижнем этаже это помещение представляло собой одну большую комнату, в середине которой стояли два ряда колонн (по три колонны в каждом ряду) - всего шесть колонн, подпиравших потолок, являвшийся с 1896 г. полом для верхнего этажа. В 1928 г. в этом помещении были сооружены перегородки, разделившие его на несколько меньших помещений, но в следующем разделе описания они нами игнорируются.

Дверей в старое время в корихона было четыре: 1) упомянутая выше дверь 72; 2) дверь, выходящая в соседнюю мехмонхону Рахима хана 74; 3) дверь в южной стене, ведущая во двор мейнави 78; 4) дверь, выходящая на двор саломхона 26. Ширина и тип ее такие же, как и двери 72.

Дверь, ведущая в помещение мехмонхонны Рахима хана 74, в настоящее время заложена, как и дверь в мейнави 78.

живая там очевидно, т.е. фактически делаю то, что выпадало на долю действительного кушбеги боло¹.

"Казначий рикоб" собирал за время пребывания эмира в отлучке от столицы все поступления, подносимые эмиру, приславшие ему налоги и пр. Все записывалось и складывалось в казначейство. Когда доходы накопилось очень много, тогда эмир распоряжался, чтобы эти деньги были пересланы в бухарский арк, что и делалось при сопровождении соответствующими описями.

Следует точно отметить, что в арке, главном бухарском казнохранилище, настоящего казначея, носящего такой титул, не было. Человек, известный под этим именем, был простой расходчик при кушбеги, род касира, платившего причитающиеся получателям деньги, выдаваемые ему кушбеги. Настоящим казначеем являлся кушбеги. Помимо эмира, это был единственный человек, который имел право отпирать и закрывать дверь сокровищницы.

У кушбеги в арке была канцелярия, состоявшая из 20-25 мирз под руководством главного. Последний - "мирзои калон" был, по сущности, и главным бухгалтером и заведующим общей канцелярией. Специалисты, как мне говорили, не было, и обычно незамысловатый подсчет, ведущийся в длинных свитках "дайфар" или "дула", мог быть поручаем почти любому из них.

При поездке в Россию с эмиром отправлялся один знатный человек, которому выдавалась на расходы назначенная эмиром сумма; он и заменял тогда погодного казначея.

Аппарат походного казначейства "рикоб" состоял из следующих лиц: 1) казначей, 3 мирзо, 3 амальдора (1 мирзохур, 1 каровулбеги, 1 джавачи) и 20 человек слуг - "хизматгор", называемых "хулоновор".

Из трех мирзо один вел записи, т.е. заведовал бухгалтерией, второй принимал деньги, поступающие в казначейство, и помещал их в казначейство, представлял собой расходную кассу, третий выдавал деньги. При нахождении штаб-квартиры эмира в Чармгари (Кермине) в случае, если эмир выезжал на короткое время в окрестные селения, обычно большая часть его слуг, в том числе казначей и первые два мирза,

1. "Кушбеги", как и его сосед по арку "тупчибонши", как упомянуто выше, не имел права покидать арка без особого специального разрешения эмира и оставался в нем до конца своей жизни. Редчайшим случаем было, когда кушбеги по приказанию эмира был отправлен встретить и приветствовать проезжавшего мимо Бухары туркестанского генерал-губернатора.

В помещении 73, называемом "корихона" или "корихонаи хазор-хати", происходило ежедневное чтение корана наизусть в ублаготов-ренье и за упокой душ предков мангытской династии.

Чтение корана не производилось здесь только в короткое перио-ды приездов эмира на проживание в арк, когда чтение корана - "кори" переводили в соседнее помещение, в мехмонхону Рахим-хана, так как в помещении 73 образовывался тогда главный путь, которым проходили к эмиру на поклон во время его аудиенции и которым попадал к себе, въезжав в арк, как сказано, и сам эмир.

Моления за упокой духов предков, живших в этом месте, прои-сходили так: по четвергам, вечером, в 4-5 часов, приходило около 50-60 мулл, получавших по большой лепешке, чашке халвы или изюма и по 20 тенг деньгами. Они читали молитву в честь умерших, сопро-вождая это чтением корана: это моление "кабир" (великое).

Ежедневно после восхода солнца читался "салавати сагър" (ма-лое моление), продолжавшийся около 2 часов. "Салават" читали около 60 назначенных постоянных мулл, получавших по 60 тенг в месяц. За-тем был "хати курьон", совершавшийся по воскресеньям тридцатью кори, из которых каждый прочитывал одну часть - "пора" из корана (для собственных предков эмира). Для приема заключительной молит-вы "фотха" приходил кушбети, который и принимал, таким образом, благодать - "савоб" от прочтения. Каждому кори выдавалось по 10 тенг и, кроме того, по большой лепешке и блину кипмиша или другой сладости.

74. Мехмонхона Рахим-хана в настоящее время (1940 г.) представ-ляет собою груду развалин, так как сюда в 1920 г. попала бомба с азурлана, проломившая потолок и послужила причиной пожара, который попортил часть здания. Остальное, как упоминалось, было разрушено при расстаскивании деревянных частей, как это произошло и во всей остальной части арка, расположенной отсюда на восток.

Размеры этого помещения - памятника середины XVIII в., оставше-гося от первых мангытов, - приблизительно 22 x 8 м. Высота оно бы-ло около 8,5 м. Последнее предположение основывается на существо-вавшем в Бухаре старом архитектурном правиле, согласно которому вы-сота больших общественных зданий должна равняться ширине здания плюс еще два билиска (1 "билиск" составляет около 22 см). Делается это для того, чтобы обеспечить достаточное количество воздуха и прохлады.

Колонн, поддерживавших потолок, в помещении не было. Потолок лежал на толстых массивных поперечных балках, называемых "кут". Та-ких балок было в этой мехмонхоне около 25, что уже одно указывает на размеры и значение здания.

В данной мехмонхоне было пять окон-дверей, выходивших на ве-ранду 68. Между дверьми во внутренней стене шесть больших ниш - "равок". Южная стена, обращенная к минарети 78, была глухая и не имела ни окон, ни дверей. В середине восточной стены была од-на дверь, ведущая в соседнее помещение 76, по бокам ее были ниши.

При последних эмирах мехмонхона Рахим-хана 74 служила как "са-лавотхона" (букв. помещение для молитвы): сюда собирались санов-ные члены молитв - "салавотхон" - фактически казии, очень большие мудррион и другие самые знатные среди мулл.

75. Лестница из обожженного кирпича, ведущая на второй этаж, расположенный над корихона 73. Она расположена между помещениями корихона и буххачона 37. Вход на лестницу был из минарети 78. Лес-ная часть крыши корихона, на которую выходит лестница, не застрое-на и является площадкой (3,5 x 16,5 м), куда в настоящее время об-ращены три окна и одна дверь. Теперешние окна до 1920 г. были ок-нами-дверьми - "дарица".

75а, 75б, 75в - три комнаты, из которых состояло верхнее по-мещение до 1920 г. В настоящее время единственная дверь вводит в среднюю комнату 75б, служившую раньше передней - "дахлиз". От нее шли двери направо и налево. В помещении направо - 75в была раньше одна комната, разделенная поперек на две равные части тремя колон-нами. Кроме двери из дахлизы в этой комнате были еще два окна-двер-и, открывавшиеся на двор минарети на юг. В настоящее время поме-щение 75в разделено вместо колонн стеной с дверью, соединяющей оба получившиеся помещения.

В дахлизе за последние годы возведена поперечная стенка с дверью, отгораживавшая северную часть, где пробито и окно. В ста-рину в северной стене во всем помещении второго этажа ни окон, ни дверей не было.

До революции описываемое помещение находилось в ведении фар-рошбоши, складывавшего там пакатки - "чодир" и деревянные кровати с сеткой из плетеных шерстяных полос.

I. Это противоречит сказанному выше (стр. 55) о наличии двери из корихона во двор минарети (прим. ред.).

81. "Дахлиз" (передняя), войдя в которую со стороны айвана, при повороте налево попадали в помещение 82 для амальгоров.

82. Помещение, где сидели амальоры, приходившие туда для еды или по другим делам. На полу были посланы войлоки, а поверх лежали паласы, оббитые же "курпач", точнее "курпачи дари хона" - тряпчиков, лежащих вдоль всех стен комнаты, служа местом сидения, не было. Сидели прямо на паласах.

83. "Мадон" к северу от комнаты 82 - чулан для совершения омовений и склада лишних вещей. Вход в него из комнаты 82.

84. Помещение для чиновников более высоких чинов; сюда попадали, повернув из дахлиза 81 направо.

85. "Мадон" такого же назначения, как и 83.

86. "Тонаи хон" - спальня эмира. Здесь большей частью спал эмир ночью.

87. "Дахлиз", имевший 4 двери: в упомянутую спальню 86, во двор миёнхави 78, в смежный дворик "хавли фаррошши" 99, в большой зал 88, размером в 13 балок потолка.

88. Помещение размером в 13 балок потолка служило своего рода гостиной. Здесь эмир проводил время в беседе и шутках с "джамоа" - со своими друзьями, компаньонами, слушал музыку, смотрел иногда на "базми хоса" и другие развлечения.

89. "Дахлиз", имевший три двери: одна в помещение 88, другая на двор 78 (через суфу) и третья - в шарбатхона 90.

90. "Шарбатхона". Это был буфет, где помещались напитки (вино, лимонад, нарзан), конфеты, варенье различных сортов и пр. - все, что могло понадобиться по требованию эмира.

91. "Суфа" в западной стороне миёнхави. Под ней имеется "тагхона" - подвальное помещение, в котором помещалась "борхона" (склад ценных вещей).

91а и 91б. Два подвальных хранилища "борхона" к западу (под бугчахоной 37) и к югу от помещения 91.

1. На некоторых рабочих планах спальня эмира помещается в углу, однако в таком случае она была бы без окон. Поэтому нами принят вариант одного из рабочих планов, на котором в углу находится мадон 85, а спальня выходит четырьмя дверями-окнами на суфу (прим. ред.).

2. Носир-хан-тура в рукописи "Тахикот" утверждает, что эту мехмонхону с каменным порталом под ней построил эмир Наорулло. См. указ. соч., л. 40а (прим. О. Ч.).

3. Суфа по нашим на рабочем плане, большие каменные подвальные помещения находились и под всеми помещениями на южной стороне двора миёнхави, в том числе под 86 и 88, что вполне согласуется с бухарскими строительными традициями (прим. А. П.).

76. Средних размеров одноэтажное помещение, имевшее 9 балок потолка. Сюда, как упоминалось выше, приносили при последних эмирах золотые и серебряные кружочки для монет, изготовленные на монетном дворе, для проверки и наложения на них чекана - "зарб". Для этого от каждого из отделений монетного двора приходило по мастеру, который и набивал на кружочки чекан. Делалось это на срезанных вершинах небольших столбиков 70 на прилегающей к помещению 76 части суфы коронационного зала, в верхней части которых утверждались матрицы. Медная монета сюда не приносилась, а чеканилась на монетном дворе.

Полученная от чекаников монета пересчитывалась под верандой около трона на разостланном войлоке тремя-четырьмя менялами "сарроф", призывавшимися для этого из их лавок, расположенных на площади Регистан. Отсчитанные саррофами монеты укладывались в кожаные мешочки - "саноч" по 5 или по 10 тысяч тенет, мешочки запечатывались и под вечер относились и славались в "казинахона" (казначейство). Эти же саррофы отсчитывали жалование солдатам.

В комнате 76 имеются две двери: одна на юг, открывавшаяся на суфу под айваном, и другая, ведущая в мехмонхону Рахим-хана.

77. По выходе из комнаты 76 через южную дверь при повороте сейчас же налево открывался проход из комплекса миёнхави 78 в Урдаи Хоса 118.

"Миёнхави" эмира и прилегающие помещения

78. Двор "миёнхави", вымощенный камнем, квадратный, обрамленный кругом постройки.

79. "Ташнав" в центре двора миёнхави - сток для ливневой воды, а также для помоев; вода уходила в глубокий поглощающий колодец, расположенный под мраморной плитой - "санги ташнав".

80. "Айвон", построен на довольно широкой суфе, с 4 колоннами, Пол был вымощен квадратными кирпичом.

1. При составлении свода этого плана этой, совершенно разрушенной части арка выявилась особенно много неузвзкок, вытекающих из неопределенности имеющихся сведений. В результате в ряде случаев помещения, указанные в описании как смежные, на плане не сопоставляются (например, дахлиз 92 и дворца фаррошши 99) (прим. ред.).

92. "Дахлизча" - небольшие сени, соединенные дверью с шарбат-хона 30¹. Из дахлизча имелись четыре двери: дверь, выходящая в шарбатхона 90, дверь во двор фаррошоби 99, расположенный на кге², дверь на запад в переулк 93, ведущий в Урдаи Хаммом, дверь выходящая на суфу 91.

93. Переулк, ведущий к юго-западной угловой башне "бурджак". В северной части он проходил под дахлизмами 34 и 35 мимо борхона 91а во двор саломхона (рис.30).

94. "Фаррошхона".

95. "Обдушхона" - узкое помещение вдоль западной стены переулк 93. Помещение это не было столовой или чайной; здесь имелось два больших самовара для приготовления чая и отсюда брали кипяток служащие окружающих помещений.

96. Помещение для разжигания (раскалывания) углей для сандали - отгороженный небольшими стенками квадрат - "олавхона" и перед ним "дошхона" (см. рис.30). Угли раздували веером, сделанном из тонкой доски, до полного раскалывания, чтобы не дымил. Еще один специальный фаррош разложил их по "сандали", расположенным в различных местах. Только разноска горячих углей по гаремам была в руках женщин, так как мужчины туда не допускались.

97. Гряд небольших помещений для пребывания там днем фаррошей и склада различных их принадлежностей.

Следует отметить, что весь состав фаррошей, находившихся здесь, пребывал только совместно с эмиром, т.е., иначе говоря, входил в состав "рикоб" - свиты эмира, его походного двора. При отъезде эмира фаррошоби рикоба передавал имущество и различные принадлежности по списку фаррошоби, заведующему ковровым складом колинхона 42, называвшемуся также "фаррошоби кутбети". Таких фаррошоби, подведомственных кутбети, имелся большой штат, разделенный по различным заго-родным дворам. Управление последних состояло в каждом дворе из одного управляющего - "саркор", который имел в своем распоряжении

1. На некоторых рабочих планах между шарбатхонной и помещением 88 находится уборная и помещение для омовений. Однако нахождение таких помещений между парадной комнатой 88 и шарбатхонной сомнительно. Вероятно, они находились на территории дворика фаррошоби 99 или двора бани 101 (прим. А.П.).

2. Здесь неувязка: по другим данным, дахлиз 92 с кга соединяется дверью со двором бани 101 (см. ниже описание 101), который на плане расположен к югу от западных помещений меэнхавли. На расчечном плане 30 дворик фаррошоби 99 соединяется проходом с улочкой 93, а двор бани примыкает с кга к этому переулку.

людей, занимавшихся садоводством и обслуживавших сад и его потребности. В отсутствие эмира фаррошоби, выполняла приблизительно обязанности коменданта здания, заботилась о поддержании чистоты помещений, о сохранности ковров и пр. И саркор, и фаррошоби, заведующий своей частью, не были подчинены друг другу и находились в непосредственном подчинении кутбети, к которому и обращались со своими запросами.

В помещении 94 находилось три дежурных фарроша - один смотрел за самоварами, другой следил за доставкой дров и воды и третий - "олавкор" - заведовал разжиганием углей, необходимых для сандали (в течение холодного периода). Саксаульный уголь "антишт" привозился из пустынь, и целый большой склад его, постоянно державшийся в готовности, находился в ведении девонбети.

98. Дверь из переулк 93, ведущая в жилище одной из жен эмира - Урдаи Хаммом 103, в баню "хаммом" 102 и в помещение фаррошоби 99.

99. "Хавли фаррошоби" - помещение фаррошоби, с небольшим двориком. Здесь было, собственно, два помещения: "курпахона" и "савринхона". Курпахона находилась в ведении фаррошоби, а саври-хонной заведовал "шарбатдор", который и хранил здесь поступающие да-ры - "саврин", подносимые эмиру. Из помещения фаррошоби был вы-ход в переулк 100.

100. Переулк - "куча", ведущий от бани 102 на восток, а затем, обогнув мечеть Хонако, на кг, на общую дорогу, обходящую арк вдоль стены.

101. Двор перед баней 102 имеет пять дверей: дверь 98 из переулк 93; дверь, ведущая в баню 102; дверь во двор фаррошоби 99; дверь в проходную комнату 92 и дверь в Урдаи Хаммом, т.е. на кг. В северо-восточном углу этого двора была уборная.

102. "Хаммом" (в народном произношении "хамбом") - баня (рис. 31).

1. Очевидно, дверь 98 вела в перечисленные помещения не непосредственно, а через двор бани 101 (прим. ред.).

урды¹, жилища царевичей и помещени-
стражи гуломбача

Многочисленные гаремы занимали центральную часть арка (рис. 32). Они назывались "урда"², что в бухарском понимании означало жену эмира и могло применяться только к семейству эмира, хана, хотя иногда употреблялось и в отношении гарема или семьи хокимов, кушбег. Мне довелось слышать понимание слова урда как жен в обыкновенном разговоре. Рассказчик сообщил, что эмир Абдулахад-хан и Алим-хан, когда находились в загородных дворцах в окрестностях Бухары - Ситорау махи хоса, Широбун, - не имели там своего гарема ("урда"), который постоянно находился в арке. Желая повидать одну из своих жен, эмир отдавал распоряжение, чтобы ее привезли на ночь в загородный дворец. "Кадам урдаро номгир мекард, хамуна мефирхостонданд" - "Посылали ту урду, имя которой эмир упоминал". В данном случае ясно, что слово "урда" означало жену эмира³.

При Алим-хане жену эмира и двух-трех ее служанок отвозили в арбе старого, "кочандского" типа, с покрытым верхом. Арбу спереди и сзади тщательно завешивали тяжелыми коврами (чтобы не распахнул порыв ветра). Четыре погирпеша составляли eskort: двое ехали спереди, двое сзади. Впереди всех на некотором расстоянии ехал "мирша" с шестей при нем кучкой людей, смотревших, чтобы никто не повстречался на дороге, а также, чтобы не было нигде освещения. Впереди

1. В записках М.С. Андреева об урдах, находившихся в арке, особенно в их названиях и числе, имеется много неясного. По-видимому, это объясняется тем, что эта или иная урда в разное время могла носить разные названия, а также и тем, что урдами назывались не только помещения жен и матери эмира, но и рья его родственниц, содержавшихся в арке, например, матерей и вдов гузарских и бойсунских царевичей (о них см. ниже) и др. (прим. А.П.).

2. Слово "урда" в бухарском диалекте сохранило до революции некоторый оттенок старого татарского значения - лагерь для женщин, места, где жили женщины, когда их мужья были в походе. (Д. Булдагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 124).

3. По-видимому, в данном случае так называли жену эмира из почтения, как до сих пор велико говорят о жене собседника, называя ее "оила" - семья (прим. А.П.).

перед миршаом шел человек с малой литаврой и ударял в нее. Урда не могла въезжать днем, а только после асана, призывающего к намазу хуфтан, причем предупреденные миршаом торговцы тушили огонь в своих лавочках и прятались, как и прочее население¹. После того, как поезд с "урдой" проезжал, огни снова зажигались. Так бывало только во время месяца Рамазана, когда разрешалось торговать до 10 часов вечера, в остальное же время уличная жизнь прекращалась с окончанием самого намаза хуфтан, т.е. приблизительно через полчаса после его асана.

Утром урда въезжала тем же порядком обратно. Въезжали еще в темноте, до утреннего намаза омпод. Арба проезжала до городских ворот и ожидавший ее у ворот (с внутренней стороны) миршаб посылал своего человека за ключом от них к начальнику тюрьмы - "зиндонбан", у которого ночью хранились ключи от всех одиннадцати ворот Бухары. Пропускали арбу и снова закрывали ворота. Подъезжав к арку, арба со своими пассажирами поднималась по тахтанулю и подвозила их к входу в урду, в гарем.

При Абдулахад-хане в арке было всего четыре урды: Урдаи Калон, Урдаи Накин (расписная), иначе называвшаяся Урдаи Зубоча (Урдаи Красавицы, названная так по имени любимой жены эмира Музаффары), Урдаи Хонако и Урдаи Хаммом. Алим-хан построил еще одну урду - Зарнигор, или Урдаи Нав, для того чтобы его мать и каждая из жен имели бы по отдельной урде.

103. "Урдаи Хаммом" - жилище одной из жен эмира; небольшой двор выложен жемчужным кирпичом.

104. Помещение неизвестного в настоящее время назначения (Урдаи Нав?).

105. Большая отдельная комната с шахматным, шахлизом и мадонном, прилегающая к южной стене двора 103. Здесь жила одна из жен эмира.

106. Службы гарема.

107. Узкий проход, соединяющий Урдаи Хаммом с помещением девушек - "духтархона" 108.

1. Очень интересен примененный при этом термин: катаган (катаган) - "катаган шуд" - устроен катаган, т.е. улица стала пустын-ной. Катаган устраивается и в самой урде. Например, когда "машко" подносит воду, то предварительно проход по урде подвергается катагану: закрываются боковые двери и пр., чтобы машко не мог бы случайно что-либо подсмотреть.

"Катаган" говорят также вообще про отсутствие чего-либо: "Искал на базаре в разных лавках - пусто - катаган", говорят иногда.

108. Духтархона или Урдаи Духтарон.

109. Мечеть Хонако или Хонакои Урда (рис. 33). Небольшая купольная мечеть из жженого кирпича. На фронтоне этого здания имеются следы очень любопытного приема отделки (стукко) под кирпич. Около конца XIX в. первоначальная кладка из старого квадратного жженого кирпича очевидно была найдена устаревшей, немодной. Решено было "исправить" фронтон. Крайне любопытен в техническом отношении путь "исправления". Старая кирпичная кладка была покрыта не просто гачем, а гачем с добавлением мелко размельченного и просеянного жженого кирпича, а также минеральной краски, привозимой с гор - "кзилгесак" (вероятно, сурьма). Цвет получался средний "между цветом печени и легкого", т.е. между кирпично-темно-красным и розовым. На поверхности этой штукатурки тонкой лопаточкой проведены бороздки, имитирующие пазы между кирпичами, но не старыми квадратными, а новыми русскими, прямоугольной формы, называемыми "саллати" (содлатские). Такая отделка называлась "барной".

110. Помещение имама и суфий.

Ниже перечисляются помещения, о которых информаторы могли сообщить только их приблизительное местонахождение. Когда и это утверждалось не вполне точно или уверенно, то название таких помещений обозначено в тексте и на плане с вопросительным знаком¹.

В арке жили несколько братьев и племянников Абдулахад-хана (сыновей и внуков Музаффар-хана)². Абдулахад-хан, один из младших сыновей Музаффар-хана, захватив власть, опасаясь возможных претензий на престол со стороны своих старших братьев и их потомков и многих из них держал под домашним арестом либо в Бухаре в представленных им домах, откуда им не разрешалось выходить, либо в арке. Старший брат Абдулахад-хана, Абдулмумин, после смерти Музаффар-хана был схвачен и заключен вместе с семьей под стражу в Бойсунскую крепость, другой жил в Гузаре; поэтому они и их потомки были известны под именем бойсунских и гузарских царевичей - "тура". Дома царевичей, живших в арке, находились в северной, восточной и

1. Прилагаемый рабочий план помещений к востоку от коронационного зала 66 и минарета эмира 78, судя по способу изображения, арка на плане, составлен на основе планов Усто Иброгим Хофизова, в частности, по-видимому, использован упоминавшийся выше утверченный план четырех уст эмира, описания которого не сохранились в архиве Музея искусств УзССР (см. стр. 5 и 6) (прим. А.П.).

2. О них см. Таърихи Салими, ркп. Института востоковедения АН УзССР, № 1016.

юго-восточной его части, и обитатели их не имели права выходить за пределы определенной территории. Намазы они совершали в мечети Хонако - 109, в другие мечети, даже в находящихся в арке мечети Джоми, им ходить не разрешалось. Между собой они могли свободно общаться.

По рассказу одного из царевичей, опрошенного нами в 1940 г., содержание получавшееся ими во время крайне замкнутой жизни в арке заключалось в следующем: мужчинам (холостым) выдавалось по 40 тенет (около 6 руб. золотом) ежемесячно, женщинам же - матери, сестре ничего не давали. После женитьбы одного из царевичей содержание его было повышено на 20 тенет. Готовой пищи из кухни не приносили, но выдавали ежемесячно на всех (4 человека): 2 пуда муки, 1 пуд риса, 2¹/₂ чойрака (около 4 кг) бараньего жира, 1¹/₂ нима (около 500 г) чая и голову сахара. Кроме того, ежедневно выдавали 1 нима мяса. Выдавалось также потребное количество лука и моркови, соли, перца и пр., так же как и дрова, а зимой, кроме того, и древесный уголь, употреблявшийся в сандалях. Хлеба ежедневно давалось 8 лепешек, весомых 2 чойрака. Два раза в году по большим праздникам мальчикам выдавалось полный костюм. Все, что полагалось, им приносили служащие. Так как сами они не могли выходить за улочку. При таких условиях их жизнь текла серо и однообразно. Прислуги у царевичей не было, и они все делали сами. Иногда царевичи скандалили с кучбегги. При Аллах-хане как-то бросали камни в дом кучбегги. Тот пожаловался эмиру, и двух из наиболее беспокойных царевичей эмир разрешил кучбегги перевести во дворец Кофилон.

111. Миллине Азим-хана, брата Абдулахад-хана.

112. Миллине Солих-хана, брата Абдулахад-хана.

113. Домик Тугубойи (тетки бойсунских царевичей).

114. Миллине Араб-хана, сына брата Абдулахад-хана, Носир-хана (рис. 34).

115. "Дорухона" - пороховой склад (рис. 35)¹.

Относительно хранившегося здесь по кельям в больших глиняных корчугах пороха бухарцы рассказывают, что при взятии Бухары в 1920 г. было решено этот порох использовать. Огромное количество было вынуто и перенесено на площадь перед арком около стоянки краснотвардей-

1. По данным Носир-хана (Тахикот), построен при эмире Абдулахад-хане (1885-1910) (прим. О.Ч.).

цев. По-видимому, неосторожно брошенная паширокка послужила причиной страшного взрыва, загубившего много жизней (погибло, по словам бухарцев, около 200 человек). Был еще взрыв при погрузке на железной дороге.

116. Дома и дворы стражи арка - "гуломбача"¹.

117. "Урдай Калон" (большая урда). Здесь жила мать эмира².

Кроме нее там же помещались девушки - кандидатки в жены или наложницы эмира, набираемые для этой цели как в городе, через особых женщин - агентов эмира, так и в округах, откуда девушки посылались в подарок ("тортук") губернаторами ("хоким") из провинций.

Число девушек, проживавших в жилище матери эмира, не было, естественно, постоянным. То оно увеличивалось до 30 и даже иногда до 40, то уменьшалось до 10-12. Мать эмира "волида"³, занимала две просторные комнаты, расположенные в углу двора, из которых одна по бухарскому обычаю предназначалась для проживания там замой, и окна двери ее были обращены на солнечную сторону ("ру ба офтош"), а другая - для лета, была обращена на север ("ру ба боло"). Кроме этого, имела еще небольшую кладовую ("мадон"), через которую был проход из одной комнаты в другую, с отделением для обмывания ("гуслхона") в одном из углов мадона.

Помимо двух комнат, занимавшихся матерью эмира, в урде имелось четыре среднего размера комнаты (7-8 на 5 гязов), в которых проживали все девушки, а также прислуга урды. В случаях переполнения помещения и невозможности разместить лишних девушек, видимо, небольшое количество их пускала к себе жить мать эмира⁴.

1. О дворцовой страже гуломбача см. ниже стр. 137.

2. По данным, приведенным Д. Икромим со слов одной из бывших обитательниц гарема арка, в этой урде жила не мать эмира, а его младшая дочь, мать же эмира жила в Урдаи Хоса (Духтари оташ, Дунабе, стр. 315 и 547). Среди перечисленных М.С. Андреевым помещений нет Урдаи Миена и помещения Созхона, упомянутых Д. Икромим со слов его информаторши (Духтари оташ, стр. 510-511 и 546-547). Описание Урдаи Хоса см. там же, стр. 315-317 (прим. А.П.).

3. В то время как вежливым титулом для отца в письмах и разговоре в Средней Азии является термин "кислатох", мать свою в письмах из Кермине Абдулахад-хан величал "каабатох".

4. Матерям и сестрам разрешалось навещать девушек, но при этом они не могли оставаться ночевать.

На том же дворе имелась комната (размером 7 на 14 гязов) с приподнятой в виде сцен (приблизительно на 40 см) площадкой в одной части комнаты. Такая площадка в очень богатых бухарских домах называется "шаншин" (царское сиденье). Здесь же это помещение действительно занималось эмиром во время его посещений данной урды.

Эта комната с прилегающим к ней маломом никем не занималась и предназначалась только для эмира¹.

Рядом с возвышенной частью помещения шаншин находилась небольшая комната, соединенная с шаншином дверью. Там стояла кровать и некоторая прочая мебель. Это было место, куда уединялся, заправляясь, эмир с выбранной им девушкой.

Следующими помещениями были: небольшая кухня для изготовления пищи для всего населения урды.

В Урдаи Калон жили еще 4 служанки матери эмира: портниха, прахка матери эмира, бывшая одновременно поварихой для всех обитателей урды², женщина казначей (при Али-хане и до этого, еще при Абдулахад-хане, ее была женщина по имени Оя-Мирзо), фариш (подметала двор, вносила воду и пр.).

Дарбон (привратник) - старик лет 80, был единственный мужчина, который открывал дверь и мог проходить от внешней двери по длинному заглубленному коридору до внутренней. Но и он мог только стоять в нее, а не входить во внутренний двор. Так, он принимал от родовоза меха - "мышк" с водой, проносил их до внутренней двери и ставил. Оттуда дальше принесенное вносила во двор прахка-повариха.

Как мы видим из скромных размеров помещения и малого числа обслуживающего персонала, из крайней тесноты, в которой приходилось жить, существование в бухарской урде отнюдь не являлось роскошью, а наоборот, представляло собой очень скромное житье в отношении помещений, обстановки и обслуживания. Положение матери эмира, обремененной и под старость "жариться" в арке без возможности выхода от-

1. Возможно, что это и была "созхона", описанная Д. Икромим (см. прим. 2 на стр. 66) (прим. А.П.).

2. Девушки убрали свои комнаты сами, как и сами стирали свое белье. По-видимому, они занимались также рукоделием и учились шить под руководством портнихи.

3. Характерно, что ни при одном среднеазиатском гареме не было евнухов. Это в Средней Азии не было распространено.

туда, видеть даже зелень деревьев (в арке были только кое-какие цветники, но очень небольшие - воду приходилось таскать издалека), было положение приступника, отбывающего наказание, но не матери владельца.

- 118. Урдам Хоса.
- 119. Урдам Хонако?
- 120. Урдам Вебача?
- 121. Урдам Нахши?
- 122. Жилца гузарских царевичей.
- Урдам Зарнигор?
- Урдам Пешга?
- Урдам Кунджак?

Северная половина арка

Помещения тупчибоши и мастеровские

Помещения, близкие к выходу из крытого прохода долон 13, принадлежали "тупчибоши". Этим именем назывались две должности: один - "тупчибоши аскар" был начальником войска (около 12 000 солдат в его ведении). Другой - "тупчибоши дарвоза", о котором идет здесь речь, ведал входом в арку. Ему был подведомствен участок от ворот до мечети Джоми включительно. Кроме этого, в ведении этого тупчибоши находилась тайная полиция, следившая за тем, что делалось в городе и в самом арке. Она состояла из 50 человек: 20 человек ежедневно посылались для секретного наблюдения и выслеживания по городу, другие 20 человек оставались в арке, занимая места по обе стороны крытого прохода, ведущего от ворот. Их назначением была охрана заключенных в пяти окона и в двух канатона. Кроме того, 10 человек следили скрытно за тем, что делается в самом арке. Главными из них среди известных Иброгиму Хофизову были Мирзо Икром и Носир.

Городские агенты доносили тупчибоши в письменном виде, в ма-ленких овернутых записочках, свои наблюдения о случаях нарушения закона теми или другими лицами в городе, передавая свои рапорты самому в проходе на небольшой площадке тупчибоши. К нему же поступали и донесения (тоже письменные) от агентов арка. Все такие аген-

ты назывались "зокианавис". Полученные известия в тот же вечер отправлялись в Кермине и на утро докладывались промывавшему там эмиру.

Судя по тому, как его оценивали знатные бухарин, тупчибоши, несомненно на его скромное помещение, был в арке, но его действительному значению и важности, может быть, вторым лицом после кумбети. Ему подчинялся весь аппарат секретного надзора за центром жизни бухарского ханства - городом Бухаром. Каждый мог стать предметом его наблюдения и содержания его донесений, ежедневно посылавшихся эмиру - даже сам кумбети, о речах и действиях которого тоже неукосян-тельно доводил он до сведения эмира.

Тупчибоши никогда не молились даже в соседней с его жилищем мечети в арке. Делалось это для того, чтобы не быть оговоренным от своей обязанности наблюдать за воротами арка.

123. "Хонам тупчибоши" или "мехмонконам тупчибоши"; здесь он обычно сидел, смотря через дверь за проходящими. Теперь от этого небольшого здания не осталось и следа. Только поковы в виде узкой небольшой площадки указывает место и размер помещения, занимавшегося когда-то грозным комендантом арка. Оно находилось налево при выходе из долона 13, вплотную прилегающая к западной стене арка. Это был "кабинет тупчибоши", его официальное постоянное местонахождение.

Размер этого помещения - 4 x 2,5 м. Из кабинета налево дверь в кладовку - "мадон", размером 2 x 2,5 м. Вход в кабинет вел через переднюю "дахлиз", где днем сидел и ночью находился дежурный стражник - "мерга".

124. "Хавличам тупчибоши". Дворик и домик тупчибоши, расположенные у западной стены арка, при изгибе ее примерно на середине пространства от пандуса до северо-западного угла. В западной части восточной стены дворика тупчибоши небольшие ворота, прямо в которые упирается выход из долона 13. Сама стенка длиной около 16 м поворачивает на север, где через 8 м сталкивается с изогнутой стеной арка. В юго-восточном углу дворика тупчибоши его мехмонхона, помещение для гостей, вход в нее через переднюю. Позади мехмонхон у восточной стены дворика - "мадон" (кладовая). Перед мехмонхой, вдоль восточной стены дворика - небольшой айван, где было место шток - "хин".¹ Шток производился частично под верандой, а также на прилегающем пространстве.

1. В 1962 г. этих помещений уже не было (прим. А.П.).

В глубине двора в северо-восточном углу его склад "толпила и рядом" - кухни мерганов. Вдоль западной изогнутой стены арка - длинный айван, веранда.

125. "Хавели тупчибоши" - частное жилище тупчибоши; состоит из двух частей: "берун" - небольшое мужское отделение, где тупчибоши мог принимать гостей мужичи и где проживал, охраняя его дом, один мужичина (родственник его или его жены); "дарун" - внутреннее, женское помещение. Ворота в хавели тупчибоши помещались в южной стенке двора, неподалеку от стены арка - против улочки 18.

126 и 127. Два узких (в I-I, 5 м шириной) прохода-тупичка между частным жилищем тупчибоши 125 и капсхоной 130, расположенной от него на восток, вдоль северной стены арка. Они вели от улицы 18 к уборной - мабраз 129. Эти два прохода шли параллельно. Проход 126 служил только для выноса экскрементов нуркашами, приходившими сюда время от времени из селений. Проход 127 вел к уборной 129.

128. "Тахоратона" - крытое обширное помещение для омовений, совершавшихся людьми, воспользовавшимися уборной, с отверстием над "таншау" или точнее "кулуки таншау" (поглощающий колодец). Входили сюда через дверь, находившуюся в самом начале тупичка 127. В этом же помещении находился наизератель, наблюдавший за порядком. Ежедневно водоносы доставляли сюда по 50 турсуков - "манш" с водой (по два на осле). Вода хранилась в 9 больших корчагах - "хум". 20-30 глиняных кушничиков, наполненных водой, хранились умыться. Наполнив их, по мере израсходования, находившийся там наизератель.

129. "Мабраз" - уборная, имевшая 10 маленьких каминов. Сообщение между мабразом и тахоратонной происходило только по проулку 127, в конце которого она находилась (у северной стены арка). Это была единственная общая уборная на весь арк. Помимо этого, в арке были еще особые уборные в шести урда, затем одна собственная для эмира, одна для саванников и одна для личных слугающих эмира.

130. "Капсхона", "кайдхона" - род ремонтной мастерской или технической скорой помощи, обнесенное забором помещение с верандой, на площади около 20 x 12 м (рис. 36 и 37). Постоянный штат состоял из одного писаря - "мирзо", ведшего учет расхода материалов, составившего табель мастеров, регистрировавшего заказы и пр. Там же постоянно находились 3-4, а иногда и больше мастеров по разным специальностям: плотники и столяры - "дуредгар", каменщики и мастера по ганчу, штукатуря - "гилкор", рисовальщик-художник - "нак-

кош", входивший в цех гилкоров (отдельного цеха рисовальщика не было) и др.

Во главе мастерской находились квалифицированные придворные мастера, награжденные чинами. Они состояли на постоянной службе эмира и только руководили работами. Все остальные мастера прислались по наряду из городских цехов. Плата, выдаваемая мастерам в арке, была ниже обычной рыночной, да и пища им давалась более низкая по объему и качеству, чем у частных заказчиков. При Абулакадхане, например, мастеру ежедневно причиталось 5 тенет, т.е. половина того, что он получал от частного заказчика. Плата у частных заказчиков тоже была лучше и выдавалась три раза в день, тогда как у эмира два раза. Мастера поэтому очень неохотно шли на работу в арк. Некоторой добавкой к получаемому ими вознаграждению служила неофициальная добавочная плата, называемая "кулук", которая выдавалась только по окончании срока работы. Цеховые мастера уходили по истечении недели, заменяясь другими. Кулук выдавался хорошим мастерам по 5 тенет за день, а простым, немусульманам - по 3 танги. В списках, подававшихся официально эмиру, эта добавочная плата официально не значилась, а деньги получались от приписки заведомо неверно показываемых расходов.

Работа в капсхоне производилась по санкциям или распоряжению "катоул" (в чине джебачи), своего рода заведующего хозяйством арка, подведомственного купбеги. Отчет в истраченных суммах еженежно представлялся катоулом на утверждение купбеги. По словам богатых старых мастеров, при этом бывало не без злоупотреблений. Например, катоул приказывал мирзе указать в отчете больше людей, чем фактически работало, а остатки делились между мирзо и катоулом. Мастера, получавшие здесь пониженную заработную плату, работали поэтому в течение дня менее усердно, чем у частных заказчиков.

131. Небольшой переулок, шириной в 1 м 75 см, отходящий на против тахоратоны 128 от улицы на юг и отделивший восточную часть соборной мечети от лежащей против, на восток от мечети, от-

И. Например, мастер-строитель Усто Иброгим Хойизов имел чин "мирохура".

134. "Потасхона" - мастерская для печатания денежных знаков. Стат служащих: один туксабо, один приобщенный к кучбети, в должности джевати или мирзобоши, 20 мастеров - "усто" различных специальностей, как, например, рисовальщики и художники росписи - "накальностей", каллиграфы - "мирзом хушкат" и др.

Печатание бумажных денег началось в Бухаре только при самом последнем эмире Алим-хане, в 1918 г. Для производства денежных знаков была устроена небольшая фабрика бумажки впервые в Бухаре (по крайней мере за два последние столетия). Устроена она была в саду Дилькупо.

Очень характерно для нравов того времени, что в то время, когда духовенство все еще усиленно сопротивлялось нововведениям, для принципиального решения вопроса о выпуске бумажных денег эмир создал совещание, на которое позвал: обоих кучбети, кози-налона, кор-вонбоши (куческого голову) и двух крупных представителей купечества - Джура-бека Арапова и Юсупова. Пригласили также виднейшего к тому времени крикливого представителя муллы Кутобидина. Это был ярый представитель течения, толкавшего Алим-хана на объявление войны. Впоследствии, при столкновении с частями Красной Армии, он выступил с сотней муллы, вооруженных ружьями и саблями. Они сидели верхом на лошадях, но сохранили на ногах мало пригодные для такого случая ичиги и калоши. После революции мулла Кутобидин бежал, но потом был схвачен и расстрелян. Когда на совещании Кучеп Юсупов высказался за машинное печатание и показал составленные по его поручению проекты денежных билетов, то Кутобидин объявил его неверным - "кофир", а затем его языческой, противной вере. Он заявил, что само печатание - дело немусульманское. Машинным печатанием он опоганит мусульманские деньги. По настоянию Кутобидина Юсупов был изгнан с совещания, а деньги было решено печатать вручную, прикладывая к бумаге штампы, подобно тому, как это делалось в Бухаре с "иди" - небольшими листочками бумажки, раздававшимися детьми для коллекционирования при наступлении двух больших праздников в году - Курбана и Рамазана.

(продолжение прим. 5 со стр. 72):

...С августа 1893 г. свободная чеканка тенгги эмиром приостановлена по настоянию Туркестанского генерал-губернатора, барона Бревеского и до настоящего времени не возобновлялась из-за обесценения серебра на мировых рынках.
Барон Бревеский в 1894 г. высказал предложение о замене тенгги смешанной монетой с русскими и бухарскими нашивками. - Отвергнуто в Совещании под председательством Т.С. Кообеко" (прим. А.П.).

на, которая шла с севера на юг линии восточного забора на протяжении 18 м от северо-восточного угла веранды.

133. "Сикатхана" - монетный двор, расположенный к востоку от переулка 131. Вход в него был с юга через дверь и проход на месте теперешнего европейского окна 133² (рис. 36).

В 1896 г., когда по распоряжению Остоунакут-бека монетный двор был переведен сюда из другого места, существовавшая рядом убогая была перенесена на место № 129, к монетному двору было прибавлено немного площади с восточной и южной сторон.

Здесь было 4 мастерских для чеканки серебряных монет - "такта" и одна для золотых - "тилло"³. В каждой из мастерских работало по 9-10 человек вместе с мастером. Когда мастера освобождались от другой работы, здесь чеканили также медную монету - "пут". Раньше, до Остоунакула, "пули оме" чеканили из сплава "хула" (бронза), но потом было решено их чеканить из железной проволоки⁴, привозившейся из России. Серебряные монеты чеканились из переплавленных китайских ямс⁵, золотые - из золота, привозившегося из России в виде золотых прутьев. Кроме того, тилло плавились также из золотого песка, добывавшегося в горах.

1. По сообщению, записанному в 1962 г. со слов Усто Мирбахрома, этот проход был ниже суфы айвана мечети 19, так же как и урочище улиц 18, с которой на эту суфу вели сложенные из жженого кирпича ступени - см. рис. 33 (прим. А.П.).

2. По сообщению Усто Мирбахрома (1962 г.), вход во дворик монетного двора был с улицы 18, справа при повороте ее к северу. А с юга был вход в "ошкону", расположенную к югу от монетного двора 131 и 133, на месте же 132, у стыка южного и восточного айванов мечети Джоми, раньше не было существующего в настоящее время уютного помещения, а именно нагрудия минарета этой мечети (прим. А.П.).

3. По сообщению Усто Мирбахрома (1962 г.), всех мастеровых на монетном дворе было восемь (прим. А.П.).

4. По сведениям М.Е. Массона, "пули оме" никогда не чеканились из железной проволоки, для этого употребляли только медную (прим. О.Ч.). Это подтвердил в 1962 г. и работавший в этих мастерских Усто Мирбахром (прим. А.П.).

5. В архиве М.С. Андреева сохранилась следующая сделанная им выписка о чеканке тенгги эмиром (без даты, папка № 75). "Общая канцелярия по кредитной части. 31 января 1899 г. О введении в Бухарском ханстве российской денежной системы.

Стр. 5 "По показанию главного зачетчи (бухарский министр финансов) было вычтено: 1899 (должно быть 1889? - А.П.) 10.254.896 От 27 авг. 1888 до 15 авг. 1899

" 1899 (должно быть 1889? - А.П.) до 4 авг. 1890 22.431.820"
" 16
" 14 июля 1892 до 3 июля 1893 г. 16.948.832 тенгги".

Джадиды, входившие в состав правительства Бухарской Народной Советской республики, приспосobili когазхона к печатанию денежных знаков, заменив в штампах имя эмира соответствующими надписями.

135. "Заргархона" - ювелирные мастерские. Вход был через калитку с улицы 150; от калитки шел крытый проход шириной $1\frac{1}{4}$ м приблизительно на протяжении 3 м. Далее, в середине всего помещения находилась открытая квадратный дворик, с трех сторон, противоположно входу, окаймленный открытыми суфами. С трех сторон дворика к этим суфам примыкали помещения мастеровских¹.

Мастерские делились на три отдела. Во главе каждого отдела стоял мастер, именитый чин микрохура (таких было два человека) или каровулбеги (один человек)². Заведовал общей работой старший ювелир в чине туксабо. Всего туксабо было два. При Абдулахад-хане одного звали Усто Саади (из Карши), другого - Кори-туксабо (бухарец). Один из них находился в "рынок", т.е. в числе походной свиты эмира, сопровождая его вне Бухары, другой заведовал мастерской в арке. Через каждые 2-3 месяца они менялись местами.

Штат ювелирных мастерских состоял из одного "заргарбоши" - чальника ювелиров, одного главного заргара, в чине туксабо и около двадцати (по другим сведениям, восемь) постоянных мастеров - "заргар", которые почти всегда находились в заргархоне. Кроме них, руководителей, призывалось еще, в зависимости от количества работ, нужное число мастеров из частных мастерских города; призывались они через цех, посылавший их, подобно другим цехам, в порядке очереди.

Административным лицом, заведующим мастерской, но не вмешивавшимся в технику работ, был заргарбоши, назначавшийся кущубеги. На его обязанности было доставлять драгоценные металлы (золото и серебро) и камни, а также прочие материалы для ювелирных работ; он же принимал готовые изделия. Это были те самые мастерские, которые в большом количестве вырабатывали эмальрованное, серебряные шкачулки, чаши и пр., которые эмир любил дарить при своих поездках в Россию и раздавать в виде награды и подарков при всяких других случаях.

1. По сообщению Усто Мирбахрома, ювелирные мастерские находились в части 131, прилегающей к восточному айвану мечети, а на месте 134 был монетный двор (прим. А.П.).

2. Всего в составе мастеров было два туксабо, два микрохура, три каровулбеги.

чаях. Там же выделялись женские украшения - кольца, браслеты, серьги, пряжки для мужских поясов, украшения для коноской сбруи и пр.

Заргарбоши поставлял из сейфов потребное количество золота, серебра и был ответственным лицом, как глаз кущубеги.

136. Жилище Абдукодыр-бека¹ тупчибошии лашкар. Дом, состоящий из двух помещений: мужского - "берун" и женского - "дарун" известного са-чальника эмира Абдулахад-хана Абдукодыр-бека тупчибошии лашкар (начальника артиллерии и командующего частью думболомур)¹. Здесь он жил со своим семейством при Абдулахад-хане и отсюда был переведен в город к Ляби хаузи Мирзо-гафур неподалеку от арка.

Жилища царевичей, мазар, медресе, мечеть Чилдхутарон

137. Жилище одного из бойсунских царевичей.

138. Жилище другого бойсунского царевича.

139. Урла одной из жен кущубеги.

140. Урла другой жены кущубеги.

141 и 142. "Шарбатхона" 141 и "нонхона" 142 - помещения разделялось на две половины (два дома): южную - "нонхона", где хранился и отсюда раздавался привозимый ежедневно в арк печенный хлеб (лепешки) и северную - "шарбатхона", где хранились различные запахи для кондитерских изделий и сами эти изделия: многочисленные сорта различных варений, халвы, конфет, сахара и т.д. Оба помещения разделялись небольшим двориком, с восточной стороны которого была небольшая веранда (рис. 38).

Хлеб (лепешки) изготовлялся пекарями ("нонхой"), имевшими пекарни в нескольких местах города. Они получали пшеницу или муку от диванбеги. Пшеница перемалывалась самими пекарями на принадлежавших им мельницах - "харосхона", приводившихся в движение каждая четьрьма лошадей. Таких мельниц в Бухаре было 10. Муку привозили также из местности Галасохи в 12 километрах от Бухары; там было 4 водяных мельниц на реке Зеравшан. Были более мелкие мельницы и в других местах, но они часто останавливались из-за недостатка воды и большого значения не имели. Пекари получали вознаграждение за

1. Во время Бухарской революции 1920 г. Абдукодыр-бек был командующим всеми войсками эмира Атам-хана.

Неподалеку отсюда имеется колодец, выкопанный, по-видимому, очень давно, но в настоящее время (1940 г.) почти засыпанный. В старое время — при эмире Музаффар-хане и до него, при эмире Матсуме, было в обычае иногда бросать в него провинившихся придворных. "Если человек исчез, нигде его не видно, то люди догадывались, что его спустили в колодец", — рассказывал мне Иброгим Хойизов.

149. Угловая башня.

150. Круговая улича, продолжение 18, вдоль стены, окружающей арк (рис. 41).

Комплекс зданий и кушбег

151. Улича, пролегающая между глухой северной стеной коронационного зала и комплексом зданий кушбег. Она начинается от дороги 16, ведущей в помещения эмира и проходит через двое ворот прямо на восток к внутренним дворам — "урда": справа — Урдам калон 117 и слева — урдам кушбег 140. Ширина улицы около 3 м.

152. Двусторонние карагачевые ворота, ведущие в помещения кушбег. Сделаны в 1904 г. взамен ранее бывших, пришедших в ветхость. Эти ворота были закрыты приблизительно от полудня до рассвета.

153. Небольшой крытый проход за воротами 152, открывающийся направо во двор 163, окруженный зданиями. По обе стороны прохода — окаями (завалинки) из жженого кирпича, на которых сидели пограничники.

154. Дверь налево из прохода 153, выходящая на веранду 155 двора 156.

155. Веранда, окаймляемая с юга и запад дворик 156, на которую выходили помещения 159 и 161 для приезжавших русских представителей и комната для пограничника 158.

156. Небольшой дворик, замощенный старинным шестиугольным кирпичом (рис. 42, 43). С этого дворика ведет на второй этаж деревянная лестница.

157. Дверь с западной стороны прохода 153, через которую проходили в комнату 158.

158. Комната, в которой находились дежурные при кушбеге пограничника и в которой около десяти человек из них ночевали, как дежурная часть; имевшаяся во время обследования дверь, ведущая из комнаты пограничника 158 в помещение 159, раньше не существовала и была пробита недавно.

выпечку. Интересно, что большого контроля над расходом полученной муки не было, так как отчет в привозимых лепешках велся поштучно, а не по весу. В общем каждый день привозили до 4-5 тысяч лепешек различных сортов. Сна, в помещении шарабхона, через проход 172 приходили пограничники, мирзо и другие служащие с фарфоровыми чайниками, в которые здесь вынался порциями на заварку чай. Получившие его отправляли с чайниками к самоварам, кипевшим в комнате 189, где и заваривали. Здесь получали также хлеб, кишмиш, варенье и прочее (последнее только для гостей или в виде особой милости постоянным служащим).

143. Урда Носир-хана (см. рис. 39), сына Музаффар-хана и брата Абулахад-хана. Обширное помещение с входными воротами возле северной стены арка, состоящее из "хавли берун" (внешнего мужского двора) и "хавли дарун" (женского помещения). Во дворе имелся длинный айван, конюшня, погреб, собственная библиотека.

И. Алылов рассказывал, что Носир-хана в Бухаре называли "гурал джиял", как лицо, близкое к эмиру. Это подтверждается и тем, что эмир Алим-хан выдал за сына Носир-хана — Араб-хана свою дочь и построил для них отдельную урду в юго-восточном углу арка неподалеку от арсенала. Из арка ни Носир-хан, ни эмирский зять Араб-хан, однако, не выгускались.

Носир-хан дожил пленником в арке до самого свержения эмирата (1920 г.). При Бухарской Народной Республике он был членом "Исторического общества" и составителем рукописного сочинения "Тахикоти арки Бухара".

144. Улича перед мазаром.

145. Мазар Батгол-гози (рис. 40).

146. Гробница.

147. Медресе.

148. Мечеть Чильдухтарон¹.

Древняя очень распространенная и популярная легенда о сорока благочестивых девушках — "чильдухтарон", связываемая с десятками мест Средней Азии, бытовала и здесь: преследуемые девушки скрывались в пещеру, открывавшуюся по их молитве, и вход в нее чудесно закрывался. По-видимому, это место в основе должно считаться мазаром, хотя здесь нет ни бунчука ("тут"), ни какого-либо другого видимого признака святости.

¹ По сообщению Носир-хана (Тахикот), эта мечеть была построена при Мухаммад Рахмие (1756-1758 гг.) (прим. О. Ч.).

"Шогирдпеша" - это особая часть административно-служаших. Возраст их не имел значения, и можно было встретить среди них людей от 20 до 70 лет. Всего в арке было до 300-400 человек шогирдпеша. Их использовал главным образом для разных поручений и рассылал кучбеги при возникновении разных надобностей. 40 человек из них постоянно находились при эмире, где бы последний ни проживал, сопутствуя ему при его переездах. Менялись они через каждые 15 дней. Во главе всех шогирдпеша был особый начальник, "ясовулбоши", который получившие непосредственно кучбеги. Ясовулбоши имел одного заместителя - "но-ис". Значительное число (около 100) этих служаших было постоянно в разъездах, исполняя различные поручения: сопровождали русских должностных лиц, представителей, посылавшихся русским правительством для разных надобностей в пределы Бухарского ханства, рассылались с различными поручениями по периферии, к хокмам и пр., служили курьерами - "хатсар", отвозя письменные распоряжения, приказы и пр.¹ Шогирдпеша, оставшиеся в Бухаре, не занятые никакими поручениями, должны были ежедневно рано утром, после открытия ворот арка, придти в помещение кучбеги 158 и оставаться здесь до полудня. Потом часть из них расходилась, за исключением дежурных 15-20 человек, назначаемых в порядке очереди ясовулбоши. После полудня и до вечера, кроме дежурных, в помещении 158 в проходе было постоянно много шогирдпеша.

Ежедневная явка всех шогирдпеша по утрам к кучбеги не соблюдалась очень строго. В случае каких-нибудь домашних обстоятельств всегда можно было договориться с ясовулом о разрешении не придти в указанные дни.

Каждый из шогирдпеша заводил себе лошадь, так как ему необходимо было ездить верхом для исполнения дававшихся ему поручений. Жалование выдавалось от 40 до 100 тенег, в зависимости от заслуг и срока службы. Кроме того, они получали фураж для лошадей и готовую пищу в арке для себя. Имевшие чины среди них (т.е. приблизительно 25%) получали еще добавочное пищевое довольствие, состоящее из 5-6 хлебных лепешек (ежедневно), 8 кг мяса, 4 кг сала, 2 "нимча" (мера веса) чая, 1 голову сахара (ежемесячно), а также два раза в год комплект одежды "сарупо", состоявший из чалмы и двух халатов. По

1. Курьер, посылаемый хокмами к эмиру, назывался "арзачи", от слова "арзач" - звание. Курьер, посылаемый к кучбеги, назывался "хатсар".

праздникам (два раза в год) выдавалось от 50 до 200 тенег, смотря по заслугам, "на увеселение" - "харчи сайл". Большим источником дохода служила обязанность отвозить официальные сообщения о наградах: извещения о них посылались должностными лицами в запечатанных конвертах - "лиффа", содержания которых не знал и отвозивший. Если в письме извещалось о награде, то награжденный часто довольно щедро омарял гонна.

Назначение в шогирдпеша проходило через посредство ясовулбоши и кучбеги. В случае отсутствия возражений со стороны последнего наводились справки об образе жизни и характере претендента на эту должность и при благоприятных сведениях происходило назначение.¹

Шогирдпеша имелись не только у кучбеги, но и у губернаторов - "хокма". Число их колебалось в зависимости от доходности и важности бекства, чаще всего было приблизительно 40-50 человек.

160. Передняя.

159, 161, и 162. Специальные комнаты, выстроенные при кучбеги Джон-мирзо для русских представителей и политических русских посланцев, приезжавших в арк для переговоров с кучбеги, а также с эмиром.² Первоначальное более скромное помещение расширено было при Остонакуле кучбеги в 1908 г.

В углу двора 156 находилась лестница, ведущая на верхний этаж. Там находилось помещение (2-3 комнаты), подведомственное де-вонбеги, где бывали дети кучбеги.

163. Двор кучбеги. С юго-востока к помещениям 167-170 примикает широкая открытая, высокорасположенная суфа, облицованная обожженным кирпичом (рис. 45). Она бывала покрыта ковром, и на ней в жаркие летние ночи иногда ночевали дежурные шогирдпеша.

164. Телефонный аппарат. Здесь постоянно дежурил один из двух телефонистов, сменявшихся по очереди (рис. 44).

Телефон был проведен около 1900 г. сначала от Катана к арку, а потом были присоединены загородные дворцы - Ситорау махи хова, Ширбулун, а также различные здания и учреждения в городе.

165. "Даклиз" - передняя.

1. Параллельно служашим у кучбеги, называвшимся "шогирдпеша", были также те служашие у казны, называвшиеся "мулози", числом около 200 человек.

2. По сведениям Носир-хана (см. "Таджикост" 4.45); эти помещения были выстроены при Музаффар-хане (1860-1885) (прим. О.П.).

166. Комната направо из передней. Она играла роль кладовой - мадон. Сюда складывалась посуда и прочее убранство, необходимое при приеме гостей кучбеги.

167. "Мехомонхонан калон" - большая гостиная. Здесь раз в день, в полдень - "пешин" давался обед служащим погиршеша. Пол был покрыт коврами, а на них вдоль стен лежали стеганые курнана для сидения.

168. Гардеробная кучбеги - мадон и кладовая.

169. Приемная для гостей и обычное место для выслушивания официальных жалоб, прошений и пр. Для последней цели кучбеги сажали в комнате против улювого окна, примыкавшего к юго-восточному углу площадки - суфа. Напротив, на площадке, метрах в трех от окна сажались просители. Перед просителями стоял в углу площадки ясовулоши. Никакого оружия у него в руках, однако, не имелось. Заявления делались словесно, после чего кучбеги производил постановление. Присутствовавший ясовулоши передавал его в канцелярию, находившуюся на том же дворе, просителя дополнительно там допрашивали об именах, адресах и деталях. Написанное постановление подносилося потом кучбеги для приложения печати.

Важных просителей кучбеги пригласил к себе в комнату, где иногда предлагалось гостям угощение.

170. Дахлиз - передняя для прохода в приемную кучбеги № 169 (проход через мадон 168 был доступен только для кучбеги).

171. Вход в большой глубокий подвал - "тагхона", подходящий как под обе широкие суфы, так и под комнаты № 167-170 (см. план подвалов).

172. Крытый проход, род небольшой веранды (рис. 46). В настоящее время здесь заложена дверь, через которую мог проходить купобег из прохода 172 в переднюю 170, не будучи видим со двора.

173. Проходное помещение.

174-175. "Мирзохона калон". Здесь были расположены две отдельные канцелярии: 174 - главная канцелярия, со штатом в 10 мирзо. Она ведала учетом золота, хараджем и прочими доходами и расходами. 175 - вторая канцелярия, со штатом около 8-10 мирзо. Ведала сношениями с

1. Следует принять во внимание, что раньше, до 1920 г., все судеткумаше в настоящее время окна (за исключением окон в посольских комнатах № 160-162) доходили вплоть до земли, подосно дверям, так это и теперь можно видеть в старых зданиях.

периферий, выдачей паспортов и пр. Вход в каждую канцелярию был отдельный, и обе разделялись стеной, не имея сообщения между собой. Начальник каждой канцелярии был самостоятелен, и оба непосредственно подчинялись кучбеги.

Помимо двух канцелярий, находившихся здесь, имелись еще другие: упоминавшаяся выше канцелярия 45-46 на верхнем этаже двора сакохона; раньше ее дверь выходила на улицу против дома "эльчихона". Там было 8-10 писарей. Эта канцелярия ведала перепиской с Российским политическим агентством, а также всеми делами в ханстве, возникавшими от соприкосновения с русскими. Была еще канцелярия 176.

176. Канцелярия в помещении девонбег почти рядом с канцеляриями 174 и 175, в здании, сохранившемся и сейчас, выходящим восточным на север. Вход сюда со стороны помещения кучбеги был через проход 177 и через небольшой дворик помещения девонбег. Здесь было всего 5-6 писарей. Они вели подсчеты поступлениям и расходам девонбег.

Следует отметить, что знание, отмеченное на плане как 176, новое, построенное в 1921 г., приспособленное под надобности советских учреждений, причем оно было расширено и более вытянуто на север.

176а. Подвал, подземелье под мирзохоной 176 (рис. 4). Трагические события произошли здесь в 1918 г.

Рассказ о гибели в подвале кучбеги советской делегации в 1918 г.²

Во время переговоров между эмиром и Ф. Колесовым в арк было послано, как говорят бухарцы, 40 советских делегатов. Прибыли они верхом на лошадях и остановились перед пандусом. 20 человек со всеми лошадьми остались внизу, а другие пешком отправились вверх по

1. По другим сообщениям, эта канцелярия находилась в помещении без номера к северу от помещений 180 и 188.
2. Об этом см. "Тарихи Салим", ркп. Института востоковедения АН УзССР, № 2016, лл. 154-155, а также Б.И. Искандаров. Бухара в 1918-1920 гг. (Ликвидация Бухарского эмирата - очага англо-британских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии). В кн.: "Материалы по истории Средней Азии и Таджикистана". Тр. АН Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии, т. XIX. Сталинабад, 1964, стр. 15-16 (прим. ред.).

попытки. Около мечети их разделили. Три человека (руководители делегации)¹ были проведены на юг, в помещение эмира, а 17 человек оставили в помещении кувшитов.

Среди успешных трех один, небольшого роста, коренастый, будто бы был известен тем, что "оверг царя Николая с престола."

"Я очень боюсь его", - говорил будто бы эмир, обсуждая положение.

Разговор их с эмиром продолжался около двух часов. Затем, выйдя от эмира, они прошли в помещение кувшитов к ожидавшим их там товарищам для того, чтобы вместе победить. При соборной мечети в это время был поставлен, готовясь к встрече, отряд из 100 человек бухарского войска - думолапур. Видя хорошее обращение с советскими делегатами, они были якобы крайне недовольны. Они бросились вниз на находившихся внизу с лошадьми 20 человек и начали в них стрелять.

Нападение было совершенно неожиданно, много красногвардейцев было перебито, а остальные пробовали ускользнуть, но были перехвачены другими солдатами из казарм по дороге и все были убиты. Сидевшие в помещении кувшитов 20 человек, услышав выстрелы, выскочили, спрашивая, в чем дело. Им сказали, что произошло восстание, что им нужно спрятаться. От Алим-хана принесли 20 халатов и 20 тебетеек и чалм, и они оделись. Им говорили, что их, когда стемнеет, вывезут по два человека, как бухарцев, за город и доставят к советскому лагерю. Их спрятали в подвал под зданием мирзохон 176 и при наступлении темноты вывели первую пару в помещение тупчибоши. Там их оставили, якобы для того, чтобы подожать прихода еще двоих, и тогда вчетвером их отвезут в одном экипаже.

Старик-бухарцы рассказывали, что все это было результатом заговора и махинаций со стороны кувшитов Урганджи Низомиддина, козикалона и раиса. Когда один из людей эмира, Ходжи-Бурхон бухчабардор, увидел, что проводили первую пару, он проник к оставшимся в подвале и при выводе второй пары успел дать знать, чтобы оставшиеся не доверялись: "Или выходите все вместе и защищайтесь имеющимися при вас оружием, или оставайтесь, не разделяясь". Одного из второй пары в это время уже вывели, но другой успел выхватить спрятанный у него револьвер, выстрелом ранил в руку схватившего его и остался.

¹ Б.И. Искандаров (цит. соч., стр. 15) приводит имена двоих из них - уткуна и Абурахманова, а также сообщает, что из состава делегации спаслось два человека (прим. А.П.).

После этого, по распоряжению девонбеги Ходжи-Лагифа, было принесено много кошем, паласов и все было свалено перед окнами и дверью подвала. До этого засевшие (при них было много кинжалов, были винтовки с укороченными стволами, револьверы) открыли сильный огонь через дверь и окно и ранили и убили человека до семидесяти. После того, как стрельба стала невозможной, а с другой стороны, осаждавшие не могли также осадить ~~осажденных~~ ~~делегатов~~, они придумали залить подвал водою, чтобы зтопить там зашатавшихся. Плотник просверлил в толстом деревянном полу отверстие, но выстрелом снизу его ранили в руку. Подступиться к отверстию было трудно, так как осажденные все время стреляли. Тогда придумали закрыть отверстие плоским большим камнем, под который могла бы подтечь вода. Последовал усиленный полнов воды водовозами, и помещение начало наполняться водою.

Семь суток продолжалось храброе сопротивление осажденных, измученных, остававшихся все это время без еды.

Видя, что взять ~~мужественных красногвардейцев невозможно~~, бухарские феодалы подослали к ним одного из преступников по имени Машид Кашкашони, известного вора, которому они посулили свободу и награду, если он уговорит осажденных сдаться. Он проник к ним и предложил перемирие, говоря, что в настоящее время идет обмен пленными между советскими частями и бухарцами и если они сдадут свое оружие, то их отправят в обмен на пленных бухарцев. Для красногвардейцев, семь суток остававшихся без пищи, сидевших в воде, выживших совершенно из сил, это было единственной надеждой, так как дальнейшее сопротивление было невозможно. Они передали оружие и с большим трудом, вытаскиваемые бухарцами (двигаясь свободно уже не могли) очутились за дверями. Вышло их только 7 человек - остальные десять были уже мертвы. Выведенных увидели в помещении тупчибоши и с ними было также вероломно покончено.

Это произошло в феврале 1918 г., в первый приход Колесова.

177. Узкий проход с юга (с улицы 151) на север, в который ведет дверь со двора кувшитов 163 через крытый проход 172. Имеясь посередине глиняное возвышение позднейшего характера и образовалось от упавшей сверху крыши.

178. Лестница в проходе 177, ведущая на второй этаж над мирзохонами 174 и 175.

179. Двор "именхавли кувшитов".

180. Лестница, ведущая на верхний этаж, параллельная лестнице 178, но отгороженная глухой стеной.

181. "Суфа", покрытая коврами. Летними вечерами кувшеги иногда сидели здесь.

182. "Дахлиз" — передняя.

183. Кладовая, где хранились припасы для угощения.

184. "Мехмонхона" (гостиная). Здесь кувшеги отдыхали и здесь он принимал главных своих подчиненных для переговоров о важных и секретных делах. Когда поступало письмо от эмира, то оно также принималось и прочитывалось здесь.

Обычно письмо принимал дарбон и приносил его кувшеги. В таких случаях почтительно вставал, целовал письмо, подносил его к глазам, проводил им по ним и лишь после этого читал.

185. Большая кладовая, вытянутая вдоль длинной стены, — тип, называемого "ишкани-мадон"¹. В ней имеются три окна для света и воздуха, выходящие на улицу, заделанные, однако, железными решетками.

186. Небольшой узкий айван (навес), с суфой под ним, на восточной стороне двора.

187. На айване 186 в углу было углубление, ступеньки лестницы, уходящие вниз и ведущие в соседнее помещение за стеной, подходящее к урле.

188. Помещение для дежурных махрамов, находившихся при кувшегах.

189, 190. Помещение, где хранился древесный уголь и лежали запасы топлива. В одной стороне стояли три корчаги для воды и два больших самовара, в которых готовили кипятки (чай) для многочисленных погирдпеша, мирз и прочих служащих.

191. Второй этаж в комплексе построек кувшеги (см. рис. 3). Комната над помещением 176. При кувшеги Мирзо (вступившем на этот пост после Остонакула и правившем в течение 8 лет) в этой комнате учился его сын. Сюда ежедневно приходил учитель, с которым мальчик и занимался.

192. Проходная передняя.

¹. Обычно нормальный мадон находится в задней части помещения и примыкает к его торцовой стене.

193. Дверь над помещением мирзохон деонбети, через которую проходили сын кувшеги Мирза Насруллы и его учитель в комнату 191, где они занимались.

194. Помещение над комнатой без номера, прилегающей с севера к 190 и 188. Здесь складывались различные вещи кувшеги — ковры и пр.

195. Помещение над комнатой 175. Здесь проживал при кувшеги Насрулле его племянник Барот-бек.

196. Открытая веранда на втором этаже с западной стороны двора 163.

197. Небольшой открытый дворик на втором этаже.

198. Помещение "асовулбони погирдпеша".

199-200. Помещения для отдыха махрамов кувшеги.

ОПИСАНИЕ ПЛАНА ПЛОЩАДИ РЕГИСТАН

По словам Иброгима Хойзова, в старое время перед арком на месте теперешней площади Регистан существовала большая низина, впадина, на дне которой было озеро, поросшее камышом. По приказу одного из владетелей было собрано много народа, из окрестностей начали ~~создавать~~ ^{создавали} ~~песок, ковером и осеяли камыш~~ ^{создавали} ~~нижину, уничтожив озеро и~~ ^{создавали} образовав площадь. Отсюда якобы и самое название Регистан ("рег" - песок).

Этот рассказ старика Хойзова лишний раз показывает устоявшуюся традицию: повторяется известное место из "Истории Бухара" Мухаммада Наршахи¹.

Вариант Хойзова представляется интересным тем, что он отрицает "нижину", "озеро" только площадью перед арком, что может быть вполне возможным: арк, по-видимому, целиком насыпной; земля для насипа должна была браться откуда-нибудь поблизости, что легко можно поверить к образованию большой низины, озера (подпочвенные воды втекли ~~ближе~~).

В средневековое время на этом месте помещались правительственные здания².

При ~~прошедших~~ ^{прошедших} ~~эмирах~~ ^{эмирах} на Регистане тоже было довольно много общественных зданий (рис. 47). В настоящее время почти все они снесены³. Возле западной стены арка, направо от входа в него, стояла мечеть Пянда (см. рис. 6 и 7 справа), получившая свое название, по-видимому, от имени строителя, Пянда-бия. По словам Иброгима Адылова, это была очень старая, низкая постройка, под которой был на аршин ниже уровня площади. В западной стене ее по обе стороны главного портала было двое ворот. В эти и еще трое ворот, находившихся в южной стене, входили для молитвы горожане. В се-

1. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Литография. Новая Бухара, 1904, стр. 6, перевод Н. Лякошина, стр. 11.

2. Там же, стр. 31-32, перевод Н. Лякошина, стр. 36.

3. Описание построек на площади Регистан см. также у С. Айни (Воспоминания, стр. 294-295). Помимо перечисленных построек, М. С. Андреев упоминает еще рядом с тахтаулем "небольшой дом, где сидел митро, пишущий завывания" (прим. А. П.).

верной стене, возле тахтаула, был один вход, через который входил только эмир, иногда молившийся в этой мечети (рис. 47). Внутри мечети для него и его свиты было отделено особое место. Восточная стена этой мечети была глухая, около нее айван, где стояли пушки, обращенные дулами к арку. Из них практиковались в стрельбе бухарские артиллеристы.

К северу от входа в арк была "мехмонхона" (приемная) лашкарбонши (военачальника), за ней мастерская по ремонту оружия и оружейный склад. Далее к западу - медресе Дор аш-шифо, мимо которого проходила дорога, пересекавшая площадь и ведущая к воротам Хааратимом (в северной части городской стены). Напротив медресе Дор аш-шифо, на противоположной стороне этой дороги было большое медресе Абдулазиз-хана, иначе называвшееся Мадраса-гушфанд, или Бозори-гушфанд. По сравнению с другим, ныне сохранившимся медресе Абдулазиз-хана, что находится возле купола Заргарон, медресе Бозори-гушфанд было размером больше, но далеко уступало в красоте отделки. Главным порталом медресе Бозори-гушфанд было обращено на юг, а медресе Дор аш-шифо - на запад.

Западнее мечети Пянда и к югу от медресе Бозори-гушфанд находилось медресе Ходжа Никол. Далее на запад был расположен хауз и мечеть Болохауз, а также хонак Абдулазиз-хана, называвшееся иначе Хонакой-Болохауз; к югу от последнего было медресе Шодим-бия, а к северу - пятничная мечеть Усто Руки.

В начале XX века площадь Регистан была весьма оживленным местом: по утрам здесь происходили учения войсковых частей. Здесь же находилась большой базар, часть которого была расположена крутыми по берегу хауза. Непосредственно близ воды были парикмахерские, за ними круг лавок с аптекарскими и москательными товарами, третий круг составляли продавцы чая. К югу от них шла торговля невозможными сладостями, еще дальше - торговля фруктами и зеленью.

К западу от мечети Пянда был Бозори-мардикор или Бозори-одам - своеобразная биржа безработных, где постоянно толпились чело- ловек 300-500, желающих наняться в поденщики. Южнее этого места торговали ослиными седлами.

1. В 1936 г., в связи с предполагавшимся тогда сносом этого медресе горсоветом для очистки площади, экспедицией М. С. Андреева были сняты с его портала части изразцовых панно, хранящиеся теперь в Ташкенте в Музее искусств.

ДЕНЬ БУХАРСКОГО ЭМИРА

Пробуждение. Эмир спит в своей опочивальне. В соседних сенях ("дахияз") спят два дежурных махрама¹. Один сдростует, а второй, поддежурный, слегка подпрямывает. На их обязанности было отзывать на самый легкий призыв проснувшегося эмира и тотчас же раскутить, если это нужно, кого-нибудь из спящих тут же неподалеку других дежурных: очередного шарбадора (заведывающего питием, крачего), если эмиру захотелось пить, тахоратхонадора, наблюдающего за чистотой уборной и тотчас же бросающегося производить уборку и наполнить сосуд для омовения водой, если эмиру пришлось пройти туда. Как благочестивый мусульманин эмир должен после этого совершить "тахорат" (ритуальное омовение): в данном случае только вымыть руки троекратным обливанием водой. Но перед намазом требуется совершение известного полного тахората, установленного религией.

В одной из ближайшей к сениям комнат спят одетые, готовые встать в любой момент "чиротчи" — наблюдатели за святилищем — "чирот", горевшим когда-то всю ночь в спальне эмира и замененным потом стеариновой свечей (а в загородном дворце Ситорау махи хоса и

I. Махрамов дежурило четверо, сменявшихся в две очереди: первая пара сидела первую половину ночи, вторая — вторую.

Словом "махрам" обозначается, по существу, человек, которому открыт доступ в гарем: в переносном смысле это значит доверенное лицо (отсюда "махрами роз" — поверенный в тайнах). Махрамом этого порядка в народе считаются лица семи категорий: отец, брат как мужа, так и, конечно, родной, дяди (жены и мужа), часто муж сестры (при совместном проживании в старое время одной семьей) и пр. Любопытно, что к числу махрамов причисляется и "шир", т.е. "шах", духовный отец и руководитель, нареченные братья — доллархон, нареченный отец — "падархон" и пр. В бухарском обычном употреблении в отношении чинов двора, как в данном случае, это обозначает обо доверенного слугу у высокопоставленных лиц, своего рода альянта. Махрамы эмира назначались им часто и для занятия специальных должностей при нем же: "бухчабардор" (заведывавший гардеробом), "казиначи" (казначей), "фаррошчи" (нацараживавший за уборами — фаррошами) и пр. у эмира, кроме того, бывало еще 20-25 человек, стоявших на дежурство к нему по очереди по 2 человека, а в другое время тоже являвшихся во дворец для участия в свите. Помимо эмира имелись еще махрамы и у больших сановников: у хокмлов, козы (судей) и других, но не более 2-4 человека.

В нескольких десятках метров от входа в арк, примерно посередине расстояния от арка до хауза, производились публичные казни¹. Место это называлось Бозор-ресмон².

Казнь происходила следующим образом.

Когда осужденного выводили из "зиндана" на казнь, ему связывали обе руки спереди, так что они помехой не были у него на животе. Уже из одного этого осужденный и другие могли понять, что его вели на казнь, так как если бы он был осужден на изомнение палачами, то руки были бы связаны на спине. Двое из людей маришаба (политмейстера) шли, держа его за руки. Впереди шел палач. Пропесня подходила к кумбети, слышавшему на своем месте у ворот арка, и ему подавался приказ за печатом эмира. Прочитав валух приговор, проверял его ответственность, кумбети приказывал вести осужденного на казнь. Когда спускались с пандуса, то маришаб садился верхом на лошадь; в сопровождении десятка своих людей, окружавших осужденного, он ехал с пропесней и, не сходя с лошади, присутствовал при казни³.

Неподалеку от входа в арк, между мечетью Понца и медресе Дор-ах-шифо, в праздник Науруз устраивалась борьба пахлавов, причем боровшиеся старались повалить один другого на землю спиной; быть кулаками не разрешалось. За соблюдением правил борьбы следил два "амина", по одному с каждой стороны. Все борцы, приходящие из окрестностей Бухары, составляли две постоянные партии: жители Каракуля, Джондора и Шахрульслама считались одной стороной, Шахришкана, Гуждувана, Вахкента и Зангана — другой. Существовало предание, что эта борьба пахлавов велась издревле, со времен Густама.

I. Между тем, как в персидской литературе часто говорится о повешении, характерно, что бухарцы, по крайней мере за минувшие десятилетия, о таком способе казни совершенно не слышали.

2. Ресмон — веревка. В Бухаре употреблялась полуметровая поговорка: "Сметри, понадежь на базар ресмон".

3. Ввиду того, что С. Айни в своих "Воспоминаниях" (стр. 313 и 331) русского перевода, М.-Л., 1960) подробно описывает казнь в Бухаре, привожу мое М.С. Андреевым описание казни ми сочли целесообразным опустить. Приведем только описание об отсутствии в описании С. Айни факта: "Вытащив нож из горла казенного, палач, как и всякий среднеазиатский палач или часто и простой убийца, слегка слизывал кровь с ножа, делая это, чтобы отравить пагубное влияние укутого им человека, голос его крови" (прим. ред.).

в Кермине электричеством) и "бухчабардор" - заведывающий складом одежды. Как ни странно, но этому приближенному тоже иногда приходилось быть наготове и ночью. Не спит эмир с вечера или даже, иногда, он проснется ночью и ему приходит в голову мысль о том, что именно и кому дать из почетных наградных халатов. Это очень важный и интересный вопрос. И эмиру иногда приходило на ум выбрать и обсудить хорошенько ту или другую заготавливаемую им награду. Он давал знак махраму, и тот летел в комнату, где спал бухчабардор, и тотчас приводил такового. И эмир давал ему указания, что принести или что и когда сделать.

Но вот спящему эмиру наступало время вставать, чтобы не опоздать с первым намазом "бомдод", который должен был быть на рассвете. Совершение его - это "фарзи айн" - обязательное религиозное предписание, и беда, если бы эмир стал им пренебрегать. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Вот почему в головах эмира конца XIX и начала XX века стоял заведенный будильник, готовый зазвонить в намеренный момент. Но если будильник не разбудил крепко уснувшего эмира, то тогда прибегали к старому верному способу, который существовал еще задолго до появления будильника. В комнату входил один из близких слуг (махрамов) и начинал дышать, усиливая постепенно дыхание так, чтобы оно было ясно слышно. Если это не помогало, то он, будучи обучен массажу, начинал тихонько разглаживать ноги эмира, делая это затем все сильнее и сильнее, и переходя потом к настоящему массажу. "А что - разве уже время вставать?", - спрашивал просыпающийся эмир. - "Да буду я за вас жертвой - "га-саддук шавам" - уже время", - отвечал махрам.

Но вот эмир поднялся с постели. Тотчас же махрам набрасывал ему на плечи халат - легкий летом и теплый зимою - и эмир отправлялся в уборную - "мабраз". Вернувшись, он принимался в передней же на приспособленном месте за омовение. Теплая вода заботливо приготовлена в "обтоба" - грациозном медном сосуде с высоким и узким горлышком и длинным, красиво изогнутым носиком, и тахоратхонадор поливает ему на руки. При мытье лица, рук и ног, производимом в передней (сених), ему, как сказано, поливал тахоратхонадор. Во время проиходящего мытья и обливания эмир стоял на специально притопленных стружках, состругивавшихся из тополя тонкими и узкими полосками, называемыми "хасран". Делалось это для того, чтобы смываемая вода, уносящая грязь с тела, не разбрасывалась бы брызгами, отлетая от пола, и тем самым, не погасила бы тела об-

ратным прикосновением нечистого. Позади эмира стоял махрам, держа в руках готовое чистое полотенце. Вытерев лицо и руки (махрам в это время вытирает ему другим полотенцем ноги), эмир спешно одевался, торопясь на намаз.

Утренний намаз (молитва). В утренний намаз - "бомдод", как и в четвертый намаз - "шом", установленного момента пропускать нельзя (с остальными эмир не особенно церемонился и отодвигал их по времени, читая часто с опозданием).

Дежурный походный имам - "имом джилья" - уже готов, как обычно дожидается и готовый уже муэзин - "суфий джилья" (буквально "муэзин у ушл" - лошади эмира).

У эмира было три личных имама, из которых он выбирал кого-нибудь одного при отправлении в поездку или для пребывания в каком-нибудь саду. Остальные двое проживали в это время дома, исполняя свои другие обязанности. Интересно, как разрешался при этом вопрос вознаграждения. Многие мечети и медресе имели богатые вакуфные доходы, завещанные в свое время жертвователями, где было оговорено очень большое вознаграждение имаму. Но право назначения или смеще-

I. Очень интересны в существовавшей терминологии бухарского двора следы былой подчтенности, что эмир является "ситом" - военным, что он "вождь", готовый выступить в поход. Отсюда особый термин для сопровождающего его двора при выездах эмира и проживании его вне стен Бухары, что фактически, как мы увидим ниже, было почти постоянным явлением. Последние бухарские эмиры неупоминали проживание в Бухаре за неприятные стороны жизни в арке - страшный летний зной и отсутствие зелени - а также, по-видимому, за беспокойное соседство с духовенством; они стремились жить вне стен Бухары и приезжали в нее сравнительно не так часто: Абдуллах-хан проживал в Кермине, а Алим-хан большей частью в загородном дворце Ситорау махи хоса. Такое пребывание вне стен Бухары теоретически уже считалось походным, и весь сопровождавший эмира штат носил название "рикоб" - стрельца. Отсюда и название для "походного" имама - "имом джилья" - "имам при удлилах" (т.е. при удлилах - лошади, на которой едет эмир); таково же и название для суфий - "суфий джилья".

Заговорив о сохранении в терминологии бухарского двора военной роли эмира в государстве, можно упомянуть, может быть, о еще более ясном выражении таких тенденций в Афганистане. Эмир там иногда очень подчеркивал эту мысль. В 1906 году, например, хабибулла-хан при посещении Индии, вступил в пограничный индийский город Пешавар, где его приобщение очень чувствовалось англичанами и мусульманами. В наступившую пятницу он отправился на намаз в соборную мечеть города, олетый в военную форму, и в высоких сапогах. Но при самом входе он был остановлен имамом мечети, который не пропустил его войти в сапогах, подошвы которых попирали уличную пыль. С точки зрения мусульманской общности имам был прав. Но эмир не соглашался: "Я ипихи (военный)" - сказал он, - "и могу ходить в мечети в военной форме". - "Но ведь вы идете не на сражение" - возразил имам и настоял на своем. Эмиру пришлось смириться перед неукротимым авторитетом религии. Этот случай породил в свое время много толков во всей Индии.

ния имама в подобном случае зависело от эмира, который и выдавал соответствующий "приказ". По представлению, например, казия эмир утверждал всех имамов, назначаемых в 365 (теоретически) кварталных мечетей г. Бухары. Получая часто огромные суммы из вакфуных доходов, такой имам, конечно, готов был содействовать эмиру и без особого вознаграждения. Это тем более для него было удобно, что, имея много тысячных доход, он наиграл совершенно свободно для выполнения своих обязанностей какого-нибудь бедняка за очень малое вознаграждение, часто за несколько десятков тенег. Суфий жилив¹ обычно в другое время являлся "саломатоси" — он отвечал за эмира на приветствия — "салом", обращенные к эмиру как в дороге, так и во время аудиенции в саломхона.

"Азон" (призыв на молитву, предшествующий намазу), читался муэдзином-суфий неторопко, так как, во-первых, он не предназначался на этот раз для общей молитвы, а главное, самый намаз совершался часто в не вполне урочное время, что тоже не следовало подчеркивать громким провозглашением призыва. К тому же, на этом намазе никто не присутствовал кроме имама, сфи и самого эмира.

Любопытно, что как этот, так и всякий другой имам (даже в больших мечетях и на намазах больших праздников), никогда не решался в присутствии эмира выступить вперед и становиться на свое место имана, возглавляющего намаз, наоборот, всякий раз он останавливался, выжидательно глядя в сторону своего повелителя. И только после того, как ему кивнет эмир, указывая на движение вперед, он занимал свое место и начинал намаз. Делалось это потому, что эмир считался "имом уль-муслимин", т.е. имамом мусульман, и что он должен был возглавлять намаз. Это право его и подчеркивалось всякий раз любым имамом ханства тем, что он в присутствии эмира без его приказа не приступал к намазу.

Эмир отнюдь не намеривался долго молиться. И локкий, соорудивший имам, при отсутствии посторонних, с невероятной быстротой

1. Интересно, что слово "муэдзин" — "муазин", обозначающее специального провозгласителя азана ("азон"), во многих местах Средней Азии в народе не употребляется и известно только образованным людям. Вместо него употребляют слово "суфий". На обязанности суфий в основном несложной мечети в городе или селении лежало, помимо провозглашения призыва на намаз, еще и подметание мечети, забота о ее содержании в чистоте и т.д.

той совершал положенные молитвы и "рикааты" (поклоны). — "В две минуты заканчивал утренний намаз, а другие и того скорее", — рассказывали об этом бухарцы.

Салом — утренняя аудиенция. По окончании намаза бондод эмир не уходил из саломхона, а направлялся к "пешня" — переднему месту, к одному из крайних западных окон в саломхоне, выходивших на не большую площадь — "суфача", перед которым он и сидел, принимая приветствия своего двора¹. После салама приближенные эмира расходились по надлежавшим местам и, рассевшись в соответствии с чинами, приступали к утреннему завтраку.

Утренний завтрак — "нахори". Когда все расселилось, "ластархончи" — столы, являвшийся обыкновенно родственником верхнего купца (обычно сын или младший брат), рассылал скагерт перед эмиром, продолжавшем восседать на своем месте у окна, и с поклонами подносил и ставил перед ним на подносе хлеб (лепешки). Затем столы — ответственная должность, так как ему приходилось следить за поварами, чтобы не было припечено яда в эмирскую еду, приносили большую чашку ("коса") с чаем, сваренным со скоромным маслом и с сливками и посолонным ("ширчой"). Подавался также "халвои тар" — род киселя, приготовляемого из поджаренной муки, бараньего сала и сахарного сиропа, а кроме того, еще "ош" (плов), "кабоб" (жареное мясо), "калла-поча" (баранья голова и ножки), "нахут" (вареный горох с мясом), "ширбириндж" (молочная каша)². Все это подавалось одновременно и ставилось перед эмиром.

1. Описание аудиенции подробно дано выше, на стр. 33 (прим. ред.).

2. Вопросу с соответствием характера пищи особенностям организма человека всегда придавалось в Средней Азии большое значение. Каким совершенно точно знал (с помощью лекарей — "табобо", по совету со знаками тела), что именно преобладает в его "мизодж" (составе организма) и старался обеспечить соответствующей пищей нужное, чтобы пополнить недостающее и парализовать действие того, что имеется в избытке.

Тело человека представлялось в виде царства, где царит "рух" — дух. Его столпила — сердце. У него четыре визира, имеющих свои центры управления: 1) желчь ("сафро"), место пребывания — желчный мешок; 2) черная желчь ("сафдо") — помещается в селезенке; 3) кровь ("хун") — имевшая центром печень — "джигар"; 4) мокрота, находящаяся в легких — "шуш".

Поступающая в желудок пища обязательно разделяется на четыре упомянутых элемента, поступающих каждый в отдельности в свой центр. Здоровье и хорошее самочувствие есть результат правильного взаимосоотношения в теле названных четырех элементов. Перевес или недостатка (продолжение прим. 2 см. на след. стр.).

Взявши для начала кусочек хлеба (лепешки, выпеченной из теста, сделанного из муки-крупчатки, на скоромном масле, с молоком), эмир, помочив его в чае, клял себе в рот (всякую еду нужно начинать с хлеба)¹. Потом он пил чай прямо из чашки, затем переходил к халовой тар и ширбириндж, а потом съедал кусочек мяса из калла-поча. Утром обычно по плыва не потрагивался.

Во время еды эмира дастархончи выходил и стоял в сенях, так что при эмире никого не оставалось, но два дежурных махрама смотрели из сеней и как только эмир подавал знак, сейчас же входили. То обстоятельство, что из наблюдавших за столом при эмире никого не оставалось в то время, как он ел, вряд ли можно приписывать исключительно его достоинству, как эмира. То, что он ел один, не разделяя ни с кем пищи, было, несомненно, вызвано стремлением подчеркнуть свое достоинство: нет никого достаточно достойного, с кем бы он мог разделить пищу. Но то, что даже постоянно дежурившие при эмире махрамы выходили на время принятия им пищи из того помещения, где он ел, и смотрели в дверь только издали, из соседней комнаты, не подаст ли он знак, что нужны их услуги, это явление совершенно другого разряда. Здесь мы сталкиваемся с очень распространенным в Средней Азии (главным образом среди оседлого населения) представлением о том, что нехорошо подходить и смотреть на то, как человек ест. Взгляд — недоброжелательный, завистливый или голодный, жадный, брошенный на кусок пищи, отправляемой в рот человека,

(продолжение прим. 2 со стр. 93):

ток одного из них, и, в результате, неправильное сочетание их порождает, в зависимости от комбинации, те или другие болезни.

Но, помимо вопросов постоянного режима при употреблении пищи, учитывались и другие соображения. В число их входило, между прочим, и значение той или другой пищи для полового возбуждения. Как пример можно указать мясо воробьев, как полового возбудителя. Как любезно сообщил мне М. Ю. Иллалев, в этом отношении особенную заботливость проявляли непутевый Алим-хан, последний из эмиров, чьего приказывавший своему повару приготовить ему блюда из воробьев.

1. То обстоятельство, что эмир неукословно каждое утро начинал пищу с куска хлеба, предвзительно смочив его, вытекает из распространенного в Средней Азии обычая, ведущего свое происхождение, вероятно, из глубокой древности. "Нона атар об кати тар на кунни, хуни джигарат кати тар мешуд", т. е. "Если не смочишь хлеба в воде, то он намокнет в крови твоей печени", говорит народная таджикская поговорка, записанная в Нур-Ата А. К. Писарчик.

может очень повредить последнему, разрушив благодать пищи, отравив ее недобрыми чувствами, посылаемыми глазом смотрящего.

Именно поэтому существует традиция: если несколько человек объединяются где-нибудь, например, в дороге, для того, чтобы разделить пищу и победить (например, в караван-сарае), то, желая приступить к пище, они уединяются в какое-нибудь отдельное помещение и там едят, по возможности укрывшись от взоров посторонних. С этим, вероятно, тесно связаны обычай приглашать к трапезе входящих в дом во время еды. Возможно также, что обычай укрывания принимающих пищу от взоров не участвующих в еде окружающих, распространенный не только в Средней Азии, но и в Индии, особенно применялся в старину к особе монарха, обертывая его от дурного глаза (например, к африканскими королям).

С другой стороны, в еде эмира все же нет и полной изолированности. Есть даже прямой намек на то, что сама трапеза общая, что она разделяется им с окружающими. Пищу он принимает в то же время, что и они, и хотя ест он отдельно, но может видеть издали едящих (по крайней мере в загородных садах), как, отчасти, и они его. И даже больше того: сильные подаль различными группами приближенные и служащие не могут отдельно, самостоятельно кончать свою трапезу, так как она общая и ждут соответствующего сигнала. И только когда эмир послал, он кивком головы подает знак и из двух удайчи, издали следящих за всеми движениями эмира, один немедленно читает громким голосом молитву, прирученную к окончанию еды, после чего все проводят соприкасающимися ладонями рук по своему лицу и бороде, совершая известный мусульманский молитвенный жест, означавший окончание молитвы.

Упомянутая выше молитва "фотиха" читалась удайчами по очереди: утром читал удайчи правой стороны, старший, а после полудня (после намаза аср) — левой.

Поев, эмир наказывал, кому подать и какое именно из оставшихся блюд: "Отнеси в мирзохону мирзе дайтардору (подсчитывавшему и наблюдавшему за всеми доходами государства), а эти два блюда общим удайчи. Калла-поча передать дарбону; нахун (горюх) и оставшийся молочный чай — это махрамам и другим" — отдавалось приказание.

I. См. F r a z e r J. The Golden Bough. Taboo and the Perils of the Soul. London, 1922, стр. II7-II9.

В то время как завтракал эмир, всем остальным членам семьи, рассевшимся по комнатам и на дворе, подавалась то же пища, но уже менее изысканно приготовленная. Это — "оши олма" — обычная пища. На какого выдавалось по большой лепешке, называемой "нони тартен", кроме того, на каких двух человек ставилось "лягзи" — большое медное блюдо с конфетами, леденцами, фишашками и пр.

Следует отметить, что и эта пища была неодинакова. На подносах лягзи, подаваемые в комнаты амалдоям, наснаплены лучшего сорта конфеты, чем сылками во дворе. Фишашки тоже были не одинаковы.

"Нам доставались, — жаловался один старый мастер, — нераскрытые. Мы жаловались девонбег, но он обратил разговор в шутку и сказал: "у вас есть же ваши инструменты, которыми вы можете колоть, а те ходят без инструментов — вот почему так и делается". Плов, подаваемый всем, давался тоже по одному блюду на каждого двух человек, но в приготовлении тоже наблюдалась разница. — "у амалдояров он был из лучшего риса, чем у нас, — говорил старый мастер. — Варился плов в двух разных котлах; из одного накладывали для них, из другого — для нас. Но все же в одном мы сходились: и для нас, и для них повара приготовляли плов еще с полночи, причем его не доваривали. В холодном виде он положительно несъедобен, и все мы только делали вид, что его едим. Мы передавали эти блюда с пловом конхам, а те отдавали их, в свою очередь, приходящему кышачному населению. Последнее скармливало такой плов чаще всего скоту. Но среди нас были и такие, которые забирали такой плов с собой, разогревая его, доводя до постоевания, у себя дома. Брать с собой попарное можно было совершенно свободно, это разрешалось. И мы для удобства сами составляли со своими друзьями пары для еды, причем один раз пищу забирал один, а в следующий раз — другой. Амалдояры порешили, что же самое и связывали конфеты в платки, а плов уносили в блюдах, освободив последние по прибытии домой и передавая их человеку из подававших пищу, который специально сопровождал нас для этого и назывался поэтому "табакчин" — собиратель блюд."

По окончании еды табакчи громко приглашали приготовить к молитве — короткой, читавшейся после пищи. После молитвы все вставали и, почтительно пятясь назад перед продолжавшим смотреть из окна эмиром, выходили из его поля зрения, а затем удалялись к себе и шли на работу обычным порядком.

После завтрака эмир, смотря по настроению, иногда решал заниматься своими делами, особенно, если таких накопилось много, или

приказывал позвать кого-нибудь поиграть в шахматы, или ему пришло желание устроить раздачу накопившихся "сарзин" — мелких подношений, в которые входили всякие вкусные съедобные вещи (сладости, фрукты, конфеты и пр.). Часть их необходимо было раздать, чтобы они не испортились. Иногда у него являлась мысль позвать на соколиную охоту, в другое время приходила фантазия устроить "декапацию" — соревнование по искусству изготовления плова. Или он приказывал позвать двух указанных интересных ему людей из "джамоа" — на беседу о всяких новостях, толках и пр. Иногда он принимал бывшего посланца с торгуком (ларам), присланным от какого-нибудь хохима, и пр. Определенной программы занятий, конечно, у него не было.

Занятия делами. Ларбон приносил стопку бумаг, которую клал перед эмиром. Бумаги присылались мирзой каленом, главным секретарем, для ознакомления и приложения эмирской печати. Если среди них были важные по содержанию, то с ними приходил и сам мирзой калон.

Эмир бегло знакомился с содержанием бумаг и собственноручно прикладывал свою печать (подписи не полагалось), попутно приказывал, в случае необходимости, внести исправления. Чаще всего эмир утверждал всякие назначения — "ярлык", либо знакомился с донесениями, с секретными извещениями агентов — "вокманавис", поступающими прошениями и т.п.

Скрепление печатей ярлыков сопровождалось, если происходило назначение чиновного лица по гражданской или военной администрации, показанием соответствующей награжденной одежде, называемой "сарупо", состоящей из халата — "джама", чалмы из кисеи — "саллам дока" и "куло" — рода стеганой тюбетейки на вате. Если назначалось ярлыком низшее лицо, как, например, имам простой мечети (здесь требовалось также ярлык эмира) или акасал какого-нибудь гузара (квартила), то выдачей награжденной одежды это не сопровождалось.

Выдача награды обозначалась большой церемонией. Сам ярлык шел шел через канцелярию "мирохона", одновременно, делалось распоряжение уладчи о вызове награждаемого (если он в городе) и передаче ему награды, состоявшей из сарупо. Посланный извещал награждаемого и приводил его в "ларвзакона" — вход в арх. Здесь уладчи одевал его в жалую ему одежду, втирал в чалму в виде зггета ярлык и вел к эмиру (если последний был в саломхона), чтобы награжденный мог простить молитву о слагоденствии эмира. Если награждаемый принадлежал к духовно-учебному ведомству (мулла или муфти,

мударис и пр.), то тогда его призывал не улайчи, а представитель кози-калона при эмире, называемый "оламиён". Это сопровождалось довольно значительными расходами со стороны награждаемого: нужно было дать денег человеку, ездившему за ним, полталосло, кроме того, передать некоторую сумму улайчи для раздачи между его подчиненными и нижним составом канцелярии — "мирозбоши". Нужно было дать и дарбону. Деньги, выдаваемые, таким образом, назывались "олук".

Прием тортука¹. Иногда после завтрака назначался прием тортука, прислаемого каким-нибудь хокимом. Тортуки бывали двух родов. Или это "тортуки шукрона" — благотворительный тортук, обычно посылаемый вновь назначенным хокимом по прибытии на новое место службы в благодарность за свое назначение, или "тортуки туксан" — осенний тортук², посылавшийся хокимами по окончании сбора податей вместе с собранными деньгами. Такой тортук посылался в сопровождении ближайшего родственника хокима: сына, если таковой был в подлинном возрасте, младшего брата, племянника и т.п. Посылаемому не полталосло быть старым, не старше 35—40 лет, а чаще он бывал значительно моложе, иногда даже 16—18 лет, если это был, например, сын хокима.

Если это был "благотворительный тортук", то посылалась одна лошадь, один тук ("бутча") с одеждой — "сарупо" и затем коллекция сладостей: 9 коробок халвы, 9 головок сахару-райиладу, 9 штук больших, изысканно приготовленных лепешек и пр.

Вместе с тортуком и официально сопровождавшим его лицом, хоким посылал опытного, знающего доверенного человека, который и заботился о благополучной доставке всей посылки. Будучи снабжен в достаточном количестве деньгами, он покупал то, чего не хватало в том провинциальном и часто глухом месте, где проживал хоким. Характерно, что это считалось вполне естественным и в порядке вещей; приехавшие обращались с письменным заявлением к казначею — "хазиначи", перечисляя, чего им не хватало, и тот тогда же отдавал соответствующие распоряжения "девоубетчи рикоб" и "мирохурбоши". Иногда, например, или лошади не могли найти соответствующего седла

1. О тортуках см. также ниже, стр. 132.

2. Термином "туксан" — девянство называется известный девяностолетний период зимних холодов, наступающий приблизительно в середине ноября. Тортук посылался при его наступлении, после того уже как урожай собран.

с чепраком, с попоной, с уздой, отделанной золотом и камнями и с прочей сбруей. В таком случае это указывалось в заявлении, и недоставшее выдавал мирохур, а деньги за это уплачивались казначею. Если это был благотворительный тортук, то даже сама лошадь бралась часто из конюшни эмира с уплатой за нее деньгами. Этот общий перевод даров на деньги, выплачиваемые дарителем в казну повелевала Бухари, несколько не считалась предосудительным при последних эмирах. Этому в особенности способствовал эмир Абдуллахад-хан, очень любивший деньги и старавшийся при удобном случае перевести тортуки на выплату их стоимости в монете. Но следует говорить, что лошади, входившие в состав осеннего тортука, обязательно давались натурой — они были нужны для пополнения эмирских конюшен.

Решив принять очередной тортук, эмир принимал подносимую дароном челоубитну от хокима. В руках у дарбона, как обычно в таком случае, имелся небольшая нож, и он, поднося челоубитну в запеча-танном виде эмиру, ловким движением разрезал печатъ и подавал написанное. Эмир прочитывал список присылаемого и делал знак, чтобы ввели посланных. Он сам сидел в пешка, перед приемным окном. Прибывшие входили с обычными поклонами, в почтительно согбенном виде, имея впереди себя официально сопровождающее тортук лицо, и останавливались на указанной линии, между двумя улайчи (вернее, всего несколько не доходя до нее). Улайчи в таких случаях обычно громко докладывал по-узбекски эмиру (как и при поднесении саурина): "Раб вашето раба такогото (следует имя бека или другого подносителя), удостоившись чести быть сопровождаемым вашим величеством, хочет помолиться за ваше величество" ("Фалон кулигизин кули ба шарайи давлати хазратим мушарраф булур, хазратимни дуо киламан дейдур").

Предоставившийся садился при этом на пол в обычной вежливой позе с поджатыми под себя ногами, садясь на собственные пятки, и при внешнеприведенных словах улайчи принимал молитвенно сложенные руки и читал "фотиха" — короткую молитву о даровании алахом благополучия эмиру. Если гость прибыл издалека, привез приятное подношение, и эмир желал облагодетельствовать его, он клал свои правую руку на подножник и тогда же улайчи говорили представляющемуся: "Пойди и приложишь (совершишь поклонение) к руке его величества" ("Бор хазратининг куллариини зиёрат кил"). Представлявшийся в почтительно согнутом виде подбегал к окну, благоговейно целовал руку эмира и слегка

После этого эмир принимался за осмотр привезенного. Сначала люди удали в салонку присланные одежды. Осмотрев их, эмир приказывал отдать их бухчабанду, который и получал их в свое ведение, приобщая к огромным запасам, имеющимся в кладовых. Счастные припасы забрал по распоряжению эмира шарбагдор. Деньги, поднесенные присланными представителями хокима, получал казначей.

Закачивалось все это осмотром лошадей. У эмира имелись на конские четыре старших конишннх чина, называемые "аголик". У каждого из них находились в подчинении от 50 до 100 коников. Эти аголики сначала проводили привезенных лошадей под уздцы в их нарядном виде с надетыми попонами и украшениями. Потом, уведя их, сораснавали с них надетое и проводили их снова, чтобы показать их экстерьер; иногда по приказанию эмира, коники сажались верхом на указанных им лошадей и проезжали раза по два перед эмиром, чтобы показать алтуру лошадей. Этим и заканчивался прием тортука.

Привезшие тортук останавливались при дворе эмира в назначенном им помещении. Здесь они получали питание из кухни эмира и жили, пока не поступало разрешение на отъезд. Их снова тогда принимал эмир, будь то после завтрака или позднее, и одарял их одеждой; лично, официально сопровождал тортука, а иногда и двое-трое из старших чинов его свиты, имевшие уже заслуги, награждались производством в чины.

Вместо тортука иногда принимался привезенный таким же образом "саврин" - меньший по размерам дар, посылаемый обычно три раза в году: в Курбан, Рамазан и на Навруз (Новый год), а также по случаю возвращения эмира из дальнего пути. Саврин посылался эмиру личными, занимавшими выдающиеся должности, и тогда, когда они сами отменяли торжеством какое-либо радостное для них событие личного порядка. Посылали саврин не только хокимы, но и казии, аямаи, муршабы, муфтии, амлокторы, назначавшиеся эмиром и пр., а также знат-

(продолжение прим. 2 со стр. 100):

Как приходилось слышать, во время торжественных дурбаров вице-короля Индии, где раджи и махарджи подходили по очереди к вице-королю Индии и поднимали свой наполюину вынутый из ножен меч, до которого потративался рукою вице-короля в знак принятия предлаваемой им службы, каждый раджа должен был отойти от трона на вице-короля, пятаясь, подобно указанному выше бухарскому эмиру. В отсутствие вице-короля Индии лорда Керзона, старшегося подкрепить английскую силу и власть, европейски образованный геи-вар Бародский, после церемонии с поднесением меча, повернулся и отшел, показав вице-королю спину. Это, говорят, было сочено дерзостью, и магаратде пришлось перенести немало неприятностей.

тер о нее свои глаза. Целовать считалось приличным в пальцы, а не выше их¹. Если рука не была положена, то тот же удайчи немедленно говорил представлявшемуся - "кайт" (уходи обратно), и тот, пятаясь, удалялся обычным для представлявшихся эмиру манером, не смея при уходе повернуться к нему спиной².

1. Очень интересно сообщение А.А. Семенова, переданное В.В. Бартоломом ("История культурной жизни Туркестана", Л., 1927, стр. 241-242). А.А. Семенов видел в 1907 г. в Замулинне "прим эмиру некоторых беков, которые полком приближались к эмиру, сидевшему на высокой тахте; эмир клал беку на голову руку, которую тот целовал, прикладывая ее к своему лбу и водил ее по лицу". На вопрос А.А. Семенова о значении этого обычая, эмир ответил: "Мы подобны ишаку, а они подобны нашим мурдам". Во время работ экспедиции в Бухаре в 1941 г. несколько стариков-бухарцев, служивших при дворе Асдуллах-хана, опрошенные членами экспедиции по поводу вышеизложенного, самым категорическим образом отрицали возможность возложения эмиром руки на головы предствавляющихся, и говорили только о том, что было каловано выше, т.е., что эмир обычно в случае одобрения протягивал и клал руку на край попоночника. В данном случае ("сия на высокой тахте...") он мог, видимо, положить руку на край тахты, на которой сидел, а целуя руку (не выше пальцев) не тер взятой им рукой эмира свой лоб и глаза, а сам тер глазами по руке эмира.

Что касается объяснения, данного эмиром, то, по мнению бухарцев, это было позволено правдоподобно в том смысле, что эмир, как мы видели раньше, считался "маммом правозерных" - "маммом ул-муслимин" своего царства. Но чтобы он одновременно мог выдвигать претензии и на ишанство, это бухарцам было непонятно.

2. Любопытно, что с этим укрепленьем на востоке взглядам о неприличии поворачиваться спиной, отходя от особы монарха, приходилось считаться иногда и русским официальным лицам при посещениях бухарских эмиров. См., например, у Крестовского ("В гостях у эмира бухарского", СПб., 1887, стр. 138) при описании окончания аудиенции русского посольства у эмира Музаффера:

"Одновременно с ним (эмиром) поднялись и мы все разом и отдали ему поклон, после чего поочередно пошлши к нему для пожатия руки, а затем последовал вторичный поклон и отступление, вернее сказать, пачение затылком к дверям, где у самого порога снова поклон, третий и последний".

Крестовский описывает дальше, "с каким неподражаемым искусством и ловкостью все эти удайчи, шигаулы и прочие соскользнули, не оборачиваясь, с довольно высоких ступеней террас и как проворно, мелкими и быстрыми шагами, штылись они перед нами через весь двор, сохраняя свои почтительно согбенные позы со сложными на животе руками и время от времени сопровождав это отступление глумскими поклонами в сторону приемной залы, хотя ни на террасе, ни в дверях эмир вовсе не показывался".

Характерно, что англичанам в Индии тоже пришлось встретиться с этим явлением, и не только в смысле решения вопроса, почитаться или не почитаться этим требованиям восточного этикета, но, странное дело, и в обратном смысле, ибо они сами стали требовать соблюдения этого церемониала от индусов, как выражения почтения в отношении английских высокопоставленных лиц. (продолжение на следующей стр.)

ные и богатые купцы. Даже евреи и те, если празднование ими субботы совпадало со днем праздника мусульман (т.е. с Курбаном, Рамазаном или Наврузом), посылали в этот день эмиру саврин из традиционной золотой птицы (сделанной из золота), сопровождающая этот дар представляла различные сласти. Относившая саврин депутация награждалась калованными халатами.

Как скромны иногда бывали посылавшиеся дары, видно из содержания приводемой ниже своеобразной челобитной, приложенной к саврину, поднесенному эмиру (по-видимому, Абдулахад-хану) миршабом города Бухары, Усмон-хондой, как можно предположить, по случаю проезда эмира по улице мимо его дома¹:

Бенде-ноза

عرض بندگی کنیز بنده گان دعاگوی درخاوی عثاوت خواجہ میر شمس غلامشان بچناناب
عالی حضرت سید و مولایم بامید قبول و کرم اینکه تصدیق فرمائید: بیاک جناب حضرت و صاحب
هزاران هزار سربہ شوم صاحباً بندہ نواز اہزار عجز و تجالت چون مورد وار صدیہ غلامی
و دعاگوی یک لعلی نان و یک لعلی کاجہ و صفت عدد قلند و صفت کاغذ چاقی و صفت قفل نبات
و بیج لعلی نو کہ برکات نصرت انساب حضرت و مسید و مولایم حاضر آورد و عرض بندگی
و علاقی نمود اہی سائہ سوس حضرت بہ فارق العالی تا بان شدہ و ابدا الدھر در سیر سلطنت
و جہا بنانی بد و لت سلامت باشند التقدیر التقوی القصور التقوی القصور

Перевод:

0, ласкавший рабов!

Рабская челобитная от наименьшего из рабов, богомольца (за Вас), стремящегося доставить (Вам) довольство, раба Вашего Усмон-хонды, миршаба Вашему величеству, моему сайиду, моему господину в надежде на согласие и милость в том, чтобы я тысячу раз пожертвовал он собою за дорогу благословенную голову Вашего величества, моего господина.

¹ Из коллекции документов, собранных экспедицией САГУ в Бухару в 1940 г., хранящихся при Истфаке САГУ, документ № 18.

0, господин, о ласкавший рабов! с тысячу бесилий и смущений подобно муравеям¹ я подношу в знак рабства и моления (за Вас): 1 одно блюдо с хлебом, 1 блюдо с лепешками ("кулча"), семь голов сахару, семь пачек чаю, семь ящичков леденцов, пять блюд с фруктами — каковне представил в победоносный двор вашего величества, моего сайида и господина, о чем рабски и докладываю.

О, боже, да сияет тень от головы моего государя на темени населення миров (людей)² и да пребывает он вечно в здравии и счастье на троне султаната и управления миром³

(Заканчивается семикратным повторением слова "таксир" в смысле: "я грешен, виноват, простите").

Охота с соколами. При дворе эмира всегда имелись 10-12 соколов и других охотничьих птиц. Вообще соколиная охота была очень популярна. Каждый хоким, подражая эмиру, старался завести себе хотя бы одного сокола. Именитые джуйдарские хокимы тоже держали соколов для своего развлечения. У одного известного узбека, мира, жившего при Абдулахад-хане и имевшего очень звучное прозвище Хайдаркул Чучка (Хайдаркул Свняня) было их даже три³.

1. Намек на известную в мусульманском мире легенду о хромом мураве, который судачи поражен премудростью Соломона, знавшего языки зверей, птиц, насекомых и пр., решил отправиться к нему на поклон. Но идти с пустыми руками на Востоке неудобно. Что же мог предложить премудрому Соломону бедный хромой муравей? И вот он отправился в путь, неся то, что у него имелось — ляжку саранчи.

Намек на эту легенду часто присоединялся к запискам и надписям, сопровождавшим подношения и подарки.

2. Здесь содержится намек на легендарную птицу Гума — феникса, тень которого, падая при его полете на голову какого-нибудь человека, ведет к превращению его в царя.

3. Прозвище "Чучка" было дано этому горячему, но неумному потопку знатных предков самим Абдулахад-ханом за ослушивание и туповатость. Вот образец его тупости: однажды ему сообщили, что в арк провозят проволоку. Немедленно он вскочил на лошадь и поехал в арк. Там он увидел какого-то русского, проводившего телефон. Он тотчас же запертил ему это делать, сказав, что раз хозяина (т.е. эмира) дома нет (эмир был в отъезде), то и касаться дома не следует. Затем он бросился в арк к кучбегу и начал его укорять за плохое распоряжение, проводимое во время отсутствия эмира. Закончившись тот тоже решил подложить приезда "хозяина", не желая, очевидно, сорваться со сплосным дойти до крайностей "Свинней". Так телефон и не был тогда проведен, и его проводка состоялась лишь при последующем эмире Алим-хане.

О хайдаркуле см. также С. А. и Н. И. Воспоминания, стр. 325 и сл., глава "Уродливый человек" (прим. А.П.).

Охота с соколами практиковалась ранней весной в течение двух месяцев, так как позднее у птиц от линьки сильно выпали перья и они неохотно взлетали на воздух при пугании и могли лететь только на короткое расстояние. С другой стороны, это время совпало и с кладкой яиц, что тоже по распоряжению эмира принималось во внимание. Существовала еще осенняя охота, но она была как-то менее популярна.

Соколы находились под надзором особых сокольничих - "кушоб". На каждого двух соколов полагался один сокольничий, который и ухаживал за своими питомцами. Содержание большой соколиной охоты было по своему довольно дорогим делом, в особенности, если учесть стоимость того мяса, которое должно было скормливаться этим птицам.

Приехав на охоту, эмир принимал к себе на руку, одетую в особую толстую перчатку, своего любимого сокола, с которым он привык охотиться. Других соколов несли сокольничие. На охоту эмир брал с собой также несколько человек из свиты. Обычно это были мирохурбонши, казначей и бухчабардор. По указанию эмира к свите присоединялись еще выбранные им туксабо и каронубек. При поездке до места охоты и обратно (эмир обычно предпочитал это делать в коляске) эмира сопровождал конвой из 20 человек казаков шефского полка. Десять человек ехали впереди, десять - сзади.

Приехав на место, последний эмир (Али-хан) не садился верхом, а вылезши из экипажа, проходил небольшое расстояние пешком и охотился с берега озера, бросая своего сокола на взлетевшую птицу. Приглашенные из свиты тоже следовали пешком. Им тоже давалось на руку по соколу, которого они могли бросать на летящую дичь. Обычно это бывала охота на чирков или уток. Но осенью эмир иногда охотился с соколами и на фазанов.

Абдулахад-хан предпочитал охотиться верхом, хотя до места охоты часто доезжал в коляске, а потом пересаживался на ожидавшую его лошадь. Он так увлекся, что, сидя на испытанной лошади, привычной к воде, не останавливался и перед тем, чтобы броситься вместе с лошадью в воду, преследуя дичь.

Места эмирской охоты, находившиеся чаще всего неподалеку от загородных дворцов, были заповеданы, и помимо эмира там охотиться никто не мог. Заповедники охранялись поставленным для этого надзором.

За одну охоту, продолжавшуюся не больше 1,5-2 часов, а часто и меньше, удавалось убить около 20-50 штук дичи. Часть добычи

эмир уделял своим спутникам, принимавшим участие в охоте, но большая часть посылалась на кухню и вечером подавалась к столу.

Охота на фазанов, притянувшись в зарослях камыша и в высокой траве, устраивалась осенью и зимой. Пользуясь тем, что к этому времени камыш засыхает, предвзвешенно выжидали камыши и траву и потом, когда пожар прекращался, пускали собак искать фазанов по соседним полям с мелкой травой, куда они укрывались от пожара. Собаки поднимали птиц, а охотники спускали на них соколов.

С ружьями на птицу эмир не охотился, как не охотился и на крупную дичь (ослабели изнежившиеся потомки прежних охотников). Возможность охоты на озере Мохон, где водилась (и водится, по-видимому) и крупная дичь, их не прельщала. Там охотились только охотники из простого народа.

Конная игра с козлом - "кукпар" ("кубури"). Вилоть до последнего эмира Али-хана, не проявлявшего никаких спортивных склонностей, эмиры в старое время очень любили и ценили лошадей.

Абдулахад-хан и его подданные с воисторгом предавались созерцанию или участию в знаменитой конной игре "кукпар". Эта игра устраивалась весной и осенью. Особенно славились четверо чемпионов: Бриккул, человек огромного роста, родом из Каракуля, Мурод-Паллов (богатырь Мурад) из Пайкенда, затем Кали Шароф (Пешмешли Шароф) из Вакенгата и Ясуул Копдыкул-бек, узбек, родившийся в Бухаре. В особенности отличался Бриккул, проявлявший полное бесстрашие в моменты, когда козлом было вытаскивать козла в струглившейся толпе всадников, свесившихся с седла вниз головами над брошенным на землю зарезанным козлом. Невзирая на сыпавшиеся удары нагаек, на соседних ездоков, намеренно наносивших по голове удары стрелами, с рассеченной во многих местах и окровавленной головой, он, благодаря своей силе, обычно вытаскивал козла и скакал дальше с ним. Но тут его встречали поджидавшие "четыр", с предположением перенять козла-вибуль из них козла, чтобы довести его до ставки эмира. Бриккул, по соглашению, часто выполнял их просьбу и отдавал козла. Но уловившему приходилось вскачь увертываться от встречавшихся "кунтакам" - всадников, старавшихся силой выхватить у него козла, не только прижатого ногой к седлу, но даже привязанного к луке. Какой-нибудь молодой молодец, сидевший на более

1. "Чумбур" в русском чумбур (с тюркского) или повалел - короткая тонкая шерстяная веревка, лента даже длинный ремень, привязанный к колышу удили, с левой стороны лошади и заматывавшийся при езде другим коном на луку. Без натягивания при этом чумбур служит для привязывания коня (к колу, например) при остановке, а в случае нужды может быть употреблен как ремень или короткая веревка.

верткой и быстрой лошадь и превосходящий противника силой, сжавив козла, вытаскивал его из-под ноги увозившего, а пущенная во весь скок более быстрая лошадь натыкала чумбур и грозила свалить остальных коня и всадника. Последнему тогда ничего другого не оставалось, как быстро выхватить нож и освободить себя и коня от опасности, перерезав шерстяной чумбур.

Всадник, доставивший козла до отавки эмира, возвращающего откуданибуть сверху, пробылался всячь, ударяя натайкой направо и налево, через густую толпу, бросал козла на землю и оказывал эмиру "таазим" (почтительное приветствие), спрыгнув с коня и троекратно отгившая низкий поклон. Дежурный мирзо записывал его имя, и по окончании игры он получал почетный халат.

Шахмат. В шахматы любил играть, вероятно, чуть ли не все эмиры. Они считались царской игрой, игрой, достойной царей. В нее играли и Музаффар, и Абдулахад-хан и последний эмир - Алим. Про Абдулахад-хана рассказывают, что он играл довольно хорошо и, что более удивительно, не был особенно угручен, когда порой проигрывал джуйбарскому ходме Ахмаду, известному шахматисту, который был настолько не зава, что, что релался выигрывать у эмира. Другие же, по-видимому, иногда намеренно, подозрительно часто объявляли себя "мол", т.е. проигравшими.

Партнерами у Абдулахад-хана, помимо упомянутого Ахмад-хана, были мирохурбонки Мад-Юнус-бий, Азимбой-туксабо и Мулло Назри-урук. Играли они довольно часто.

Деканази - состязание в приготовлении шлова - "палав". Это довольно распространное развлечение при дворе среднеазиатских монархов занимало немалое место при последних эмирах. Оно подчеркивает роль шлова и то значение, которое он имеет в среднеазиатском быту, а также то, что хороший шлов может и должен изготовляться мужичной. Уменьше приготовить хороший шлов являлось предметом некоторой гордости и свойством хорошего тона.

В самом смысле этой забавы, по тому, как она устраивалась последними эмирами Бухара, была разница, выраженная как составом участников, так и характером состязания, придававшимся ему тем или

И. Состязание в искусстве приготовления шлова входило также в репертуар развлечений и при каульском дворе, служа забавой и афганским эмирам. Известно, например, что его любил иногда устраивать Хасоулла-хан (1901-1919 гг.).

людям из эмиров. В то время, как экономичный Абдулахад-хан притязал на состязание всего 8-10 человек, выбирая их из лиц с.ей сими, часто очень почтенных по возрасту и приятных по характеру людей, его прямой потомок и преемник устраивал деканази примерно с двойным количеством приглашенных ("исроф" - расточительность! - восклицали с некоторым сокрушением и осуждением вспоминаявшие об этом бухарцы, делая понятными лишней раз сравнительно скромные размеры бухарской экономики). Характерен был и состав приглашенных. Алим-хан отглавал соответствующее распоряжение командиром - "саркар-да" сводного полка, дозволив известному под неуважительной кличкой Ибройича - "Ибрагимчик", названному так за свой малый рост. И Ибройича отбирал из своего состава 15-20 человек в возрасте от 18 до 22 лет и поселял их на "состязание".

Как повсюду, деканази устраивалось с предоставлением одинаковых условий всем участникам для выявления своего таланта: одинаковое количество дров, съезных припасов, одинаковый очаг и пр. Каждый сам резал мясо, вытаскивал сало, промывал рис и т.д. Лишь одному эмиру, тоже принимавшему участие в этих состязаниях, делалось исключение. Ему разводил огонь и приготовлял продукты его личный слуга - "махрам". Шум, смех, шутки не прекращались. Каждый старался воспользоваться моментом, когда его сосед занят, чтобы "насолить" ему в буквальном смысле слова, подбросив большое количество соли или перцу и испортив таким образом блюдо. Эмир принимал в этом самое живое участие.

Когда палав поспевал, то все подносили, каждый на блюде, свой шлов эмиру на пробу. Он брал несколько зерен, делал вид, что пробоует и говорил какое-нибудь шуточное замечание. Алим-хан у тех из молодых людей, которые ему нравились, спрашивал их имена и в каком эскадроне или взводе они служат. Это учитывалось на будущее.

1. Характерна для нравов ошустившихся бухарских эмиров карьера этого начальника самого областного гвардейского караульного полка эмира. Он был учеником у плотника, когда эмир умел его за работой в одном из своих дворцов. Представившись приятель экономай мальчика, эмир взял его к себе. Последовали награды, повышение, и из первоначальной должности "суфи-окама", т.е. человек, поливающий воду при омовениях эмира, в какой он начал свою службу, он был постепенно сделан "шерватдором" (заведующим шитьем) мирохурум, а потом, прослужив или почтившись в "кавказат", т.е. в переодетых терских казаками сарбозах, был сделан начальником упомянутого своего полка.

Игра в декшази была до того популярна, что у ластархончи (стельника) всегда имелся в готовности запас развешенных състных припасов на случай, если эмиру неожиданно вздумается организовать развлечение.

Второй завтрак — "пешини" и намаз пешин. Второй завтрак "пешини" происходил около 11 ч. утра. Эмир принимал его в том месте, где ему заочелся. Иногда это бывало в саломконе, где тоже имелась спальня и где он часто ночевал. В загорюнных дворцах, если в них помещение гарема не занято женщинами, то эту роль выполнял и гарем. Сюда эмир приходил отдохнуть и даже приводил своих обычных собеседников джамоа. Здесь они беседовали, играли в шахматы и пр.

Завтрак пешини состоял из 2-4 блюд по желанию эмира. Чаще всего он начинался с палая, вообще подававшегося три раза в день. Одновременно с ним иногда подавался "каоби танури" — жареная баранина, разрезанная на куски, вываленные в муке и напеленные на стенки горячей хлебной печи — "танур".

Иногда эмиру приносили в голову мысль спросить: есть ли на кухне готовые калла-поча. Так как обыкновенно имелись и они, то их тоже подавали. Иногда на пешини подавали, по заказу эмира, "бомиджон-каоб" — мясо, жареное с баклажанами.

Завтрак пешини для святых бывал несколько позднее, около 11 ч. 30 мин., т.е. перед самым намазом пешин, исполняемым около 12 ч. 15 мин.

На эту еду в определенное место не собирались, а согласно порядку, установленному девонбети, каждое из административных делений ("кайхона", "мирзохона", "удайхона", "дарбон" (2 человека), "фаррохона", "амальдиро") отряжало по человеку, который и получал на всех остальных из кухни пишу, согласно ежедневной ведомости, составленной специальным "мирзои девонбети", где показывалось, сколько, чего и кому нужно отпустить в этот день из кухни.

Эту пишу каждый, следовательно, ел в своем профессиональном оборном утолке.

По окончании еди те, которые были свободны, при желании шли в мечеть совершать намаз, другие, у которых имелось какое-нибудь дело, отправлялись для его выполнения.

Второй намаз пешин, как и утренний намаз, а также все другие намазы, помимо пятничного и намаза двух больших праздников (Курбан и Рамазан), когда эмир отправлялся в мечеть, эмир совершал у себя дома, в присутствии своего имама, как это было сказано выше.

Время после пешина. После пешина эмир иногда выходил прогуляться, посмотреть, как производятся постройки, как работают мастера, занятые возведением указанных им сооружений. К нему тотчас же подбегал, почтительно согнувшись, "наджорбоши" — мастер-строитель, у которого эмир осведомлялся о ходе дела. Осмол, эмир делал указания, как нужно оформить ту или другую деталь, какие должны предпринять меры, изменения и пр.

Алим-хан часто в это время отправлялся в устроенный им зверинец (если он проживал в Ситорау махи хоса), развлекаясь осмотром находившихся там зверей. Там имелись газели, павлины (10-12 штук), по пруду плавали лебеди, утки, на берегу бегали фазаны. Были даже индюки и индюшки, которых не выдавшие раньше такой птине бухарцы цгозвали "мурги букаламун" — "птица-хамелеон", — так их поражаало изменение цвета головы индюка в моменты, когда он подходил в возбуждении. Из другой невиданной дичи там имелся даже один страус — "пугтурмурт" — "птица-верблюд". В особом отделеении находилось несколько баранов — "татаг", привязанных цепями, чтобы они не дрались друг с другом; осенью, когда они находились в периоде наибольшего возбуждения, их спускали и устранивали бой — одно из любимых развлечений бухарцев. Животные с такой яростью бросались друг на друга, что, пускаемые с некоторого расстояния, при столкновении ломали часто рога, а бывало разбивали и череп один другому. Это зрелище было большим развлечением как в Бухаре, так и в других местностях Средней Азии в старое время. Держались большие пари, разгорались страсти. У любителей существовал даже специальный способ выражения особенно "твердолобых" баранов: ягнят ежедневно прмучали бо-даваясь, оттапливая их в лоб "темой" (кельтообразным толпорком) от пинии. Считали, что баран, вырастающий при такой ежедневной тренировке, должен иметь необычайно крепкий лоб, способствующий будущему торжеству и выигрывать его хозяина.

Устраивались также пегушине бои. Для этой цели воспитывали особых огромных боевых пегузов из породы "хуланги" (хуравлиные). Были и средние, но тоже неплохие для боя пегуши, называвшиеся "дурата", т.е. "двузельные", происходившие от смешивания куланги с обаяковенной породой. У эмиров тоже имелись боевые пегуши, с которыми устраивались бои.

Помимо этого, как и повсюду на Среднем Востоке, в Бухаре устраивались бои перепелок. В первом посевания хлебов они буквально

наводили поля. Охота на них, а также перепелиные бои, как и перепелов в клетках из-за их характерного отрывистого крика-пения, были очень распространены, в особенности среди простого народа. И это касалось не только Средней Азии, но и по всей Индии и на север Индии. Вот, например, описание, данное Борнсом ("Путешествие в Бухару", пер. Голубкова, М., 1848, стр. 152-153):

"Мы присели в Пешавар в самую пору охоты на перепелов, когда всякий, кто только мог отложить на некоторое время свои дела, был занят или ловил их сетью и соколами, или боями этих отважных птиц. Каждый вторник собиралось общество охотников на дворе правителя, поощрявшего эту забаву. Он нередко в таких случаях призывал за нами... Ничто не может превзойти пристрастия афганов к забавам такого рода: почти всякий мальчик, которого вы встретите на улице, несет в руках перепела, и почти во всех частях города собираются толпы, чтобы посмотреть перепелиную драку".

Совершенно такое же впечатление производила на постороннего наблюдателя охотная картина в конце XIX столетия, вероятно, и в любом из городов Средней Азии. Такие же перепела - и в руках мальчишек, и у них и у взрослых за паузой, и в клетках, состоящих из круглого деревянного дна с легким деревянным или матерчатым ободком и сетчатым конусообразным верхом, сплетенным из ниток; клетки подвешены в караван-сараях, в чайханах, в частных домах; повсюду слышны крики токущих перепелов. И как дорого ценились боевые перепела, прославившиеся своими победами!

Вспоминается рассказ об одном бедном человеке в Бухаре, который, умирая, наказывал своей жене, чтобы она никоим образом не отдавала зря его двух лучших перепелов, которые стоили огромных денег: в них заключалось все его состояние.

Следует сказать об эмирах, что в то время, как у них имелись голубятни с породистыми голубями, перепелки, видимо, считались слишком простым и народным развлечением и таковых у них не было.

Для характеристики еще недавно очень распространенной в Маро-рассказ об одном любителе перепелов в Бухаре, жившем в самом начале текущего столетия¹. По профессии он был ткач шелковых материй,

1. Записано со слов М.С. Душова, любезно поделившегося со мной воспоминаниями о жизни описываемого бухарца, в доме которого ему приходилось бывать неоднократно в юношеские годы.

и очень искусный. Но вместе с тем он был отчаянный "кукур" - наркоман, любитель известного наркотика, извлекаемого из маковых головок. Это в нем сочеталось со стремлением к чему-то поэтическому, с отвращением от практической жизни. В данном случае это выразилось в его великой любви к перепелам, к их пению.

В его небольшом домике, в комнате верхнего этажа - "болохона", в полутемноте, на протянутой там поперечных жердях висело под покровом около полутора десятка клеток с перепелами. Приходя домой под вечер с работы, он первым делом залезал на болохону и оттуда перепеласкивал свои клетки вниз. Чистенький дворянин, небольшой, но очень заботливо выкрашенный цветничок, возвышенная площадка для приятного пребывания в вечерней и ночной прохладе после утомительной жары летнего дня. Он развивал клетки с перепелами повсюду - на всех ступенях своего дворика, где для этого были вбиты гвозди, на специальных местах и пр. Жена рассылала на площадке - суфа коврик, на нем одевало, и он сидел на этом приятном сиденье, приготовляя свой наркотик, имея перед собой цветник и вынимая, в опускавшихся сумерках и при наступившей живописной прохладе, сотне голосов птиц, охрипевших после жаркого дня, проведенного в болохоне под покровами. Это была его заботливо подготовленная опера, которой он внимал при загоравшихся ярких звездах бухарской летней ночи.

... После прогулки или какого-нибудь приятного развлечения эмир отправлялся соснуть на 1,5-2 часа к себе в опочивальню. Если он был в затворном саду и в гареме женщин не было, то эмир иногда располагался ко сну в нем в своей комнате; если же в гареме была "урда", т.е. жена, то тогда эмир там не спал. Вообще следует отметить, что эмир приходил в гарем только на некоторое время и никогда там не оставался на всю ночь. И это не относится к тому или иному эмиру. Это было правилом для всех эмиров, и его они не могли нарушать. Очевидно, здесь в основе лежал старый мутный обычай, вышедший из печального опыта смерти при таких обстоятельствах, вероятно, многих из властителей. Старое правило Лукмана Хакима - "не верь женщине, даже кокетливой" - вероятно, помнилось и учитывалось.

Как и ночью, во время сна эмира в своей опочивальне, в соседней комнате дежурил два махрама, может быть соответствующие русским спальникам (по чинам они были каровулбег или марохур).

Если эмир сам не проснулся, то в назначенное им для пробуждения время его принимались будить массажем, как и на рассвете; надо было быть готовым к наизу аср, наступающему за час до появления первой звезды.

После намаза адр. Эмир совершал этот намаз таким же образом, как и утренний, сделав после сна ритуальное "тахорат" (омовение) и провел намаз вместе со своим имамом.

После этого эмир садился в пенка, к окну в саломконе, на свое обычное место. Окно оставалось открытым с момента еще утренней церемонии. В это время двор начинал собираться на второе "нахорд"-обед.

Входящие молчаливо почтительно кланялись эмиру, если видели, что он смотрит на них, и проходили на свои обычные места. Питья подавалась одновременно и эмиру и придворным. Разница по-прежнему заключалась в количестве и качестве. Но подавалось все же меньше, чем утром. Обычно, помимо хлеба, давали плов и тот или другой сорт харкото, иногда даже харкуру рыбу "мак-кабос". Рыбу рыбки вылавливали в мутных водах Аму-Дарья, а присыпал ее в дар эмиру чарлху-ский хокли. Иногда подавались и сладкие блюда: "халвои тар" - хид-кал халва, приготовлявшаяся двух сортов, и "халвои куйи Карши" - каршинская халва с измельченными зернами миндаля, фисташек, приготовлявшаяся из знаменитого таракхабина (оболеская магия, рос-образная смолка, выступающая каплями на стеблях верблюжьей колючки, растущей в пустыне). Через смешивание этого таракхабина с сахаром с введением некоторых других пищевых элементов получались необыкновенно вкусные кондитерские изделия, доставлявшие славу Карши, в окрестностях которого процветало много этой колючки. В особенности славились "русти Карши" - комочки засохшей сакхаристой массы, смешанной с зернами фисташек. Такие кусочки укладывались в небольшие кушнички из обожженной глины с запечатанным пробкой из ганча отверстием. Они являлись предметом экспорта и далеко разошлись среди любителей славы Карши.

По окончании обеда эмир часто садился за дела, давая ответы на поступившие жалобы и заявления. Давались указания хокким, разбирался донос, утверждались представления и пр. Но все же это бы-

1. Можно выразить сожаление, что нашими кондитерами совершенно не используются в их изделиях таракхабин, из которого получались когда-то знаменитые сладости и который продолжает выделяться на той же верблюжьей колючке на огромном пространстве наших степей. В 1937 г. пишущий лично выдал в С. Кур-Ата (90 км от ст. Кермине), как один узбек привез на продажу на базар огромную корзину таракхабина и чуть не целый день сидел, ожидая покупателя; торговля пала из-за отсутствия организованной выделки. Подробно о таракхабине - манне см. В. I a u f e r. Sino-Iranica. Chicago. 1919, стр. 342-350

ли большей частью дела, оставшиеся неразобранными утром. В более важных или сложных вопросах для консультации призывался "мирзой дафтёрдор" (при двух последних эмирах Мирзо Рахматулло). При разборе эмиром дел иногда, помимо него, присутствовал один из вторых мирз - секретарей - "мирзой мушриф" или "мирзой мунни".

Пути поступления к эмиру различных "ариза", "арза" - прошений, челобитных, жалоб и пр. - были следующие: во-первых, это было "арзабари" - подача заявлений (прошений). Происходило это обыкновенно около 9 ч. утра, когда эмир посылал скорохода посмотреть, нет ли челобитчиков у ворот и забрать у них их ариза. Характерно, что такие челобитные или прошения от лиц, находившихся в опале, в просьбе арузабари не принимались. Такими опасными являлись смещенные с должностей хокимы, бии, туксабы, мирохуры и пр. чины. Они даже не могли сразу быть "истикоматчи", т.е. молчаливыми просителями, кандидатами на какур-нибуйе должность. Они становились таковыми после того, как эмир, смилостивившись, принимал их прошение и им давалось "муборакнома истикоматчи". Тогда они имели право войти на "нахори" - обед и завтраки, устраиваемые при дворе, но устраивались при этом даже ниже музыкантов, т.е. сидели ниже всех допускаемых. Если они пытались до этого поднести свои челобитные эмиру на "арзабари", то дарбон, которому они передавались скороходом, получив их (он просматривал ариза прежде, чем передать их эмиру), комкал и бросал их на землю. Для таких опасных оставалось лишь одно: попытаться обратить внимание эмира на себя при проезде его по улице, о чем будет сказано ниже.

Следует отметить, что при "арзабари" к эмиру мог обращаться всякий - и богатый, и бедный, и, по-видимому, по разным вопросам.

Другой путь обращения - это использование проезда эмира по улице, чтобы обратить на себя его внимание. Делалось это во время следования эмира по улице, когда он ездил на охоту или возвращался с таковой, или при его следовании по пятницам в мечеть, или при переезде из одного помещения в другое и т.д. Такой челобитчик молча развешивал свою челобитную и держал ее так, чтобы на нее упал взгляд эмира. Для того, чтобы обратить на себя его внимание, он несколько выдвигался из ряда толпы и вставал на колени ("дучука"), чему не препятствовала полиция (толи миршаба), наблюдавшая за по-

1. Избегно сообщено мне М.С. Коуповым.

рядком. Иногда он старался выбрать для этого пустынное место, где не было народа, так как при следовании свозь густую толпу эмир проезжал, не смотря на нее. В таком случае ближайший скороход — "шотир" внимательно смотрел на эмира и при малейшем его знаке — при легком указании кончиком нагайки, например, бросался к человеку, вырвал у него из рук его писание и, положив его себе за пазуху, возвращался на свое место в шестеи. По призыву скороход передавал собранные жалобы дарбону, а тот эмиру.

После намаза шом. Четвертый намаз — "шом" читался без опоздания. Вслед за этим зажигался искусственный свет и начинались различные развлечения, свойственные вечернему времяпровождению.

Смотря по настроению и желанию эмира, назначалось или пение хобизов (певцов), сопровождаемое игрой на тамбуре, домбре, афганском "чильторге" и пр. или (в загородных садах) "чауки" — танцы бабчей и музыка барабанов (литавр), сунай, бубен ("добра"), о чем будет упомянуто дальше.

Четверть раза в месяц после намаза шом устраивался "сайли дарун" или "сайли хоса", состоявший из продажи на закрытом базаре, на который приглашались придворные, различных вещей по обозначенным на них ценам. Это было нововведением Абдулахад-хана, вероятно, подражающего русским благотворительным базарам, но изменившего эту идею по-своему.

На сайли хоса допускался не всякий, а только люди, внесенные для этого в список, составленный по указанию эмира. Делался такой "сайль" в Кермине или в загородных дворцах, но никогда не устраивался в арке, вероятно потому, что эмиры никогда не жили в нем сколько-нибудь продолжительное время.

В разных комнатах были разложены различные материи, халаты, тибетеи, европейские тонкие олея, обувь и пр., причем на каждой вещи был наклеен ярлычок, обозначающий ее стоимость. Желавшие могли покупать и покупали в довольно большом количестве. Делали это потому, что, во-первых, вещи продавались довольно дешево — дешевле, чем на базаре, а во-вторых, покупателям доставляло удовольствие, что эти вещи были "из дворца эмира". Эмиру же это развлечение давало возможность разгрузиться от разных "подарков", которые ему слали ханские вилаетов и т.д.

Иногда, когда распродала шла особенно успешно и товаров не хватало, спешно посылался гонец к главному бухарскому торговцу

одежды Хусайн-Шиху, у которого ее всегда имелось в запасе большее количество и притом самых ходовых сортов. Когда для двора нужны были следы, писалась официальная записка от имени "левонсетги рикоб" (заведывающего походным хозяйством двора) к придворному поставщику Хусайн-Шиху, который тотчас же доставлял все, что требовалось.

Сам Хусайн-Ших, однако, не являлся фабрикантом или крупным портным. Он просто был агентом, посредником, своего рода маклером. У него была на базаре в Кермине лавка или склад, из которой он отпускал одежды не только эмиру, но и всем желающим. К нему, между прочим обращалась за покупками знать и административные лица, к нему адресовались, например, присылавшие свои торгующие халаты в случае недостатка в подарочных вещах, в особенности в халатах (по существу, являвшихся, вероятно, остатком бывшего товарообмена, замятого некогда деньги), к нему посылали своих людей кази, миршаб и пр. Он же служил связью для крупных покупателей, заказчиков с производителями — или непосредственно, или через мелких торговцев. Основываясь на своем положении придворного поставщика, он обращался всякий раз с официальным требованием к базарному аксакалу, заявляя о нужном ему количестве одежды для надобностей двора и требуя доставки таковой. Так как при этом не могло быть и речи о выгодных для торговцев ценах (ибо аксакал приобретал эту одежду либо по ее себестоимости, либо с самой незначительной наценкой), то, понятно, что торговцам не было расчета опешить с продажей на таких маловыгодных условиях. Аксакал, впрочем старался разложить эту одежду по повинности по возможности равномерно на все лавки (в одной Бухаре имелось 200 лавок, торгующих одеждой).

Любопытна также дальнейшая судьба этой нарядной одежды. Не все, олариваемые халатами и пр., желали их сохранить и носить. Многие, в особенности сарбозы, получавшие по комплекту два раза в год, продавали нарядное одение, если оказывалось, что они не нуждаются в нем или недовольны его размерами и считали его несоответствующим их вкусам. Эта продажа являлась самым естественным делом, и лавочники охотно покупали, давая пену немного ниже той, по которой они сами отпускали товар. Продавали часто свое платье и люди, у которых возникала нужда в деньгах. Если одежды сохранили свежесть и могли сойти за новые, они приобретались торговцами одежды. Пonoшенное платье поступало в лавки продавцов подержанного платья, имевших отдельные ряды.

Говоря о базарной стоимости новой одежды для самих торговцев, следует указать, что довольно ощутимую разницу представляли для них в смысле себестоимости способ получения одежды. Приблизительно около 25% торговцев были люди более или менее зажиточные, не нуждавшиеся в деньгах или кредите. Они избегали покупать готовое платье, продавшееся на базаре мелкими производителями (владельцами мастерских), а заказывали эти одежды сами. Имея на руках капитал, они покупали в Карши или в каком-либо другом выгодном для них центре необходимые ткани, приобретая их непосредственно от ремесленников-кустарей на самых выгодных для себя условиях. Из этих тканей они заказывали портным халаты и пр., уплачивая выгодную для себя цену как портным, так и бордирщикам - "зеудз", оплачивали или обшивавшим халаты любимой в Бухаре тесьмой-бордиром - "зе". При таком способе изготовления халаты обходились им гораздо дешевле, чем готовые, продававшиеся на базаре. Портные, шившие им, работали обычно каждый только на своего заказчика, превращавшегося, таким образом, за долгие годы деловых отношений, в их хозяина.

Возвращаясь к "сайли хоса", следует отметить, что имеется достаточно оснований думать, что этот базар был прямо одним из лучших способов выколачивания денег из служилого сословия, получавшего жалование, а также от баев, польщенных приглашением на такой сайль.

Характерно также то, что ни за купленные вещи, ни за съеденное в буфете не производилось уплаты наличными деньгами, а соответствующий мирзо (писарь) записывал стоимость за данным лицом. На утро эмир просматривал составленный список - "пойтир" и любезно сообщал, кто, что и на сколько купил, и передавал затем список для отправки на получение. Посланный ходил по домам и получал с каждого причитающееся.

Для увеселения посетителей на сайле играли музыканты, пели певцы. Одной из приманок была также продажа часов, главным образом фабрики Буре. Эмир продавал их по себестоимости, так по крайней мере, разглашалось: час, продававшийся на бухарском базаре по 25 рублей, на сайле стоил только 21 рубль. Можно предположить, что при покупке часов большими партиями фирма, очевидно, делала существенную скидку своим постоянным покупателям и, таким образом, даже данная цена не оказывалась для эмира невыгодной. Все это способствовало, однако, как сказано, собиру и залежавшихся вещей, посылаемых хохмами.

В связи с перечисленными способами, применявшимися эмиром для увеличения своих доходов, можно упомянуть, между прочим, еще об одной, весьма любопытной форме "наград", дававшихся им. Прносясь, например, 2-3 дня халат, эмир посылал эту одежду, усневшую выткать в себя запах сильных духов, употреблявшихся им, какому-нибудь высокому сановнику, например, кози-калоку, миршабу, райсу. Иногда такой жалованный "с шлеца" халат отсылался какому-нибудь хохму. К этому присоединялось еще несколько частей костюма, чтобы придать посылаемому вид "сарпу" - жалованного комплекта одежды, являвшегося к тому же "благословением" - "табарух", как в бухарском употреблении часто называется вещь, связанная с прикосновением к священному предмету - мазару и пр. Осчастливленный сановник должен был приготовить в ответ - дары - "саврин", посылавшиеся при "арзам шукрона" - благодарственной чепухой. Стоимость присылаемого саврона, как говорили бухарцы, превосходила приблизительно раз в десять полученные от эмира дары.

Для примера можно привести следующий случай с Абулахад-ханом. В России были выпущены кредитные билеты по 500 рублей, которые очень ценились в богатых кругах на Востоке из-за удобства иметь большие деньги при малом их размере. Однажды эмир в разговоре с одним своим приближенным, к которому он очень благоволил, сказал, что вот идет затенная им постройка нового большого здания, и он не знает, откуда взять на нее деньги: "Взять ли у кушбеги, или из своего походного казначейства?" Придворный, засмеявшись, сказал: "А почему не взять у кози-калона?" "А как же это удобно сделать?" - спросил эмир. "А прикажите заказать серебряный ящичек, чтобы в него как раз укладывалось бы 400 новых пятисотрублевых, пошлите заказ на ящик в Бухару к кози-калону (разговор шел в Кермине), и он наполнит ящик и пришлет его с пятисотками вашему величеству". - "Да, он уж такой дурачок, что и не сообразит", - сказал эмир. Придворный держался другого мнения. Тут же состоялось пари на сто рублей. Были точно измерены размеры пятисотрублевых и высоты слоя в 400 билетов. Эмир послал кози-калону заказ, чтобы он прислал ящик, сделанный из серебра по этим размерам, необходимый ему в связи с поездкой в Россию (он действительно собирался ехать). Вскоре гонец привез запечатый и запечатанный ящичек, в котором лежало 200,000 рублей. Как оказалось потом, казней некоторое время ломал себе голову, - чем он должен наполнить ящик? Вначале он хотел наполнить его золотом, но потом это показалось ему не соответствующим. Тогда ему

пришла в голову идея (подсказанная одним из его приближенных), при- мерить пятисотрублевый билет, который и указал направление мысли эмира. Это было воспринято в кругу эмира как доказательство лишней раз необремененной пронаплатности и догадливости кози-калона.

Эмир Абдулахад отличался скупомством и способностью, как мы отчасти видели, к изобретению новых доходных статей и источников. В Бухаре существует расказ, как однажды он послал за одним извест- ным купцом (которым он, между прочим, был недоволен) и предложил ему закупить и привезти в Бухару большую партию товаров, рекомен- дуя приобрести различные сорта высокого качества, обещая поку- пать их у него и суля при этом большие выгоды. Обращенный купец вложил в приобретение этого дорогого товара все свои деньги. Эмир тем временем призвал к себе другого купца и поучил его купить та- кие же по названию изделия, но только дешевые, русского произво- дства. Когда партии товаров обеих купцов прибыли в Бухару, эмир потребовал справку о ценах у первого купца и, получив ее, сделал вид, что в ужасе от объявленных расценок. Назначенный эмиром для расследования "комиссия" тоже пришла в ужас, и в доказательство то- го, что расценки действительно непомерно взвинчены, привела для сравнения цены второго купца за такие же по названию товары. Эмир постановил, что платить дороже, чем предлагал второй купец, было бы несправедливо, и для приобретения товаров первого купца назна- чил те же цены, которые заявил второй купец за свои дешевые сорта.

Расчет эмира увенчался полной удачей: обладатель заграничных товаров попал в безвыходное положение. На его дорогой товар совер- шенно не нашлось покупателей, так как для широкого круга потреби- лей цены были слишком высокие. Крупные же торговцы и аристократы, будучи в курсе создавшегося положения, остерегались покупать у этого купца, чтобы не вызвать недовольство эмира. Продав бесполез- но значительное время, злостолучный владелец заграничных товаров, чтобы спастись от окончательного разорения, вынужден был пожать заглазение эмиру о своем согласии на предложенные ему цены. На всей этой операции, снабдившей склад эмира первоклассными товарами по очень огромным ценам, купец потерпел большие убытки, от которых по- том не мог оправиться.

Одной из характерных черт Абдулахад-хана было еще более сильное его отвращение к проживанию в Бухаре, чем это выказывали его ближай- шие предшественники. То обстоятельство, что Абдулахад-хан прожил из своего, по подсчету бухарцев, почти 26-летнего (по В.В. Бартольд

и А.А. Семенову - 25-летнего) царствования больше в Кермине, чем в Бухаре (разница в двух подочках вытекает, вероятно, из солнеч- ного и лунного счета), не могло не обращать на себя внимание бу- харцев, в особенности, если учесть, что он приезжал в арк (кремль и центр г. Бухары) только зимой, да и то, сравнительно, на корот- кое время, дней на 8-10, проживая остальное время в окрестных са- дах: Сигорау махи хоса (рис. 47-49), Ширбулун, Кари, Гаукушон, в саду Хоса (Чорбоки Хоса), в саду при самаркандских воротах (Чор- боки Нарвозаи Самарканд), Схёни Джугуд (о. дача еврея Сиона), в саду Намозго (Чорбоки Намозго), Хавили Кофилон, в саду Дилькушо (Чорбоки Дилькушо), в саду Тавсанак (Павлиний) и др.

На восьмой год своего правления Абдулахад-хан переехал на житье в Кермине, где он еще в юнстве жил хокимом. Там ему боль- ше нравилось. Самым его любимым местопребыванием было Чармтари (большой старый сад на окраине Кермине), где он проживал в течение 4-5 лет, после чего переехал в Олчин - приблизительно в 6 км от Кермине. Здесь ему понравилась местность, воздух, возможная охо- ти в окрестных зарослях на берегу Зеравшана, сравнительная прохла- да двора. Кроме того, у него были загородные дворца-сады в Кени- мехе и Салли-Зултане, на короткое время он приезжал в Чорбоки Гуль (Бад-цветник) и в сад Мирзо. Но это были небольшие места, и он на- долго здесь не останавливался.

Приблизительно в 16-20 км от Олчина находится Зияуддин, быв- ший "амлоком". Это была очень населенная местность, дававшая боль- шие доходы, и Абдулахад-хан решил создать здесь "куртон", т.е. местопребывание бека (хожима или мира)². Приблизительно в 16 км Зияуддина, между сел. Таш-Кушук и Султанобод (большой амлок зи- яуддинского хокима) он построил за три года до своей смерти но- вый загородный дворец, назвав его Хайробод. Там он и умер.

Об основной причине нежелания Абдулахад-хана жить в Бухаре, казалось, не трудно было догадаться. Жизнь на высоте насипного холма, где расположен арк, конечно, не могла быть заманчивой. Эмиры

1. Описание этого дворца с фотографиями, относящимися к 1898 г., см. Z.A. Schuchb. v. S. o. l d e r u. "Allgem. Bauzeitung", Heft 3, Wien, 1899, стр. 29 и сл. (прим. A.A.).

2. Все эти слова в бухарском употреблении почти равнознач- ны: "бек" - на языке узбеков, "мир" - так говорят таджики, "хо- жим" - официальное название.

еще в юности, проживая вне арка, могли оценить чарующую прохладу и зелень среднеазиатских садов, и пребывание потом в арке их совершенно не прельщало¹. Они находились там в течение короткого времени для поддержания необходимого престижа. Немало осложнений могло вноситься и близкое соседство с тысячами мулл, внимательно приглядывавшихся к поведению эмира и представлявших собой как бы большое острое гнездо, от которого можно было ждать всяких неприятностей в случае, если бы эмиру захотелось идти против желаний мулл.

Замечательно и характерно для бухарских воззрений очень распространенное объяснение, которое придумали бухарцы для нежелания Абдулахад-хана задерживаться в стенах Бухары. Во время одного из многочисленных посещений эмиром России русский царь будто бы обратился к нему со следующей репликой: "Мы знаем, что ты относишься к нам очень хорошо, часто ездил к нам. Мы хотим, чтобы ты доказал нам свою дружбу и отдал бы нам Бухару". Эмир будто бы ответил на это: "Я бы с удовольствием это сделал, но дело в том, что Бухара не моя — она во власти мулл". Призадумавшись русский царь, а потом ответил: "Ну, раз это так, то ты тогда не ездил в Бухару". И эмиру Абдулахад пришлось воздерживаться от сколько-нибудь продолжительного пребывания в этом городе².

1. Стороннему человеку это может показаться непонятным, но для известного бухарцу, родившемуся и выросшему в Бухаре, последние представлялись обычно верхом совершенства во всех отношениях. Заполненные народом с утра до вечера базары и улицы, кипучая жизнь большого торгового города с разнообразными и развитыми ремеслами и вся структура этого огромного человеческого муравейника, втиснутого в разнообразные рамки и ячейки, размеренно функционировавшие, огромное количество мечетей, знаменитых мазаров и прочих памятников, многочисленные школы и медресе с тысячами мулл, съезжавшихся изучать мусульманские науки из самых отдаленных мест, — все это поддерживало представление о сосредоточении здесь всего изысканного и совершенного. А затхлая вода бухарских колодезь, нацелявшая пьющих ее "дештой" — длинным гвинейским червем, развивавшимся в теле человека, и многие другие болезни, вместе с пылью, вонью, невероятной душной и пр. — все это, за неимением сравнений, считалось естественным и неизбежным.

Ритуальные бухарцы в старое время по тому были убеждены, что Бухара превосходит все на свете утонченностью, ослепком и своей культурой (Бухара — сила ислама и веры — говорило широко известное в Средней Азии бродающее четверостишие), что я знаю случаи, когда в самом конце XIX в. один ташкентец, приехавший учиться в бухарское медресе не смог вынести бухарского чванства и самовосхваления и уехал из Бухары, отказавшись от учения в этом центре среднеазиатско-мусульманской науки.

2. Не трудно, мне кажется, видеть здесь творчество мулл, придумавших такое объяснение малопонятному для них явлению, и пользовавшегося для собственного возмещения.

Относительно Кермине дело объясняется гораздо проще. Абдулахад-хан до вошествия на престол, выполняя обязанности хохима, проживал в Кермине и привык к жизни в этом городе. Отсюда ясно, что когда он фактически получил право выбора для своего местожительства, то он предпочел Кермине с уже установившимся к особе эмира отношением со стороны местного населения.

Возвращаясь к вечерним развлечениям последних эмиров, можно отметить появление в конце девятых годов минувшего столетия цирка — простого небольшого русского странствующего цирка. В монотонную жизнь Кермине и окрестных двorcов он внес некоторое разнообразие и, видимо, очень понравился Абдулахад-хану и бухарцам. Появился цирк большей частью осенью, по приглашению агентов эмира. Ему отпустили место неподалеку от резиденции властителя Бухары. Цирковому персоналу предоставлялось помещение, назначалась пища от эмира, подававшаяся в изобилии, при отъезде всем выдавались подарки. Характерно, что на представления цирка простой народ не допускался и присутствовать на них могли только чины двора. Сам эмир тоже смотрел представления, но делал это так, чтобы в цирке было выделено место, куда он мог проходить скрытым от посторонних взоров и смотреть на все из своей "ложки", не будучи замеченным. Находящиеся поблизости места никем не занимались. Сидел он в своей "ложе" в полном одиночестве, даже его компаньоны не имели туда доступа. Только один бухабардор охранял с внешней стороны дверь, которая вела в комнату-ложу.

Время от времени (вероятно, когда цирк уже начинал надоедать) отдавалось распоряжение, чтобы он выезжал в один из городков — Баскент, Гиклуван и т.п. (посылать цирк в "священный" Бухару с ее мутлами эмир, очевидно, не решался), и там некоторое время давались представления для народа. Входная плата при этом не взималась¹. Музыка была или из состава цирка или играл военный оркестр эмира, игравший не по нотам, а на слух².

1. Описание представления цирка, устроенного для народа в пригородном селении Широбан (Широдун) см. С. А. и н. Воспоминания, стр. 831—833 (прим. А.П.).

2. Очень характерно, что при всем желании эмира иметь свой собственный духовой оркестр из бухарцев, ни эмир, ни лица из администрации, имевшие отношение к оркестру, не могли настоять на издании музыкальных нот, и все номера разучивались только на слух. Получалось что-то очень примитивное к тем европейским произведениям, которые играл оркестр, но эмир был очень горд его успехами и с восторгом сообщал чинам посольств, отправлявшихся турецкими генерал-губернаторами для ежегодных поздравлений, сколько номеров разучил его оркестр. В конце концов число их перешло уже за сотню.

Представления давались вечером и продолжались по десяти часов. Когда цирк давал представления в том месте, где жил эмир, то в то же время для народа снаружи (за пределами двора, где выступал цирк) устраивались "чаукбози" — танцы бачей, доступные для всех. Эмир на это представление не смотрел: было бы слишком низко для его достоинства взглянуть на танцы при посторонних, да и неинтересно — такие же танцы устраивались и внутри, во дворце, правда скрытно, для очень замкнутого круга.

Может быть следует упомянуть для определения отношения к "чауки" (блиски бачей), что она допущалась вблизи нахождения эмира только вне Бухары. Когда эмир проживал в бухарском арке, чауки никогда не устраивались. Даже, когда имели место сайли на бухарском Регистане, то и тогда чауки не было.

Чауки — это название пляски бачей, общей, доступной народу, но когда она устраивалась эмиром для себя, то тогда танец бачей носил другое название: он именовался "базми хоса", т.е. к слову "Сазм" — пир, уточнение — прибавлялось определение "хоса" — ханский, исключительный, чистый, которое прилагалось к предметам, действиям и пр., имевшим отношение к эмиру.

Устраивалось базми хоса так. Когда эмиру приходило такое желание, то он отдавал секретно распоряжение, назначая, кого именно привести из танцоров (обычно одного или двух), кого позвать из прекрасных певцов, выбирая из состава, имевшегося в корпорации "голиба" (заведывавшего специальной организацией, своего рода цехом певцов, музыкантов и танцоров). Им указывались также бубенщики (большое искусство, требующее исключительной ловкости и способностей), называемые "дойрадаст", указывались и музыканты, играющие на "дугоре", "рубоде" или "тамбуре", иногда даже на "гиджяке", смычковом инструменте, известном в бухаре, как "камонча" — лучок (этим словом обычно обозначают смычок). Устраивалось это обычно после намаза "хуфтан" (пятый, последний намаз), т.е. после девяти часов вечера.

Средних размеров комната (в 9 или 11 болоров), освещаемая лентой со стерионными свечами. Пол застлан коврами. В одном конце комнаты стоит "кат" — род софы, на которой лежит или сидит среди подушек эмир. В другом конце комнаты сгруппировались и сидят на

1. Например, название загородного дворца в 4 км от Бухары Ситорау махи хоса, т.е. "Звезда и месяц эмира".

полу певцы, музыканты, бубенщики. Перед бубенщиками — "манкаль" с горющими углями для нагревания над ним бубнов и доведения их до нужного тона. Около эмира, но на почтительном от него расстоянии, сидят его "джамов" — компаньоны, такие приятные и отличающиеся остроумием и хорошими манерами люди, как Мад-Юнус, Мулло Азад-дохло, Абдулкодир, Азмибой-бай, Мулло Назри-улок. И из них, его постоянных собеседников приглашались только некоторые, по особому его указанию. Один или двое ямшей — танцоров (тоже по указанию эмира) распускают свои "кокули" (род ооелеша), свешивая их по обе стороны шеи себе на грудь. В танцах ямшей или, точнее, в музыке для этих танцев, имеется две школы — мервская — "мавриги" и бухарская. В каждом совершенно отличная, по словам бухарцев, музыка, до того, что для каждой имеются свои особые дойрадаст (бубенщики). Те, которые играют "мервские" мелодии, не годятся для "бухарской" музыки и наоборот. Если танцоры готовят танцевать под мервскую музыку, они оговаривают себя матерчатými поясами. Если под бухарскую — халаты не подвязаны.

Но вот привычные руки быстро настроили свои инструменты. Тамбурист извлекает тон на своем инструменте, который сейчас же схватывают и по которому настраивают свои инструменты другие. Обычно начинают с одного инструментального исполнения, но иногда эмир приказывает прямо перейти к пению.

Когда переходят к танцам, то классическая музыка, замолкает. Теперь главную роль получают бубны — "дойра", и только в передаче мервской школы добавляется пение и аккомпанемент некоторых музыкантных инструментов. "Мотив — в руках музыканта", — говорит среднеазиатская пословица ("ушул ба дасти назмаи аст"). Как правило, танец начинают с мелодии и соответствующего к ней хореографического исполнения, именуемого по названию аккомпанемента в ладоши — "яккакарс"; затем переходит к мотиву "кашкарича" (по-кашкарски), само название которого показывает, что влияние Ферганы (онабавшей музыкантов проникавшими в нее из Кашгара мелодиями) и здесь не осталось без отклика. Дальше следует "уфари" — мотив, отличающийся оживленным темпом, мотивы "чорчилилик" (маком, исполняемый бубном), при которых танцор производит плясовые движения сидя. Потом исполняется "гирён казок" — медленный танец под соответствующий мотив и др. Между танцами с их часто оживленными темпами вставляются и вокальные номера.

В отношении музыки и классического пения можно отметить, что вкус большинства бухарцев в общем склонялся в сторону песен —

"ашуля", танцев бачей под аккомпанемент бубнов и т.п. В отношении пения и музыки особенно отличались бухарские ханжи-студенты из медресе: три дня в неделю учения - "тахсил" все ходили на пыточках, и каждый боялся кашлянуть, чтобы не помешать заниматься соседу, но как только наступал неучебный перерыв - так называемый "тахтил" (в народном произношении "тахтил"), картина сразу переменялась. Шло шалос пение - "савтхон", разносились звуки дудоров, тамбуров и других музыкальных инструментов, хотя бубен молчал: он был слишком низок, вульгарен, простонароден, чтобы его можно было допустить в медресе. Танцы открыто тоже не допускались, и только в наглухо замкнутой келии - "хуштра" изредка происходила пляска бачей.

В присутствии Абдулахад-хана, по словам бухарцев, пляска бачей устраивалась очень редко. На самом деле он был погонщиком этого развлечения, но устраивал его настолько келейно и скрытно, что кроме самых близких ему людей, знавших об этой слабости эмира, мало кто о ней догадывался. Что же касается Алим-хана, то этот опустившийся субъект не находил нужным скрывать свои извращенные наклонности, настолько, что его поведение стало притчей во языцех, и авторитет его пал очень низко. "Абдулахад-хана все боялись и уважали, а этого никто не боялся и мало кто уважал", - говорили бухарцы.

После намаза хуштра. Азон, т.е. призыв на последний намаз хуштра, бывал приблизительно через 1,5 часа после четвертого намаза шом. Но спешно исполнять этот намаз совсем не требовалось, в особенности, если у человека имелось какое-нибудь дело. Можно было поэтому исполнение хуштра и отложить, но только не позднее 12 часов ночи. Эмир часто запаздывал с совершением этого намаза.

Покончив с намазом, эмир часто отправлялся в свой гарем - "урда", выбирая ту из своих жен, которую он хотел видеть. Никакой очереди посещений не соблюдалось. Иногда это была не жена, а одна из "девушек".

Эмир, как каждый мусульманин, мог иметь четыре жены. Но в старое время, до Абдулахад-хана, существовало рабство, и всякий правоверный суннит мог вступать в разрешенную ему по шариату связь с рабыней. Так, например, Музаффар-хан, имевший законных четырех жен и еще около сорока рабынь-наложниц, хотя и пользовался среди своих подданных репутацией "бабника" - "занбоз", но оставался в их глазах

добродетельным мусульманином, так как он не преступал дозволенного законом. В особенности потому, что он не был замечен в пристрастии к мальчикам, как Абдулахад-хан и в еще большей степени Алим-хан.

Характерно, что не нарушавшие закона частные разводы с законными женами не вызывали никакого порицания и считались нормальными. Эти разводы в большинстве случаев вызывались желанием получить в жены понравившуюся эмиру девушку или, что тоже довольно существенно, тем, что от жены не было детей. Если были дети, то эмир разводился обыкновенно не решаясь. Разведенную жену эмир никогда не выдавал замуж за кого-нибудь другого. Она продолжала оставаться в арке, проживая на определенное ей содержание.

Отношение к девушкам было несколько иное. И здесь вопрос о детях имел самое существенное значение. Если от такой наложницы были дети, то выхода ей из арки не было. Здесь она и продолжала оставаться на всю жизнь. Считается, однако, что в отношении к девушкам велся список. Те, с которыми эмир имел близость, так называемые "доман-рас", по утверждению наших информаторов, также будто бы никогда не выдавались замуж. Что же касается других девушек - "доманпюрас" (до пола которых эмир не достигивался), то если их становилось много, эмир выдавал их иногда замуж. Это случалось большей частью, если эмир узнавал, что у кого-нибудь из приближенных умерла жена и он остался одинок. Иногда такой "оставшийся одиноким" сам через влияние приятелей старался в благоприятный момент довести до сведения эмира, что "у бедного такого-то умерла жена. Вот несчастный человек! И денег у него нет на расходы на свадьбу!" Эмир, случалось, в таких случаях отменял распоряжение кушбети, чтобы он обратился к нему (эмиру) с челобитной о том, чтобы выдать такую-то (указывая по имени) девушку из урды эмира за такого-то. Челобитная писалась, на нее получалось разрешение. Призывался "несчастный" вдовец (если это было в городе), придворный имам получал распоряжение совершить брачный обряд, каковой тогчас же совершался. И новобрачная отправлялась в свой новый дом.

Если же симпатичный эмиру вдовец - какой-нибудь хоким или другое лицо, которому эмир желал выказать благоволение, находился далеко, управляя, например, каким-нибудь округом, то невесту из девушек посылали ему. Так как она являлась все же персоне из гарема эмира, то ее проезд сопровождался принятием всяких мер предосторожности, изолирования ее от взоров посторонних. Сам въезд в закрытой кокандского типа арбе совершался ночью и все дальнейшее путеше-

ствие происходило только по ночам. В арбу для услуг сакались две женщины-служанки — "кайвони" и, конечно, тяжелые ковры или паласы, спускавшиеся спереди и сзади арбы, оберегали невесту от нескромных взглядов. Человек кучбег и двое-трое вооруженных людей, присланных женихом, все верхом на лошадях, сопровождали арбу.

Осчастливленный таким вниманием сеновик должен был отблагодарить эмира, послав или преподнести соответствующий торгук.

Для эмира специально собирали девушек во дворце. Подбирались они двумя путями. Хокимы, управлявшие 26 округами бухарского эмирата, должны были присылать эмиру ежегодные подати, причитающиеся с них. При этом в подносимые дары — торгук входила обычно одна красивая девушка. Последняя специально выбиралась среди населения округа. Отца ее уговаривали отдать свою дочь "на воспитание" к эмиру, на — граждали чном, деньгами и добивались его согласия. Следует отметить, что это делали все же не все округа, а только некоторые. Но все же ежегодно поступало таким образом к эмиру 8—10 девушек.

Привезенная девушка передавалась кучбегу, помещавшему ее до получения дальнейших распоряжений эмира в своей урде.

Подсыкивали девушек и в самой Бухаре. Агентом для этого при Абу-дудлахад-хане и Алим-хане являлась Гавхар, старуха, обходившая один за другим все гузары Бухары. Если ее приход не был неожиданным, то население старалось спрятать красивых девушек. Сомнительная честь попасть во дворец обычно не прельщала. Помимо обхода домов выгодным периодом для гнуснейшей работы Гавхар были дни веселого праздника цветов, продолжавшегося четыре недели и вероятно поэтому известное под именем "чор сайль" (четыре гулянья). Народ отправлялся для этого на мазар святого Баховаддина, в окрестностях которого были сады, где прогуливались не выдавшие ни травы, ни цветов на своих пыльных уликах и в неозелененных домах бухарцев. Это был всенародный праздник, на который приезжал и эмир, приказывавший в небольшом выложенном камнем пруду при мазаре приготовить "шарбат" — сладкий напиток для народа. Туда всыпались мешки сахара и пр., и люди, в особенности жители окрестных селений, тоже приходившие на сайль, могли утолить жажду. Собиравшиеся на сайль бухарцы там ночевали и затем возвращались обратно. По вторникам и средам туда ездили мужчины, а по четвергам и пятницам женщины. И Гавхар пользовалась этими скоплениями бухарских женщин и девушек, чтобы производить свой выбор.

Заметив жертву, она указывала на нее сопровождавшим ее двум людям, прикомандированным от кучбегу, и девушку тотчас схватывали, немотра на плач и вопли ее родственников, и увозили.

Привезенная в арк девушка помещалась в урде кучбегу, и последний дня через 2—3, когда девушку давалось несколько успокоить ухаживающим за ней всячески женщинам из гарема кучбегу, докладывал о ее появлении эмиру. По приказанию последнего ее приводили к нему и, если она имела несчастье ему понравиться, отсылали в Урду Канон, где, как говорились выше, такие "невесты" содержались при проживающей там матери эмира. Если девушка эмиру не понравилась, ее возвращали родителям, если же девушку оставляли, то тогда вступали в переговоры с ее отцом и старались его уговорить при помощи подарков, денег, награды, чтобы он согласился на оставление дочери.

В урде девушки "воспитывались". Их обучали правилам этикета, учили, как вести себя по отношению к эмиру, как приветствовать его и пр. Вечером у них бывали игры, песни, танцы, музыка. И так они жили затворницами, никогда больше не выходя из урды за ворота арка, пока однажды такую девушку не вызвали, одевали и поздно вечером вывозили в закрытой арбе к эмиру.

В гареме эмир проходил в свою спальню — "хобхона" для общения с выбранной им женщиной, но, почувствовав позыв к сну, он отправлялся в свою спальню. Спален в каждом дворце было по несколько. Так, в бухарском арке их имелось две — одна рядом с саломхоной, другая в мийнахави; в Ситора Махоса их было пять — две в старом саду и три в новом помещении; в Ширбудуне три — одна около саломхоны и две около мийнахави; в саду Олчин две — около саломхоны и в мийнахави и т.п.

Намеренная неопределенность места сна эмира и держание в секрете, где эмир будет спать в наступающую ночь, вызывалось страхом, что во время сна эмира может быть произведено покушение на его жизнь. Видимо, этот страх довольно сильно мучил сидевших на бухарском троне владыки. Это сквозило и в других мелочах. Чтобы воображаемые злодеи думали, что эмир не спит, призывался, например, иногда старик-сказочник. Под его равномерный рассказ эмир засыпал, а "враги" должны были воображать, что раз ошпынито сказка, значит эмир не спит... Навязная уловка, показывавшая условия и кругозор бухарских эмиров.

Каждая спальня эмира всегда поддерживалась в готовности принять его, в каждой все было поставлено, наложено. При входе стоял на часах с винтовочным гвардеец из "кавказских" частей, сидел бодрствуя дежурный махрам (поддежурный в это время подремывал рядом). Часовой сменялся каждые 40 минут. На ночь устанавливался пароль — "номи шаб" (букв. имя ночи), и этот пароль часовой требовал от всех проходящих.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ О БУХАРЕ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ЭМИРАХ

Нижеприводимые сведения были записаны мною во время экспедиций в Бухару в 1940 и 1941 гг. Моей темой во время этой экспедиции было описание бухарского арка — кремля бухарских эмиров. Собирая материалы по этой теме, приходилось одновременно сталкиваться с тысячами каналов и разветвлений сложной бухарской жизни. И не мог удержаться от соблазна и время от времени иногда отрывочно записывал то то, то другое. У меня не было возможности дополнить эти записи, как не было времени пополнить их некоторыми данными из литературы и восточных источников. Привожу поэтому нижеизлагаемое в таком виде, как оно было записано.

Система сношений эмира с хокимами. Почта.

Организация почты в бухарском ханстве при последних эмирах являлась, в числе прочего, довольно явным показателем того, как изменилась жизнь с приходом русских и, в особенности, после переноса русской кордонной линии на афганскую границу. Отпала необходимость в содержании пограничной охраны и необходимость быстрого осведомления центрального аппарата о событиях на границе и пр. Эти функции перешли в значительной степени к пограничным русским властям.

Во времени Абдулахад-хана положение с единственной почтовой организацией в ханстве, обслуживавшей государственной почтовой почтой для частных лиц не могло быть и речи), сводилось к следующему.

Все хокимы (начальники округов, своего рода губернаторы) были обязаны отправлять еженедельные донесения о состоянии к моменту отправки вверенного им округа. Эти донесения назывались "арзаи джумаги" — пятничные донесения. Давалось им это название потому, что обычно они все должны были послаться так, чтобы эмир получил их в пятницу, к моменту окончания утреннего намаза бомад. Поэтому,

если кто-либо из гонимых успевал приехать раньше, то он мог прилепиться на подворье своего хокима (о них см. ниже) и немного отдохнуть, с тем, однако, расчетом, чтобы перед призывом на утренний намаз уже стоять готовым со своим донесением перед воротами, ведущими к са-ломхоне эмира. Являлся "дарбон" — призрачный и отобранный у гонимых привезенные ими донесения, относил их к эмиру. У дарбона имелся при этом специальный нож, которым он, поднося донесение эмиру, ловко врезал печать и развешивал, не читая, свернутый в трубочку доклад, который и подносил эмиру. Эмир сам просматривал доклады и складывал их в кучку в одно место, передавая после загара своему мирзой дайтардору и сопровождающим указанными, если в этом была необходимость.

Около 9-10 часов утра в тот же день всем приехавшим курьерам выдавалась "муборакнома" — благословенная грамота, т.е. в данном случае извещение о получении донесения, и курьеры отправлялись в обратный путь. Так бывало, если дело шло об обычном донесении хокима. Отправлявшие его, как сказано, рассчитывали так, чтобы оно было получено в пятницу на рассвете. Поэтому из дальних мест от-правляли соответственно за несколько дней до пятницы. Бывали даже случаи что из наиболее отдаленных областей ханства (например, из Рушана) в старое время посылались гоним, который должен был ехать более семи дней. Поэтому, не дожидаясь, пока он доедет, отправляли другого.

1. Следует оговориться, что по существу это был не простой привратник, а высокое по своим разнообразным функциям лицо, которое некоторые бухарины определяли по его значению, как, может быть, второе по важности после кушбети лицо в государстве. В его руках находились весь аппарат для секретного надзора за центром жизни бухарского ханства — городом Бухарой, и каждый мог стать предметом его наблюдений и содержанием его донесений, ежедневно отправляемых эмиру. Он заведовал также заключенными, производил допросы важных преступников и, называясь тутишоши, или тутишоши дарвозай арки или, на самом деле, как и кушбети было (верхний кушбети), ни-когда не должен был отлучаться из арки и даже не мог присутствовать на молитве в какой бы то ни было мечети. Даже в дни двух больших праздников при совершении всеобщего намаза и он и кушбети могли совершать намаз только перед открытыми воротами арки, кладя головы при поклонах на порог ворот. Это были, по существу, два великих узника, которые без особого разрешения эмира никогда не могли покидать арк, оставляя его без надзора.

Это была норма. Но если случались какие-либо особые происшествия, то тогда хоким отправлял специального курьера. Эта экстренная посланка называлась "арзай миёнхайта" — доклад среди недели. Такие отправки были нередки.

Если у эмира, в свою очередь, была необходимость отправлять какое-нибудь спешное распоряжение тому или другому хокиму, то тогда он направлял не своего собственного курьера (на содержание таковых эмир тратиться не был расположен, и их не имелось), а посылал запасного дежурного курьера — "арзачи" данного хокима, проживавшего, подобно представителям прочих хокимов, на подворье своего хокима и находившегося при ставке эмира специально на случай такой надобности. Дежурные курьеры находились на харчах своих хокимов, а не эмира. В случае, если встал за этим возникла необходимость экстренно послать нового гонца тому же хокиму и дежурного свободного арзачи не оказывалось, то эмир приказывал брать с конюшни данного хокима, где стояли лошади эмира, коня "отбокар" и посылал его как курьера.

Если сообщение было экстренное, то в канцелярии эмира отмечалось время везды курьера, и улайчи (перемониймейстер), передавая гонцу отправляемую бумагу, говорил ему тихоно на ухо: "Его величество отметил время твоего отъезда, поэтому поезжай, сменя лошадей". Говорилось это намеренно тихо, по секрету, чтобы никто не знал, что идет экстренно важное сообщение.

Такой гонец летел сломя голову, пуская лошадь полным карьером. Ничто не могло задерживать его. Даже ночью, когда городские ворота были закрыты для проезда всех, перед ним они тотчас же расступались, как только смогли найти ключ. Для гонца это было делом и чести и славы, и стремлением избежать наказания за промедление. Лошадь, исторные представлялись таким курьерам, были отборные, испытанные. Любопытно, что экстренному гонцу не давалось никакого удостоверения в том, что он должен ехать чрезвычайно быстро. Когда лошадь устала и выбивалась из сил, он доезжал до одного из больших караван-сараяв, расположенных на дороге, и брал у хозяина самую свежую лошадь, оставляя свою. В больших караван-сараях у их хозяев стояло таких лошадей в запасе по 3-4, в маленьких по одной. Держать таких лошадей, по-видимому, было довольно выгодно. Курьер, взявший такую лошадь, скакал на ней или до следующего караван-сарая, или, если ему попался встречный гонец того же хокима, мезнялся с ним лошадами; встречный, доехав до караван-сарая, откуда

была взята лошадь, возвращал ее хозяину, а сам продолжал ехать на оставленной там лошади первого гонца, которая к тому времени обычно уже успевала отдохнуть. Характерно, что за такие замещения у хозяина караван-сарая платил потом хоким, на службе которого находился курьер. Обычай ездить, сменяя лошадей, назывался "асп пар-тобтан" — бросание (оставление) лошадей.

Несмотря на важность поддержания правильно организованного быстрого сообщения, по крайней мере, по главным трактам ханства, последние эмиры не принимали никаких мер к упорядочению своей почты. Единственным исключением являлась дорога между Кермине и городом Бухарой, так как Абдулахад-хану, проживавшему большей частью в любимом им Кермине, было важно иметь удобное и быстрое сообщение со столицей. В трех пунктах по этой дороге — в Малике, Хомрабате и Куимазаре — были устроены станции, где постоянно держалось по 4 верховых лошади при од-ом конже "саис" и заведывавшем станцией, назначавшимся из шогирдеша. Работать этим лошадям приходилось немало, так как Абдулахад-хан гонял курьеров в Бухару очень часто.

При отправке курьеров предпочитали этот способ, несмотря на параллельное существование уже с 1897 г. железной дороги между названными пунктами. Делалось это потому, что считалось, что доставка на лошадях письма доходит скорее: расстояние между Керми-не и Бухарой, приблизительно около 88 км (11 "сангов"), такой гонец, как говорили бухарцы, будто бы проезжал за 3 часа¹.

Очень характерно для всей системы, что и это сообщение между Кермине и столицей поддерживалось не на средства эмира, а исключительно падало на бюджет керминского бека.

Интересны воспоминания бухарцев, согласно которым при эмире Музафаре такое постоянное сообщение, при наличии ряда промежуточных станций, существовало между Бухарой и Ура-Тюбе и прочими пограничными владениями эмира, быстрое сообщение с которыми представляло

¹ Если допустить в этом сообщении некоторые бухарские "му-болита", т.е. вполне понятное преувеличение, то все же скорость бухарских гонцов не уступала, видимо, их древним предшественникам, персидским гонцам времен Ахеменидов, делавших по словам древних греков, на наше измерение, около 18 км в час. Как говорит один греческий историк, "ничто в мире не может спорить с ними в скорости, гонцы и журавли едва поспевают за ними. На какой почтовой станции сменяется лошадь и всадник: ни дождь, ни снег, ни мороз, ни жара, ни тьма не могут остановить их стремительного бега".

К формированию регулярного войска

Китайское дореформенное отношение к армии, вербовавшейся частью из преступников имело свою параллель и в Бухаре. Любопытно, что регулярные солдаты здесь не назывались словом "сипо", а были известны под именем "сарбоз". Словом же "сипо" среди бухарцев обозначается потомственное служилое сословие, занимавшее административные или высшие военные должности.

Сарбозы попадали в армию, как правило, по приговору эмира за разные не особенно тяжкие преступления, часто по отбегам предвзятого наказания палками. Но среди них попадались и добровольцы, которые не находя себе другого заработка, а немногие и по склонности к военной службе (говорили, что были и такие), тоже поступали в войско. Из последних, если они оказывались способными и выучивали нехитрую муштру, формировался низший командный состав, который мог продвигаться при случае и выше; осужденные же преступники оставались на всю жизнь сарбозами.

При поступлении новобранца на службу срока окончания ее не назначалось, и фактически сарбоз служил до самой смерти. Бывало случаи, что в рядах армии служили 80-летние старики. Алим-хан во вступлении на престол дал распоряжения об освобождении от военной службы людей старше 60-летнего возраста. Абдулахад-хан также принимал меры к очищению войска от неспособных элементов. Он тоже давал приказ об увольнении солдат старше 60 лет, а также явно неспособных к службе в силу болезни и физических недостатков. Однако, при исполнении этого приказа были допущены административные злоупотребления. Под видом "больных" за взятки отпускались провинившиеся родственники состоятельных людей, служившие в сарбозах. Другое время спустя, при тугчибаши Акрам-беке, об этом вспомнили, и были предприняты розыски таких людей. Был издан специальный приказ о том, чтобы извещали и доносили о всех неправильно освобожденных, что тоже повело к новым осложнениям и злоупотреблениям.

Вопрос о наборе сарбозов, видимо, являлся довольно сложным для правительств. Приходилось прибегать к усиленным мерам для поисков и осуждения на военную службу соответствующих виновных.

Неоднократно административным лицам наказывалось следить за поведением народа, и людей, выделявшихся своим дурным поведением,

иногда отбрав для переначи в свою собственную конюшню, а остальных возвращал представителям хокима на содержание и прокорм. Вот тогда-то и возникала нужда в постоянном жилье в столице или в окрестностях. Нужен был штат конюхов, запас фуража, его заготовка, поли для посева люцерны, ячменя и пр., соответствующие конюшни и т.д.

Если хоким имел уже давно такое жилище, то это устраивалось само собою, но для новых людей это было труднее: им приходилось или покупать себе соответствующее место, возводить постройки или нанимать таковые. Последнее приходилось делать более бедным хокимам. Расходи на все это, в том числе и на содержание лошадей, несам хоким, точнее — его округ. Больше того, эмиру случалось иной раз покупать на стороне понравившихся ему одну или несколько лошадей, которых он в то же время по каким-нибудь соображениям, не хотел содержать на своей собственной конюшне. И он посылал в таких случаях этих лошадей в конюшню того или другого хокима на прокормление.

Продолжительное проживание Абдулахад-хана в Кермине очень усложняло этот порядок. Конюшню вместо одного подворья в Бухаре пришлось заводить себе и другое — в Кермине. Жизнь поэтому раздвигалась. Но как только эмир отлучался в длительную поездку в Россию, большинство хокимов отсылало лошадей из своих конюшен из Кермине на подворья в Бухару, так как совместное содержание их обходилось дешевле.

По мере надобности эмир брал лошадей из запасных конюшен, содержащихся его хокимами, и число лошадей в них уменьшалось, но только затем, чтобы снова пополниться при новых торгках.

По существу это была, конечно, замаскированная дополнительная повинность, которую несли округа в лице представивших их хокимов. Возможно, что здесь имело место перерождение древнего оброка, в силу которого правитель некогда делил своих животных между подвластными ему селениями для прокорма их во время зимы (главным образом), а также на время летней пастбы; при этом он делал лиц, стоящих во главе управления этими селениями, ответственными за сохранность скота и правильность прокорма. Подобный обычай существовал, например, еще недавно в верховьях Панджа, и о нем там прекрасно помнят старики.

привлекать к ответственности и последующему осуждению на военную службу. Старик-мастера говорили мне, что им приходилось очень часто опасаться, чтобы их не обвинили в чем-нибудь и не забрали в сарбоз.

Помимо сарбозов почти таким же образом вербовались "мерганы" - охотники - так почему-то называлась стража тугчибоши, охранявшая вход в арк. Вербовалась она почти исключительно из молодых людей, оказавших непотчение и курно обомешихся со своими родителями. Делалось это по жалобе последних. Если сын вызвал недовольство родителей и приводил их в отчаяние своими пороками и своим отщепенством, то родители подавали письменное заявление кушбеги. Последний послал за обвиняемым, допрашивал его. Если обвинение подтверждалось, виновный передавался в мерганы, поступающая в ведение тугчибоши.

Кроме этого, существовал еще род ополчения, называвшегося "альназкар" (дучеры из народа). Вербовалось оно из молодых людей, узбеков, группировавшихся вокруг своих родоначальников - "мир". Такая группа, собиравшаяся вокруг мира из его родственников, сородичей, подчиненная ему, называлась "даста", а сам глава ее - "мир даста". Мир, принимая в свою дасту нового члена, доносил об этом эмиру, прося об утверждении его и о внесении в списки.

Такое ополчение из различных узбекских родов, группировавшееся вокруг своих родоначальников, называлось "сипо". Это и было в основе проявление старого строя до Хайдара, тогдашняя опора царствующей династии - продолжение той узбекской силы, которая захватила власть в Мавераннахре и создала государство Мангытов.

По существовавшему обычаю это были кавалеристы, сидевшие на собственных лошадях, вооруженные, по крайней мере в начале XIX в., собственным оружием (имелось сведения, что раньше иногда оружие давал эмир). Формы не имелось, и каждый одевался в соответствии с своим вкусу костюм. Хотя лошадей, как сказано, при поступлении была у каждого своя, но в случае, если во время службы эта лошадь умирала, хозяин отрезал у нее хвост и препровождал его при соответствующей челообитной командиру войском - "саркарда", прося о выдаче ему новой лошади.

Иногда жалостливые родители обращались к тугчибоши с просьбой отпустить потопить провинившегося сына к ним в дом. Это обыкновенно допускалось, причем отцу виновного объявлялось, что он является ответственным за своевременное возвращение сына.

Рассказ Гуламрзоды Хонки Камрова о пребывании в отряде гуломбачей

Родился я в 1864 г. в к. Ширгирон, приблизительно в двух километрах от Бухары. Мой отец был "арбобом" (старостой) в селении. Земли у него было мало - всего около 10 танавов. До 20 лет я жил при отце, помогая ему в земледелии; когда мне исполнилось 20 лет, я по своему желанию поступил в солдаты: захотелось получать жалование - отец мне денег не давал. Поступил я в отряд дворцовой стражи "гуломбаecho" - подчиненной тугчибоши (тогда тугчибоши были Мулло Махмуд). Отряд гуломбаecho первоначально был срганизован при дворе при Насрулла-хане, в числе 100 человек, а потом увеличился. По распоряжению Абдулахад-хана, сделанному после его восшествия на престол, к этому отряду, первоначально сформированному из рабов ("гулом"), было прибавлено еще 200 человек, набранных из добровольцев. Однако название отряда осталось старое.

Подобно другим сарбозам мы бывали в карауле по три дня, и следующая очередь наступала через 6 дней; эти дни каждый проживал у себя дома. Я уходил на эти дни ночевать к своему отцу, а днем работал носильщиком - "хаммоль" на базаре. В арк мы ходили одно временно по 100 человек, через три дня шла вторая сотня, а затем третья.

Помимо несения караульной службы, мы должны были еще три раза в неделю ходить на ученье.

Мы, гуломбаecho, принадлежали к избранной половине армии и были вооружены при Абдулахад-хане казнозарядными ружьями "думолапур". Вооружение другой половины состояло из шомпольных курковых пистолетных ружей, заряжавшихся с дула. Каждая половина, помимо караула, ходила на ученье три дня в неделю: мы - по субботам, воскресенье и понедельникам, другая половина - по вторникам, средам и четвергам; отсюда она была известна под именем "сешанбеги" - вторичные.

Те из нас, которые находились в карауле, в это время оставались в арке 1/4 общего состава караула на постах, а остальные тоже

И. Запись М.С. Андреева от 2/II 1940 г. (прим. ред.).

присоединились к учению. Последнее продолжалось 2¹/₂-3 часа. Вернувшись с учения, мы выделили тотчас же следующую четверть, которая сменяла постовых. Каждая очередь оставалась на посту 3 часа и состояла одновременно, приблизительно, из 25 человек. Они распределялись по 4 человека по 25 постам, расположенным в разных местах вдоль стен арка. При каждом таком посте была небольшая лачужка - "карулукана", в которой оставалось 3 человека, не занятых на карауле, которые там спали зимой (летом предпочитали на открытом воздухе). Точно так же караульную службу несли и прочие сарбозы, занимавшие свои посты не в арке, а вокруг него, а также при городских воротах и затворных дворах.

Кроме нас (100 человек), вооруженной охраны в арке не было. Имевшаяся в воротах стража - "мерган" не была вооружена и представляла собой обслуживавший ворота трактирский персонал.

Помимо стояния на часах, больше никаких учений по защите арка или по сбору, например, по тревоге, на одно место, среди нас не производилось.

Из бухарских типов прошлого

Скороходы - "масхаробоз"

Среди забавников старого времени, простых, незатейливых, выделялись отдельные лица, становившиеся специалистами в той или другой выбранной ими области, потешая народ.

Все старшие бухарцы прекрасно помнят своих забавников, и нужно видеть, как веселит их лица, когда приходится говорить об этом, и как искренне они хохочут, вспоминая старинные шутки, каламбуры и выступления своих масхарабозов. Среди этих скороходов, фтигиров можно назвать, например, Джура-масхарабоза, в своих выступлениях на открытых народных выступлениях в самом комическом виде изображавшего манеры и нравы казиев, райсов, миршабов и прочих чинов высшей бухарской администрации. Надевши на голову подходящую корзинку, обернутую тряпками, а сверху окутанную белой тканью - все это изображало невероятных размеров чалму-тирбан, - с огромным жи-

И. По моим наблюдениям, в Хорезме профессионалы, выступавшие на народных развлечениях, обычно следовали профессии своих родителей или родственников, поимевших их к себе в качестве подручных, а затем, после соответствующего стажа и при стечении благоприятных обстоятельств, они выступали уже самостоятельно. Как можно думать, это было и в Бухаре.

вотом из тряпья и подушки, с приклеенной белой бородой, срезанной у козла, с кеманчскими манерами, сидя на кляче с наброшенной для смешатна на попону камышевой циновкой, заменявшей расшитый золотом бархатный покров лошадей знатных людей, он представлял собой пресмешливую фигуру, вызывая общий хохот и веселье. Сзади него шел его помощник, выступавший как его "дуррабардор" - носитель дурры ("дурра" - известное классическое мусульманское оружие для наказания, состоящее из широкого кожаного ремня, сделанного из нескольких слоев кожи, строго регламентированного в своих размерах, в толщине и употреблении). Вместо дурры, однако, он держал в руке в данном случае баранью пачечу. "Подтони-ка моя лошадь, дружок, - говорил "казий", - она что-то не идет". Носитель дурры ударял раз по лошади, а следующий удар приходился по спине "казия". "Да что ты с ума сошел? Не узнаешь своего казие?" - орал тот. - "Ах, извините, это я нечаянно". Далее следовал целый ряд таких "нечаянностей" самого разнообразного свойства.

Характерно, что эти каршакатурные райсы, казии, миршабы и прочие официальные персонажи были "совсем не из Бухары". Один изображался скороходом как тжмуванский казий, другой был из Кермине, третий оказывался из Вахрента и прочих лежащих около Бухары городов. - "Назовись-ка бухарским, сразу схватили и всыпали бы за это" - объясняли бухарцы. Злые языки говорили, что некоторые из задетых провинциальных чинов, вынуждаемых на потеху столичной толпы, иногда якобы платили деньги масхарабозу (скороходу) за то, чтобы он оставил их в покое и избрал бы меньшую своих насмешек кого-либо другого.

И. За неимением времени я, к сожалению, смог только мимоходом записать вышеприведенное. Было бы желательно записать у еще оставшихся стариков, участников или очевидцев более подробно содержание этих представлений. В этом отношении интересны также переписи старого бухарского кукольного театра, записанные В.А. Шишкиным и Л.А. Гончаровой, до сих пор еще не опубликованные. В 1956 г. вышла в свет статья Н. Нурджанова "О бухарском кукольном театре", к которой приложено несколько текстов пьес. Изв. Отд. общественных наук АН Тадж.ССР, № 10-11, Сталинабад, 1956, стр. 191-219. (прим. А.П.).

Как известно всякому, кто соприкасался со среднеазиатской сказкой, плешивый "каль" занимает в ней совершенно особое, выделяющееся место. Он хитер, пронырлив, умеет ловко надуть простака, собиравшегося его наказать за его плути, и устраивает свои дела так, что они обычно кончатся к его выигру большому. Слово "каль" (плешивый, лысый) занимало недавно еще определенное место в языке. Интересно поэтому выяснить, как понимает это слово бухарцы, кто такие были эти "каль", выделявшиеся в особое сословие, и какова была их судьба.

По рассказам бухарцев, калей в старину было в Бухаре очень много. Это были люди, болевшие наследственной болезнью, состоявшей в том, что с двух-трех лет от роду у ребенка на голове появлялись прыщи, при расчесывании образовывавшие гноеточичные язвы. Выделявшийся гной передавался на соседнюю область кожи на голове, там тоже появлялись такие же прыщи, и процесс этот не прекращался, пока прыщи не покрывали всю поверхность головы. Когда голова сама собой выздоравливала и больше этой болезни никогда не болела. На рост волос этот процесс действовал губительно. Лысый совершенно их уничтожал, и в том месте, где он бывал, они больше не росли. Но так как язвы все время путешествовали по голове больных, то все волосы в конце концов исчезали, и человек оставался совершенно плешивым на всю жизнь. Эта болезнь поражала одинаково и мужчин и женщин. Такие люди в силу, вероятно, своей болезни и из-за отношения к ним окружающих вырабатывали особую жизнь, обрачевались только между собой и избирали себе занятие нищенство. Просили милостыню и мужчины и женщины (последние это делали, как подбало мусульманским женщинам из оседлого населения, под черным волосатым покрывалом - "чашмбанд" в народном произношении "чашпан"). Интересно, что от своих мужчин-калей женщины-каль не закрывались и оставались при них с открытыми лицами. В Бухаре калы жили в определенных местах; холостные ночевали главным образом на Регистане под деревьями нарами, помостом из досок в ряду "агаторов" - продавцов приностей, некоторых медикamentов, косметики и пр. Авторы хранили узлы со своим товаром в другом месте - в недалеком расположенном старом сарае, в хулирах одной захудалой медресе, и утром их карульщик приносил каждому его товар и клал на его место. Калы жили

также и в Чорсу, ночуя там под лавками "мохипазов" - торговцев жареной рыбой или самбусапозов, выпекавших на продажу пирожки, и пр. Женатые устранились, обзаводясь лачужками на задах мечети Калач, и вообще селились там, где к этому представлялась какая-нибудь возможность.

У них имелось также свое собственное управление. И регистанские калы и калы на Чорсу избирали себе каждые отдельного аксакала, тоже из калей, который разбирал их дела, заботился о них, снабжал тех из них, которые нуждались в одежде, каким-нибудь старьем, купленным за недорогую цену на базаре старого платья у мурдашув-оошмывателей покойников, которым в вознаграждение шло белье и платье умерших. Общественные деньги, которыми распоряжались аксакал, добывались различными способами. Между прочим, узнав (обычно от музикантов), что где-нибудь должна быть сыграна богатая свадьба, калы целой толпой, предводительствуемые своим аксакалом, отправлялись на свадьбу, тоже поднося на блиндах свои "дары" - "поднос с приятной нагрузкой" - подобно другим гостям. Они насыпали на свои подносы клочки, фиستانки и пр., несли хлебные лепешки. От хлеба откалывались лепешки - он священен. И в доме, где происходил пир, его принимали, но блинда с прочим подношением обычно возвращали, добавляя к их содержанию еще из своих запасов. Аксакалу калей давали халат, всех остальных одевали хлебными лепешками, усаживали за шлов, утваря таковым, а часто давали и деньги. Стоимость подаренного аксакалу калей халата, затем продаваемого на базаре, подаренные деньги и прочие подобные поступления шли в общественную казну калей, хранящуюся у аксакалов. Калы, приходя на свадьбу, посылали сказать о себе распорядителям пира, что "пришли 'бойбача', т.е. 'сыновья богачей'" (что это "кальбачи", т.е. "сыновья калей", они не говорили, как не называли их так в глаза и другие, чтобы не обидеть - очень уж остер был язычок у них). Но калы приходилось иногда переносить и унижения. "Пойкор", например, наблюдавший за порядком на свадьбе, объявлял пришедшим калам, что, кобольшому огорчению, им придется не-

И. В каждом квартале имелся, как известно, свой квартальный имам, отбывавший местные треоны и руководивший молитвами правоверных, имелся аксакал, наблюдавший за порядком в общине, представлявший коллективом квартала и называемый древним словом "куп" (сравните славянское "скупишна", "вкупне", перешедшее в среднеазиатские туркские языки, в форме "куо", "коп", - много, очень) - община. Интересно, что в последнем смысле это слово учело еще и в суарском говоре: "куп мехокал" - "общество желает"... и пр. Устраиваемое пиршество, угощение на свадьбе и пр. рассматривалось (как в йгнобе, например) не как личное дело или удовольствие устраивателей, но как

много посидеть на улице, так как весь дом переполнен и больше нельзя поместить. Приходилось ждать некоторое время на улице.

Как сказано выше, калы не любили работать и предпочитали просить милостыню. В этом отношении они были большие специалисты. Без всякого стеснения они подходили и требовали от различных торговцев милостыню деньгами, пищей и пр.: "Раз бойбачи с Регистана просят у тебя, как ты можешь не подать им?" И торговец, заметив зажиточного покупателя и скандала, спешил подать. Каль, купившего себе новый селянина, приехавшего в город, или человека, купившего себе новый халат, обязательно ходил за ним по пятам, приставая до тех пор, пока жертва не терпела терпения и не подавала ему милостыню.

Но ко всему этому калы отличались еще тем, что очень любили сказки и славились как мастера их рассказывать. Во время ночей веселого месяца Рамазана наиболее искусные из них выступали во время ночного базара в качестве сказочников. Такой сказочник начинал громким голосом свою сказку или рассказ, и праздная толпа охотно останавливалась кругом, слушала и подавала мелкие монеты.

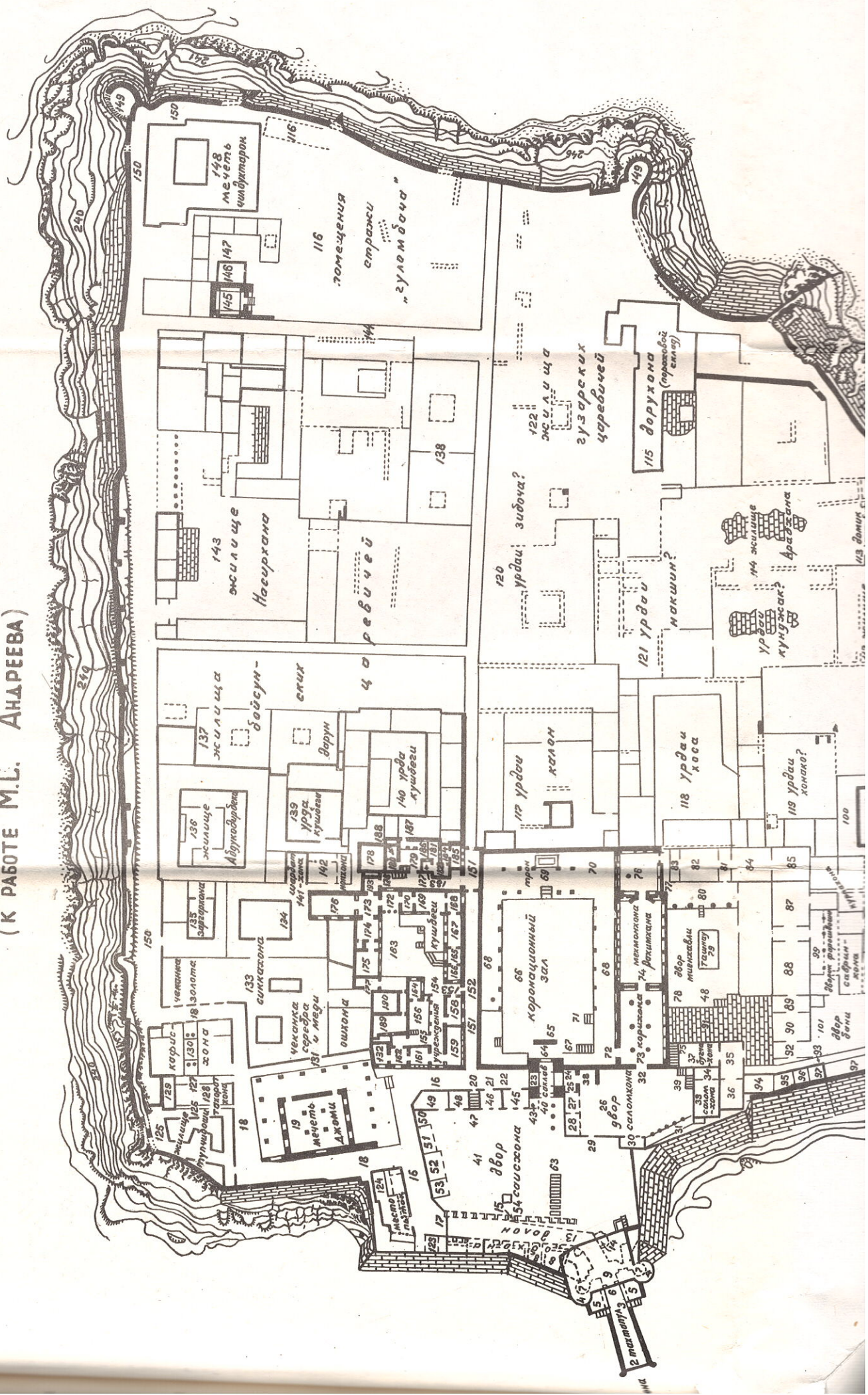
Калы рассказывали сказки и друг другу, может быть сами в прошлом многие веков прибавляли, присоединяли свои варианты, создавали новые сказки. Во всяком случае, их связь со сказкой несомненна. И не отсюда ли и вытекает образ ловкого калы-плешивого, выведенного в целом ряде среднеазиатских сказок, надувашего всех и добивающегося счастья и богатства.

В настоящее время, по словам бухарцев, калей в Бухаре больше нет. Причиной этому были следующие два обстоятельства. Во-первых, благодаря появлению русских докторов прекратилась их болезнь и, вместе с тем, весь процесс образования калей: "Не только благодаря даваемой докторами мази стали проходить язвы на голове, но на месте вылеченных болячек стали расти прекрасные густые волосы" — рассказывали бухарцы. А, во-вторых, прежние старые калы, после свержения власти эмира в 1920 году нашли, что оставаться им в Бухаре не выгодно, и разошлись по разным другим городам и селам.

(продолжение прим. 1 со стр. 141):
акт, который они обязаны сделать для общества, общины ("куп"), каждый из членов которой, по мере возможности, делает это и должен делать в отношении других. Поэтому при свадьбе мы наблюдаем появление аксакала квартала ("гузар"), который садится у котла с пловом и все время следит за распределением плова по блидам и, в особенности за наделением мясом. Он же заказывает, сколько и когда нужно сварить пищи, подсчитывает возможное количество гостей и т.д. "Помкор" — гононец, агент для поручений, состоящий при аксакале квартала, является поэтому также необходимым лицом и участником свадьбы.

СВОДНЫЙ СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН БУХАРСКОГО АРКА

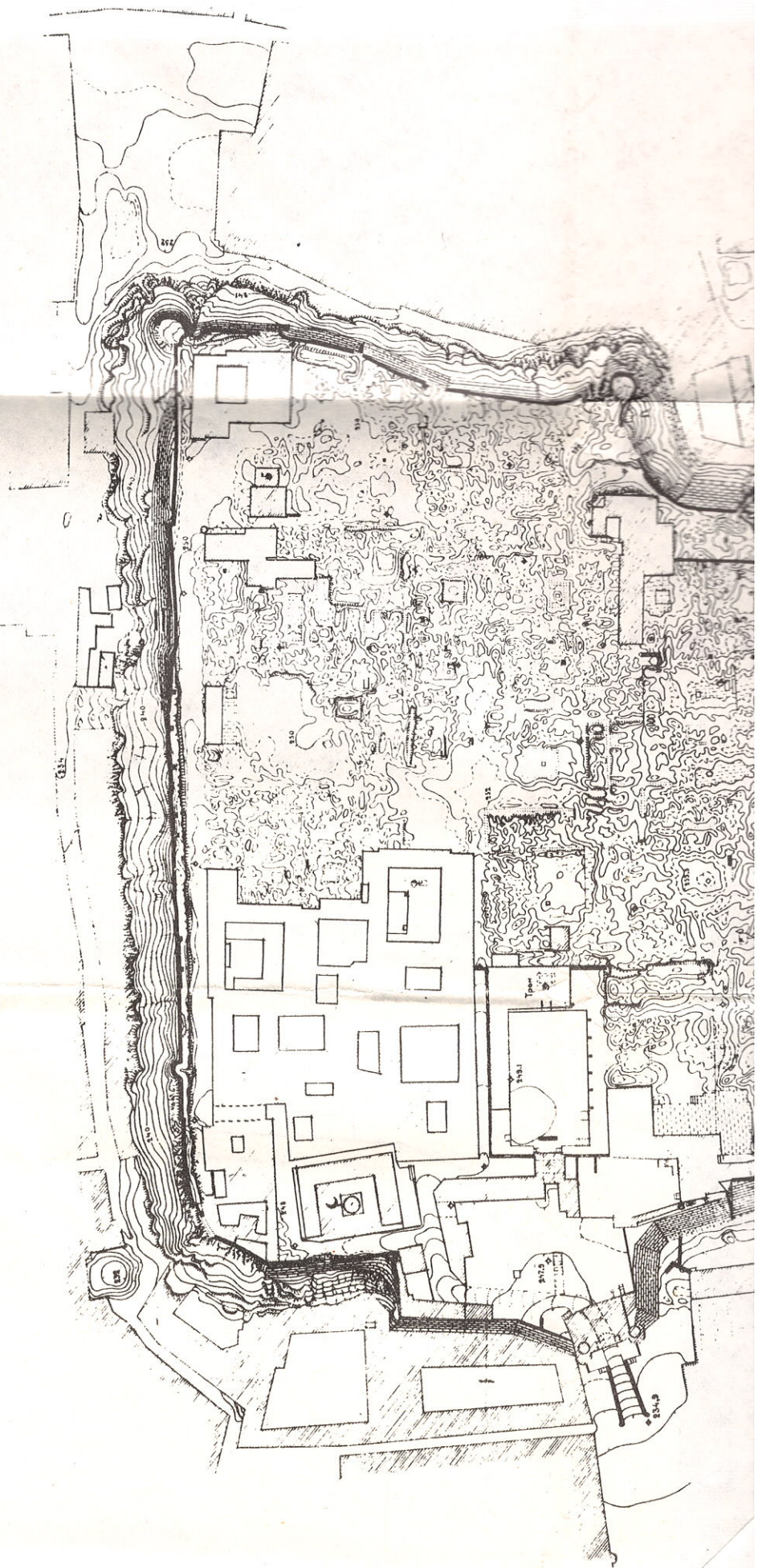
(К РАБОТЕ М.С. АНДРЕЕВА)

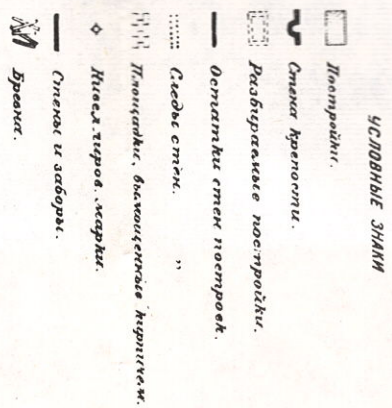

ПЛАН

АДЖА

г. СТАРОЙ БУХАРЫ

Примечание:

"	Резкие горизонтальные выклики, вызванные изгибом.
"	на дилатации стана вращающ.

Рис. 2

ПЛАН ВТОРЫХ ЧАСТЕЙ ЗАПАДНОЙ АРКА

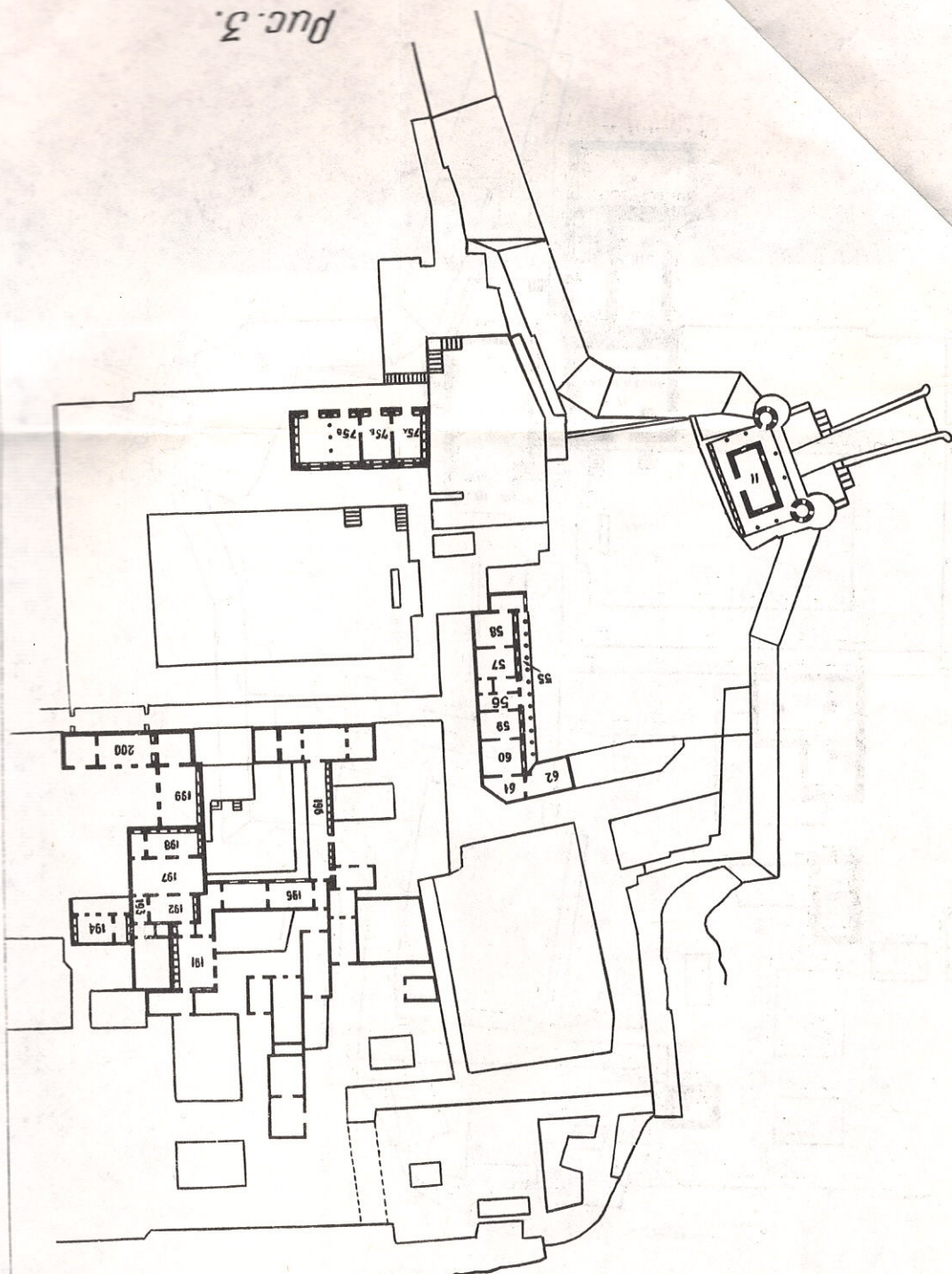

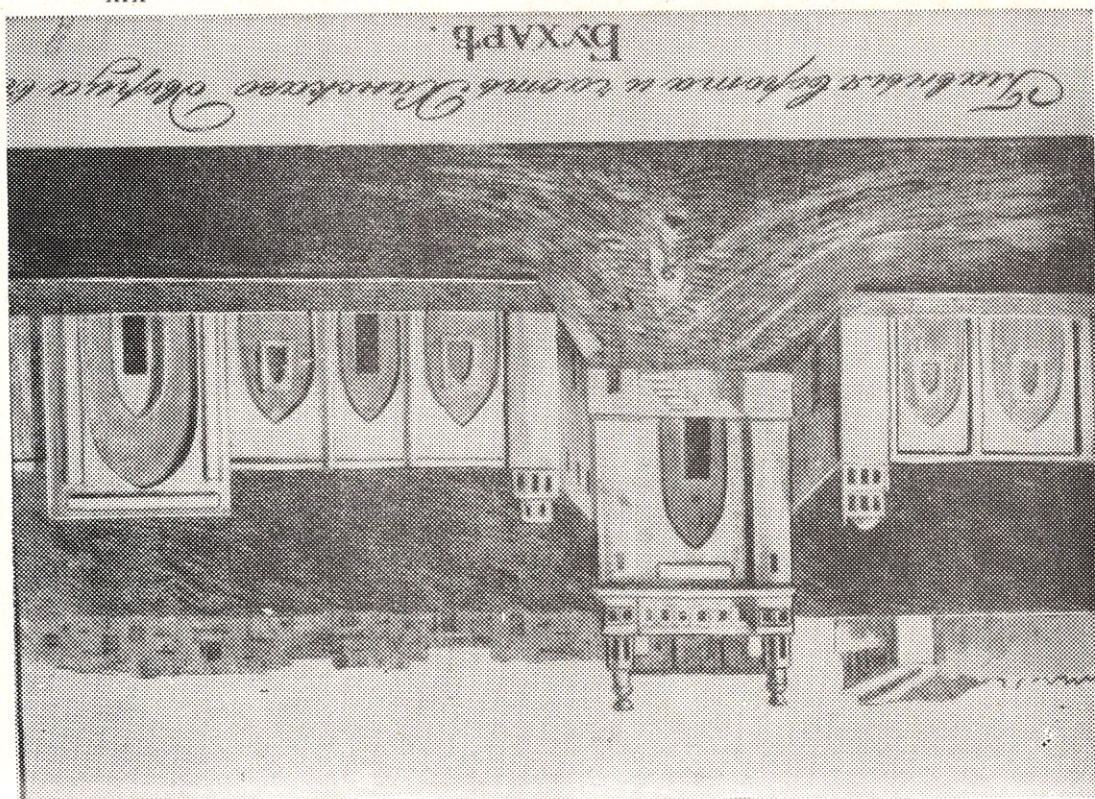
Рис. 3.

П Л А Н П О Д В А Л О В
ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ А Р К А

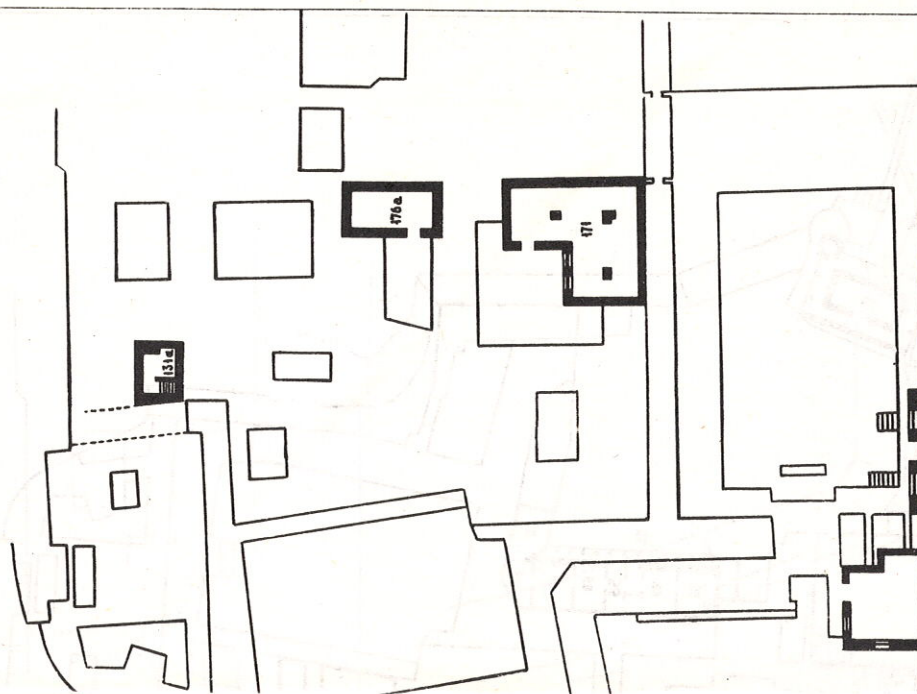

Рис. 4.

Рис. 5. Общий вид центральной части арка со входными воротами в начале XIX в.

ПОДВАЛОВ ЧАСТИ АРКА

М З С В М Т П С Х К СЕ СЕ НС КУ НС Д В Н Н В Н О В Р М Р Ж Н 7 а д л а в н ш н

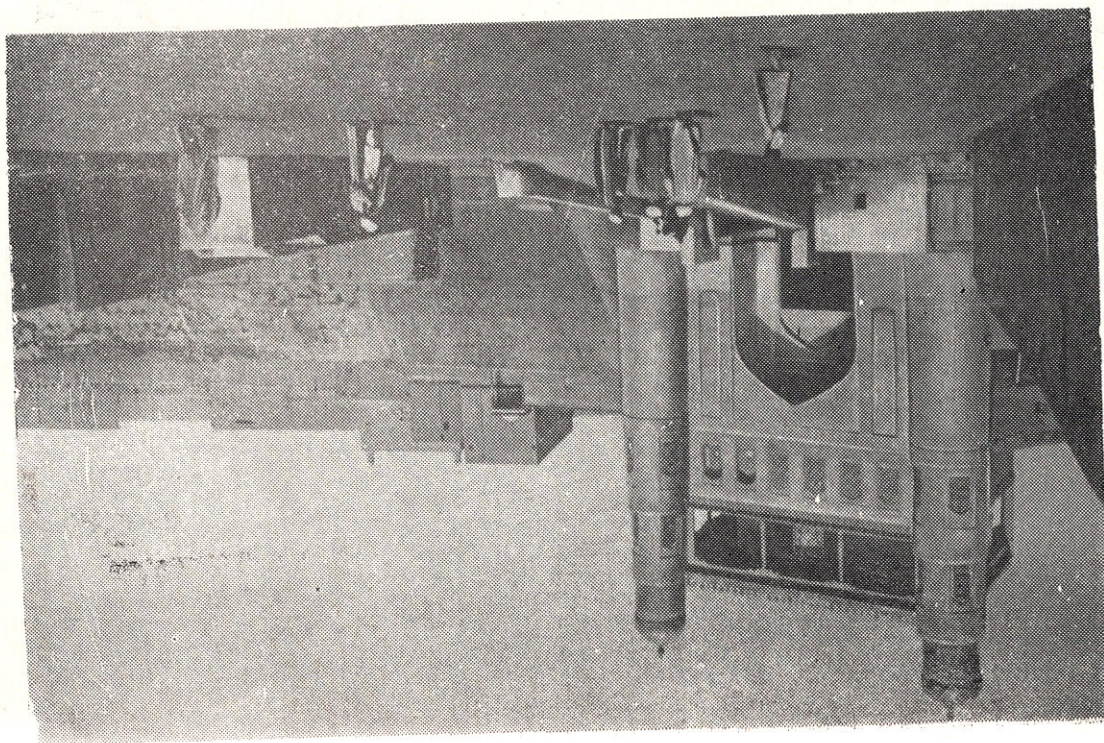

Рис. 7. Общий вид арка в первые десятилетия после революции.

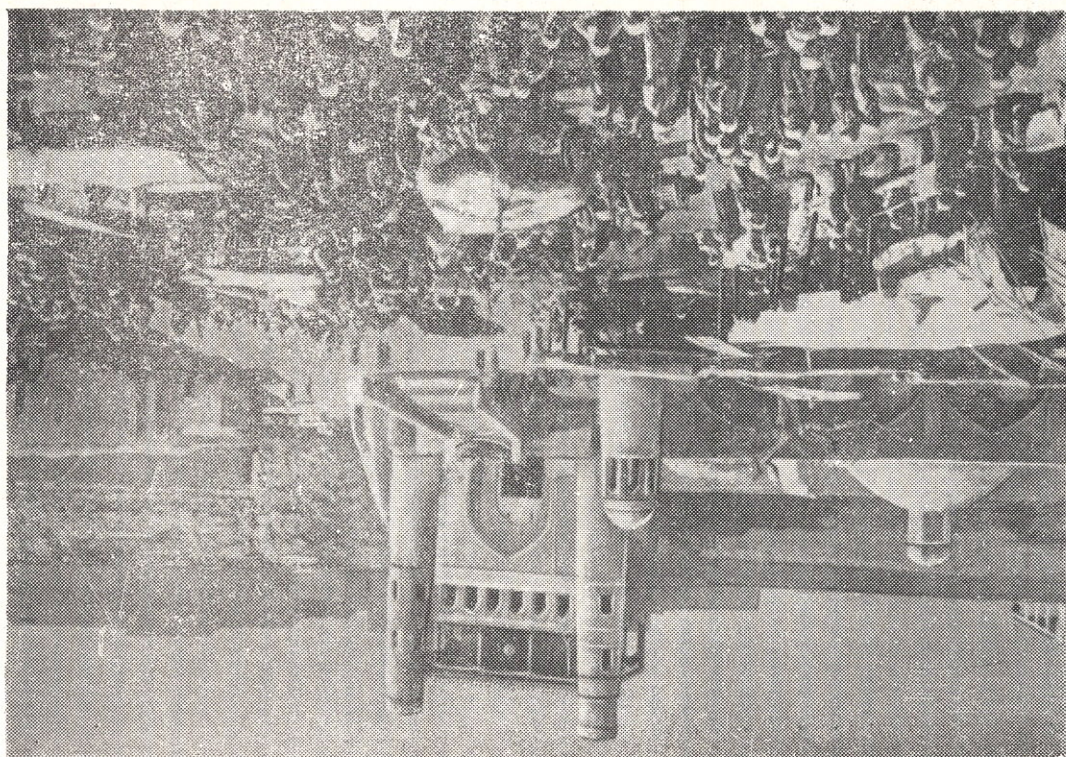

Рис. 6. Общий вид арка и часть площади Перестан перед ним в конце XIX—начало XX вв.

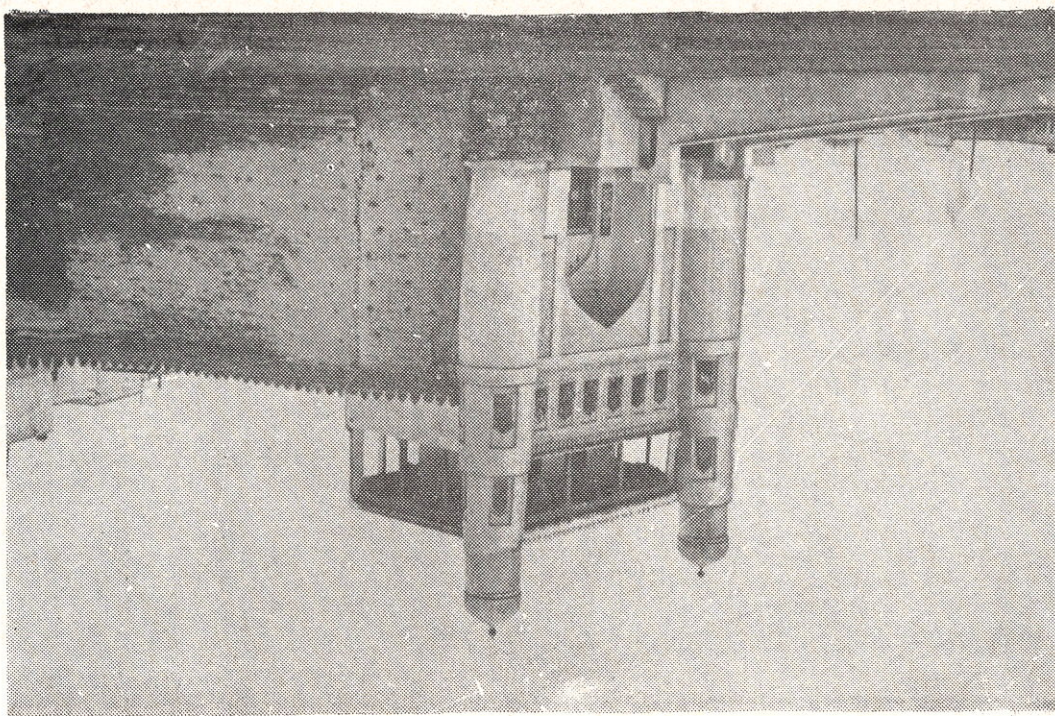

Рис. 8. Общий вид арки, в котором находится Бухарский музей, в 1962 г.

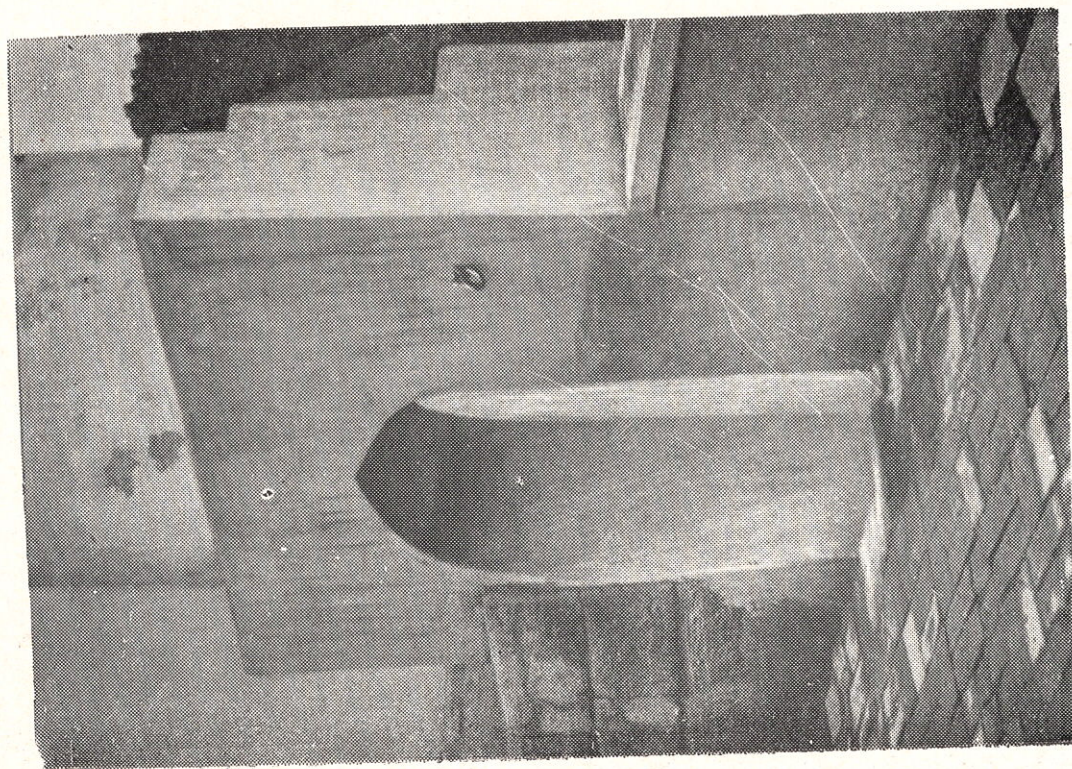

Рис. 9. Арка в боковой южной стене пандуса, ведущего к входным воротам.

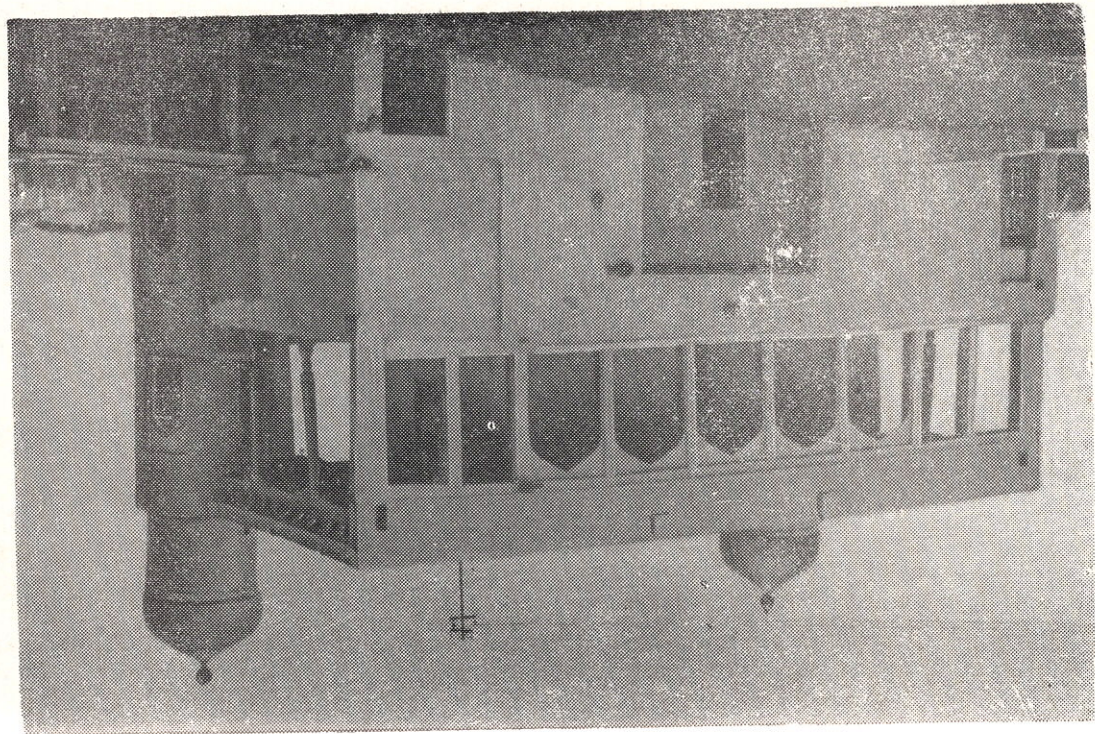

Рис. 11. «Нагорахона» — сооружение над входными воротами арка. Вид со двора «сансхана».

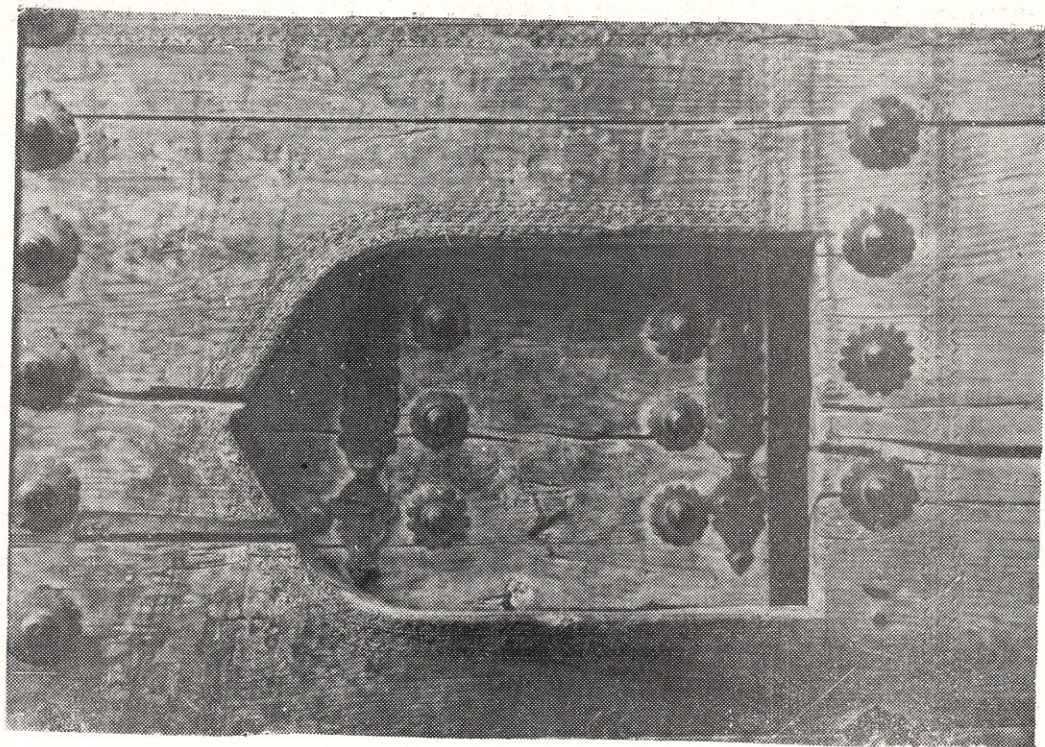
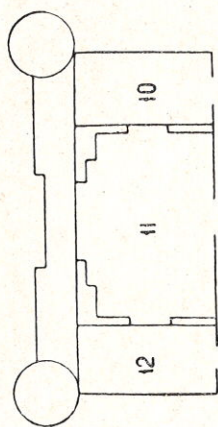

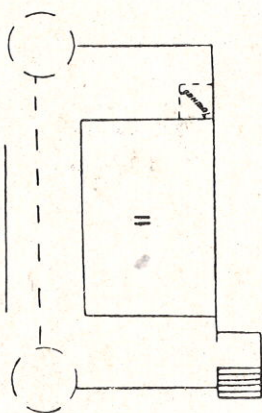
Рис. 10. Небольшая дверка в южном полотно ворот арка.

Нагора - хона

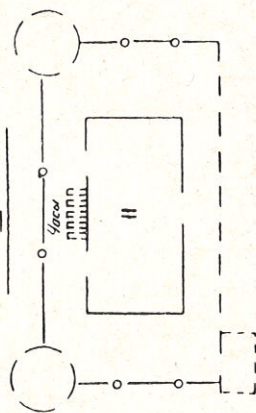
План I этажа

План II этажа

План III этажа

•Рис. 12

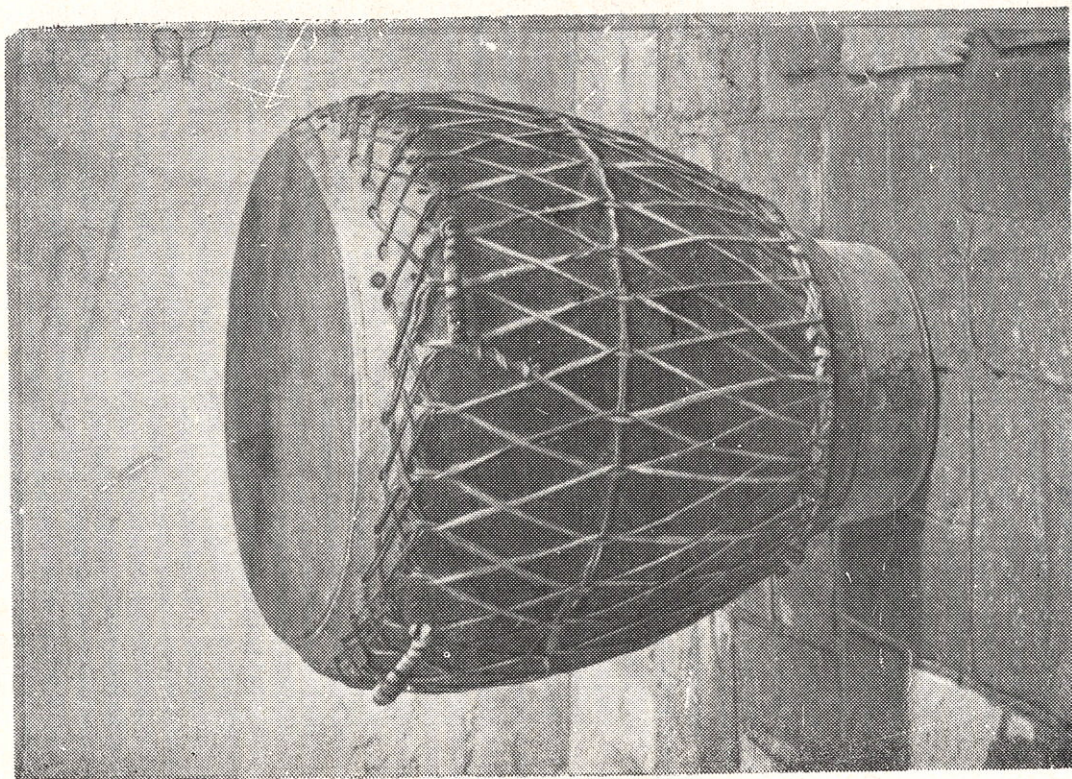

Рис. 13. Барабан «нагорз».

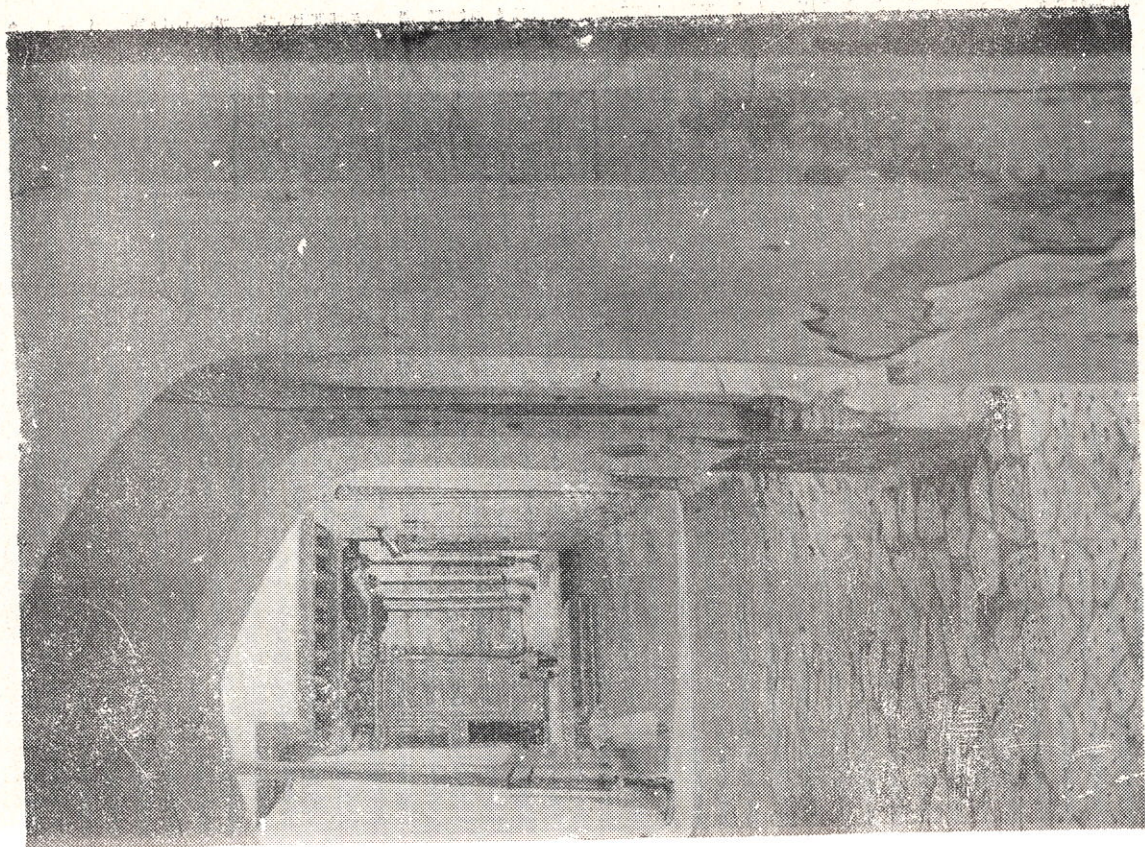

Рис. 15. Часть улочки от кугола «саклав» до мечети Джоми в арке.

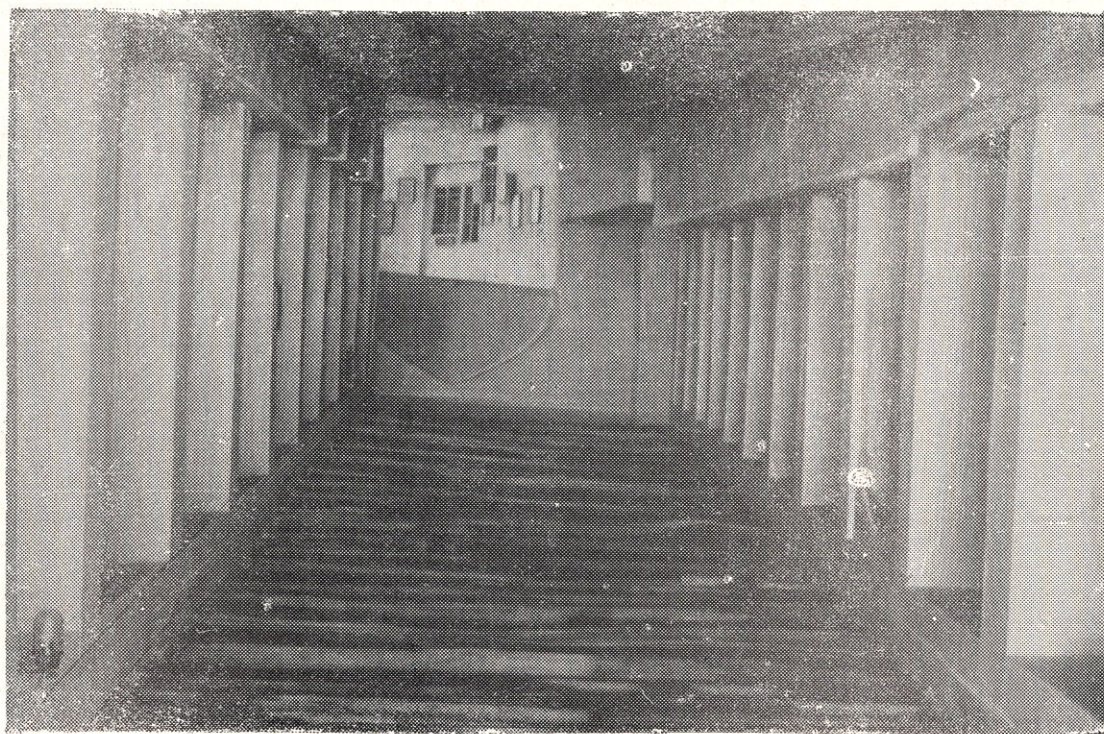

Рис. 14. «Долтон» — проход от ворот внутрь арка.

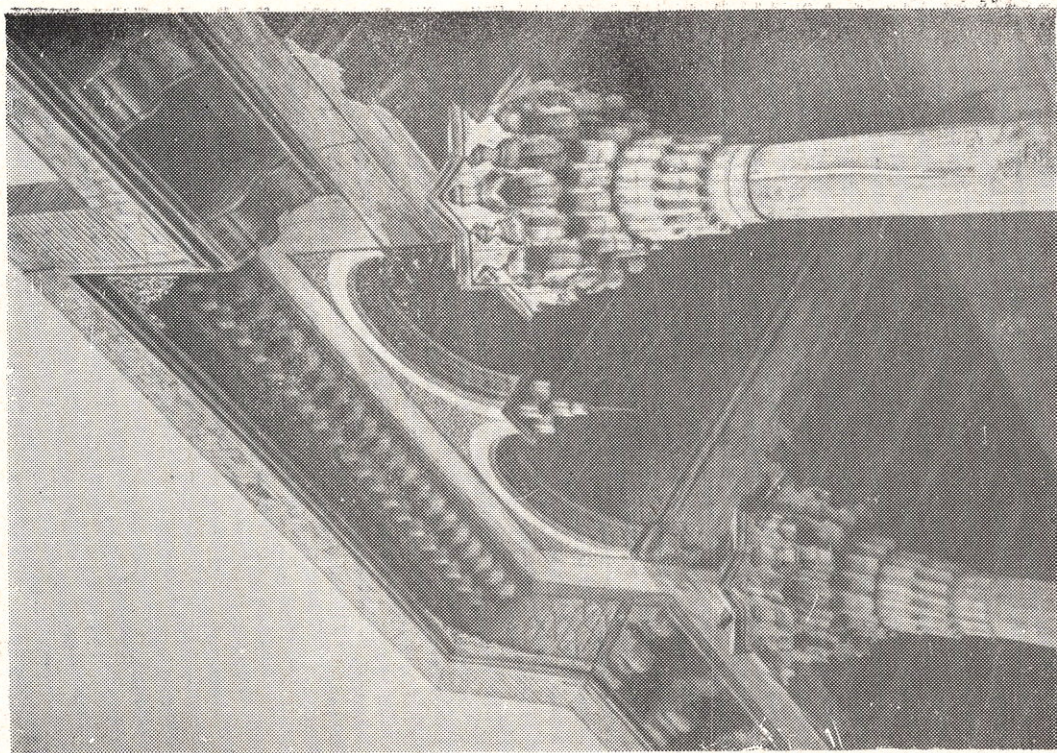

Рис. 17. Сталактитовые капители колонн южного айвана мечети Джоми.

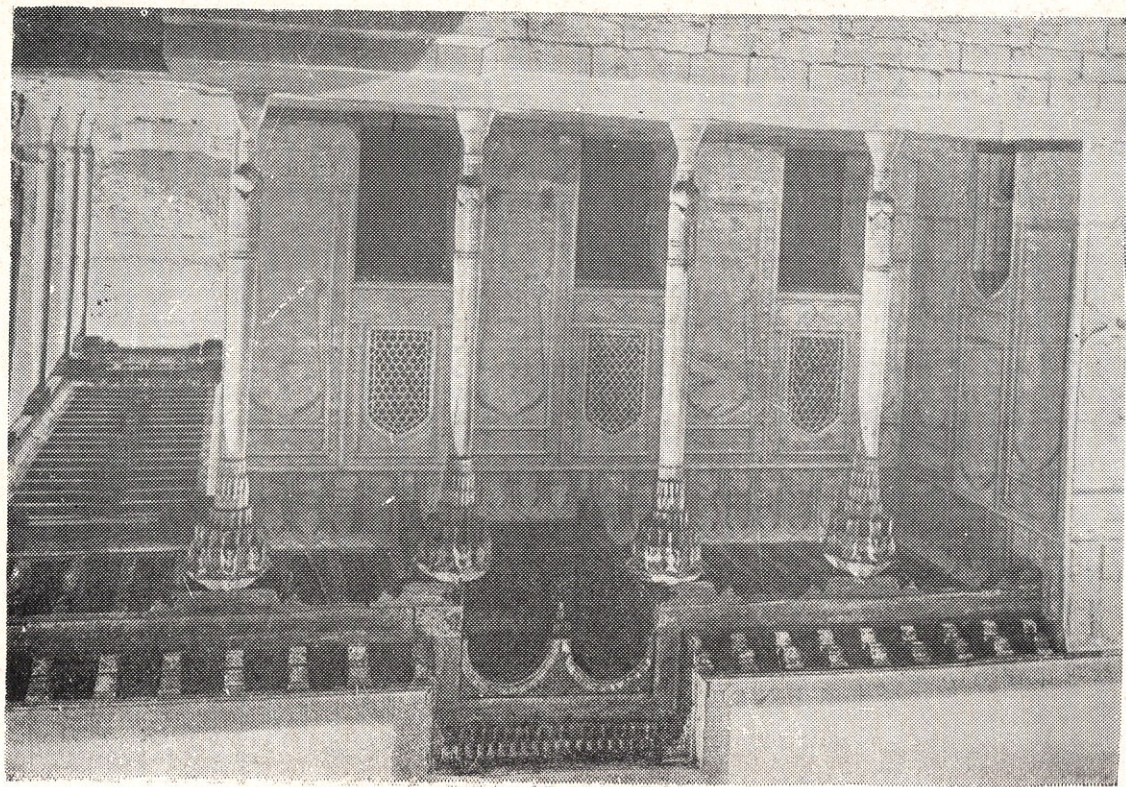

Рис. 16. Мечеть Джоми в арке. Южный и восточный (справа) айваны.

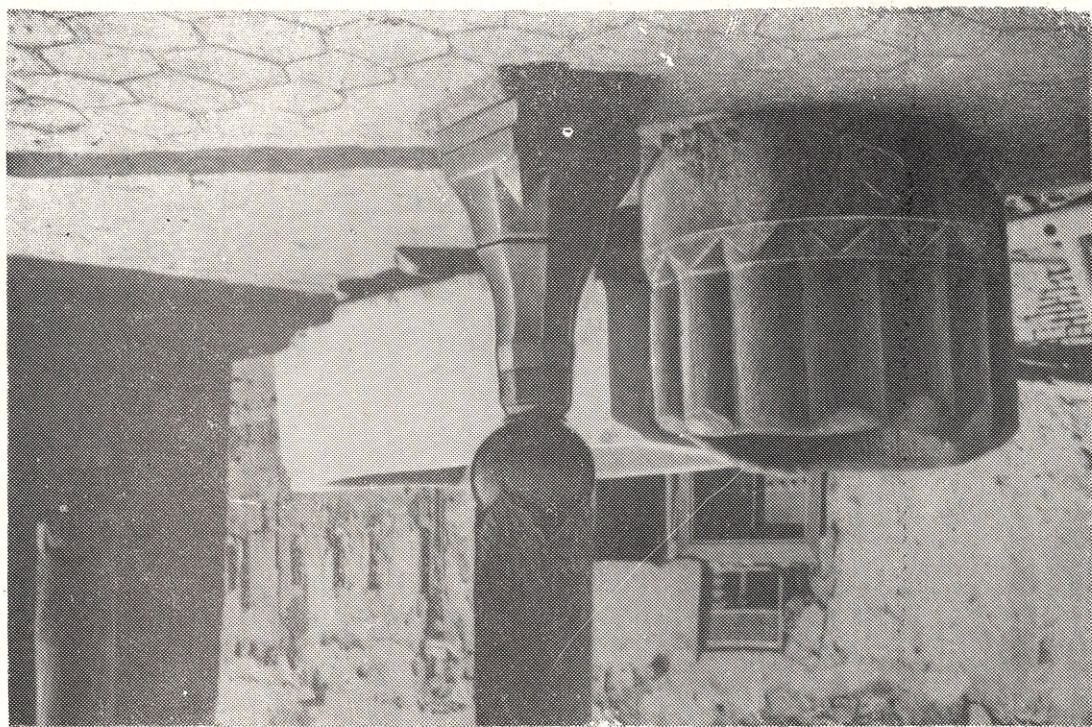

Рис. 19. Камень Рустама и Ясли Рустама на айване мечети Джоми в первые десятилетия после революции.

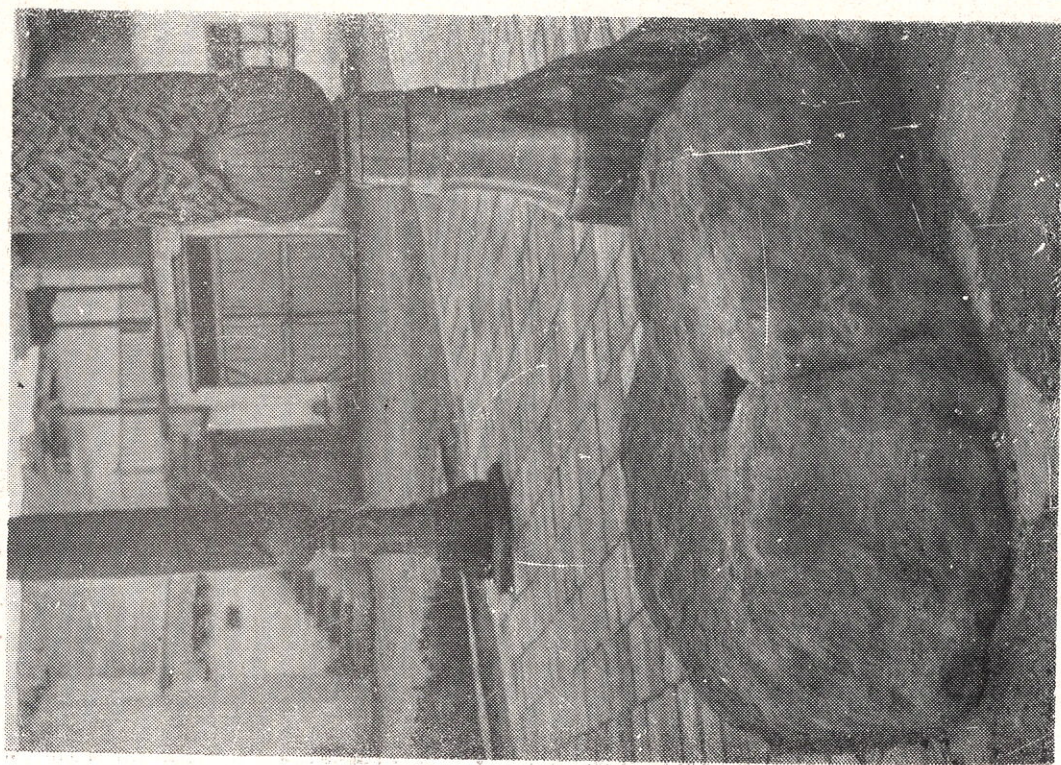

Рис. 18. Остатки Камня Рустама на айване мечети Джоми. 1962 г.

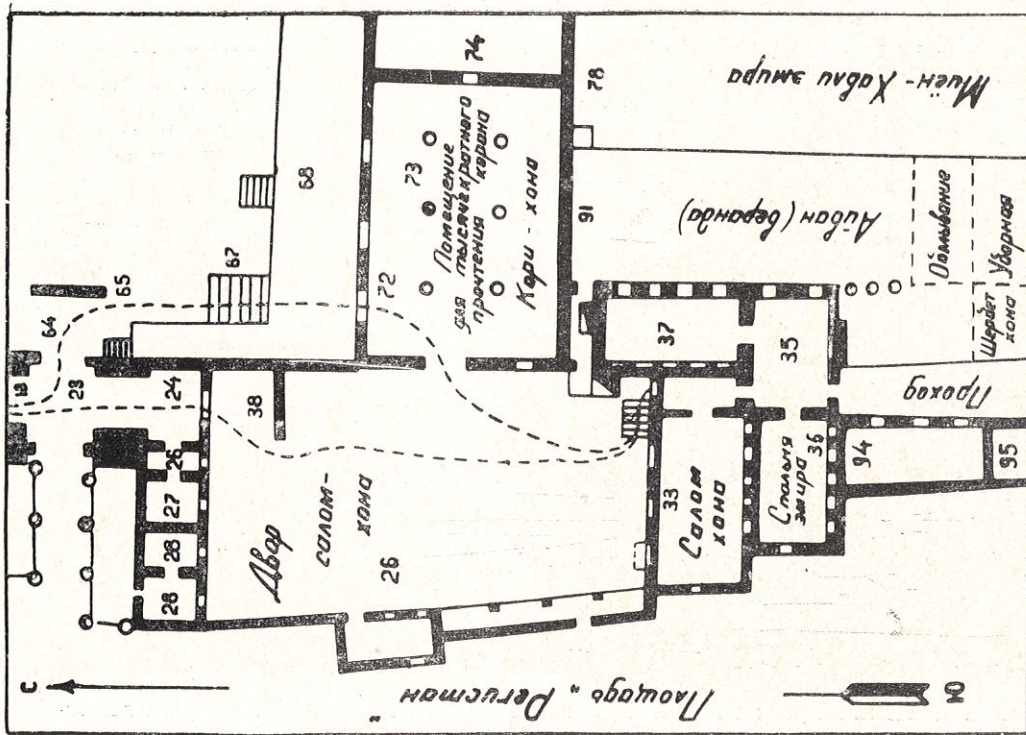
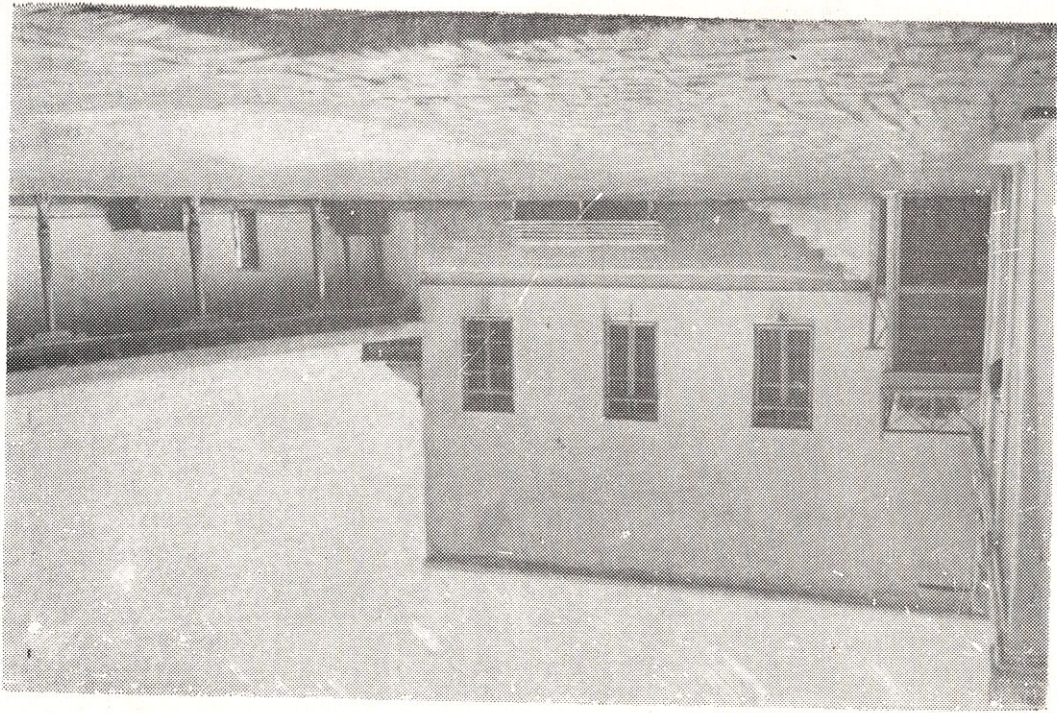

Рис. 20. Стена плана западной части арка с пона-
занием пути, по которому попал в свои апарта-
менты эмир, и проходили во двор «саломахо-
на» приближенные, представлявшие эмира.

Рис. 23. Балкон с металлической ажурной решёткой по краю западной стены апра.

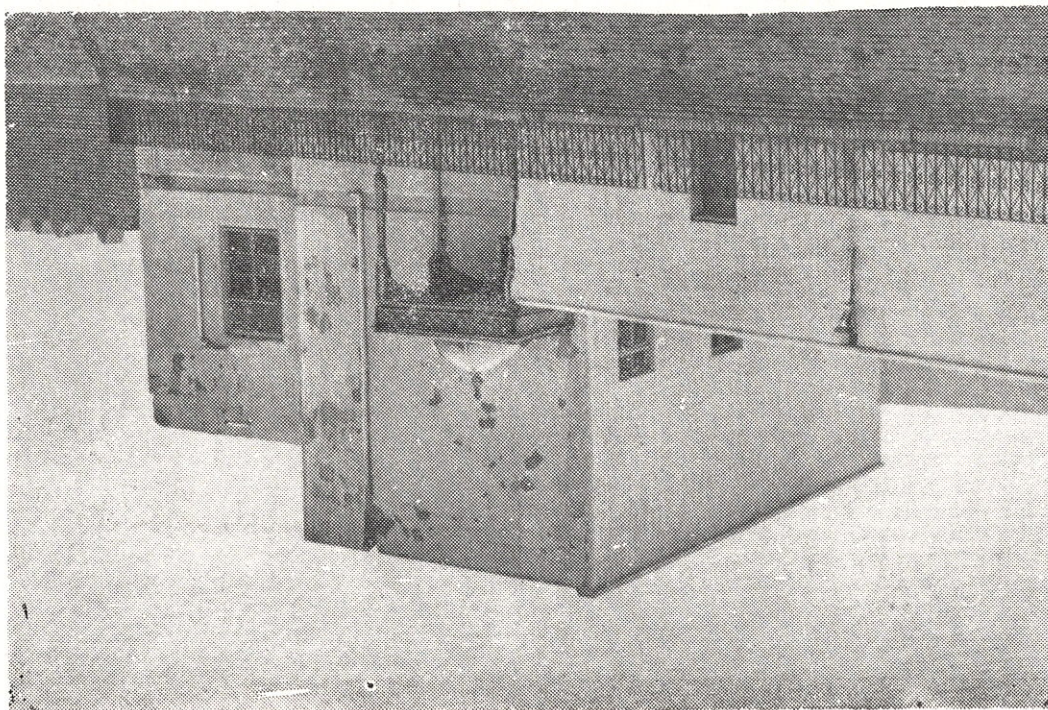
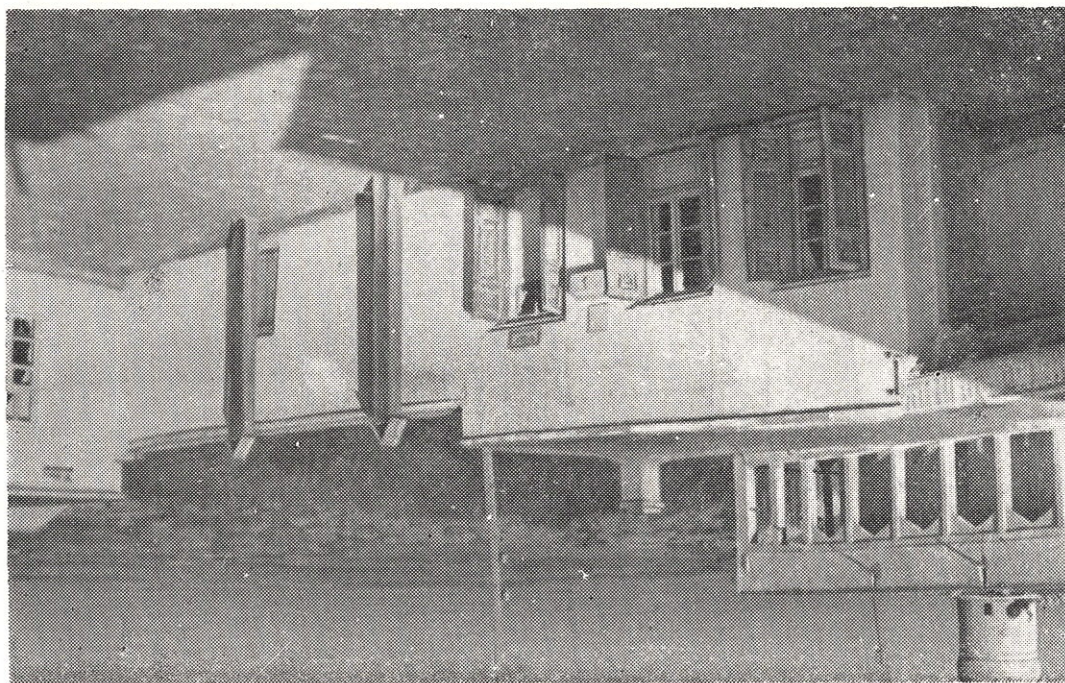

Рис. 22. Северо-западный угол двора «саломаха».

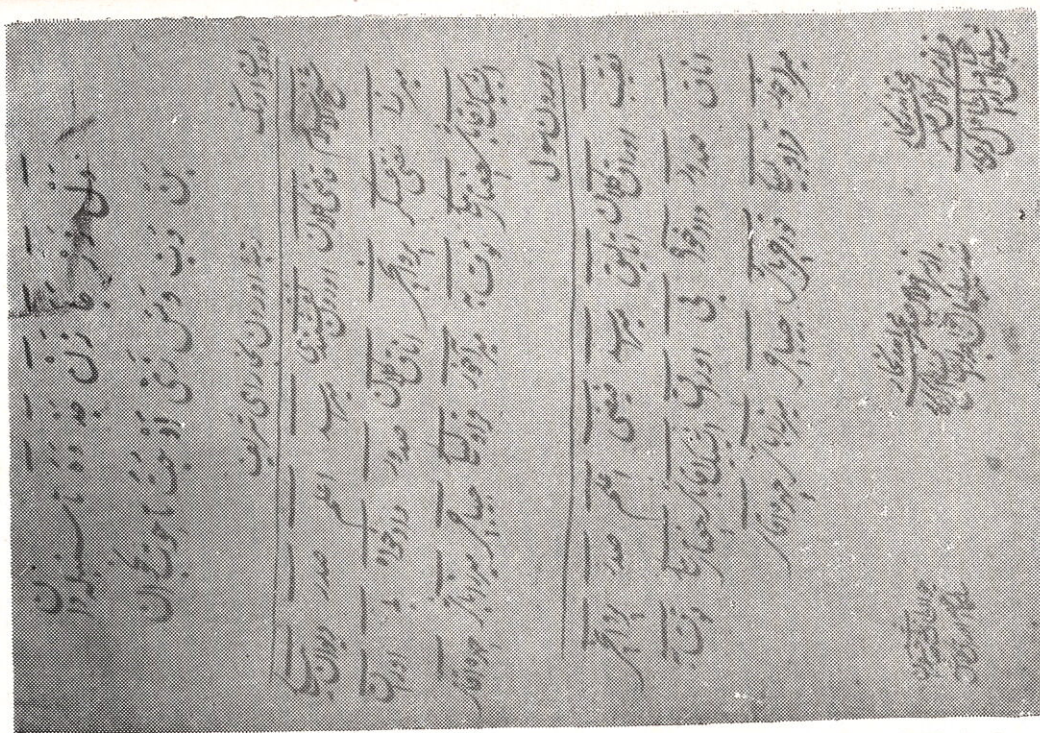

Рис. 24. Анонимная записка «О порядке мест в благородной Бухаре». Факсимиле.

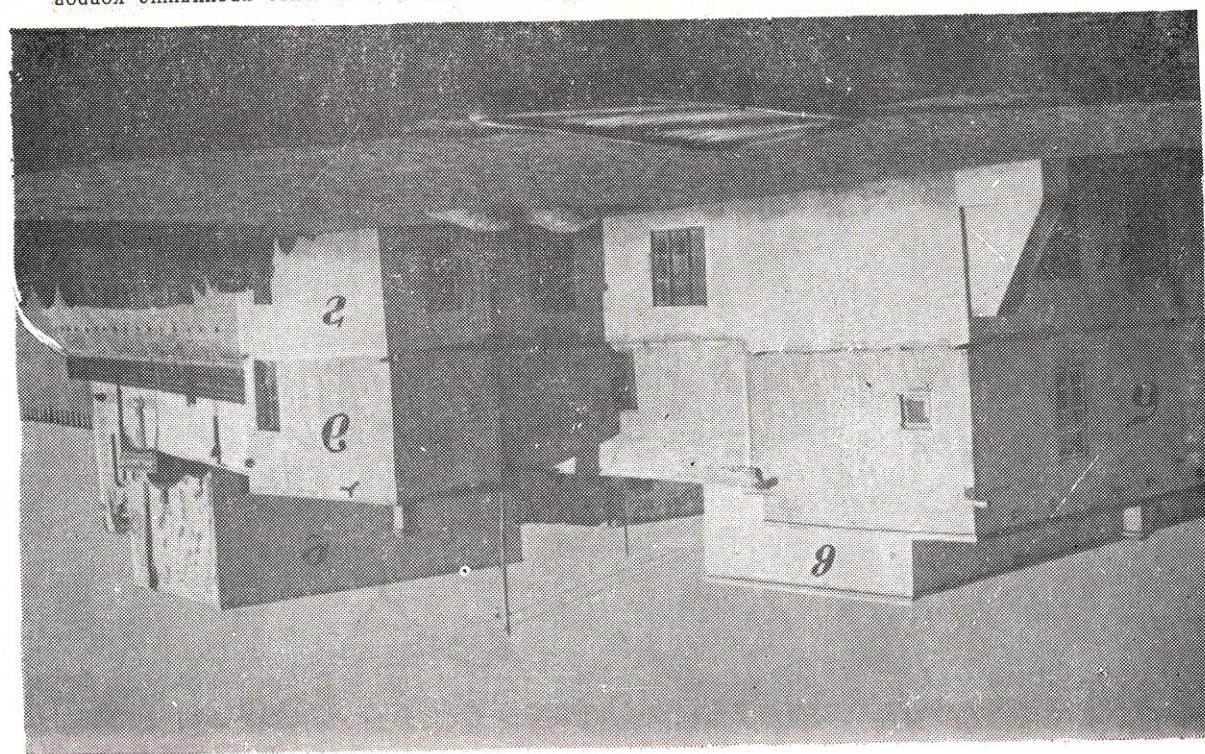

Рис. 25. Юго-восточный угол двора «сансхонан хоса»: а — вход в подвальное хранилище коров «колинхона»; б — помещения дробона и улайчи; в — помещения второго этажа над «корихо-ной»; г — «фаррошхона»; д — второй этаж над фаррошхоной — б. помещения бугчабардора; е — «саломхона».

Рис. 27. Портал над входом в коронатионный двор и стенка «глыбоматра» перед ним во дворе.

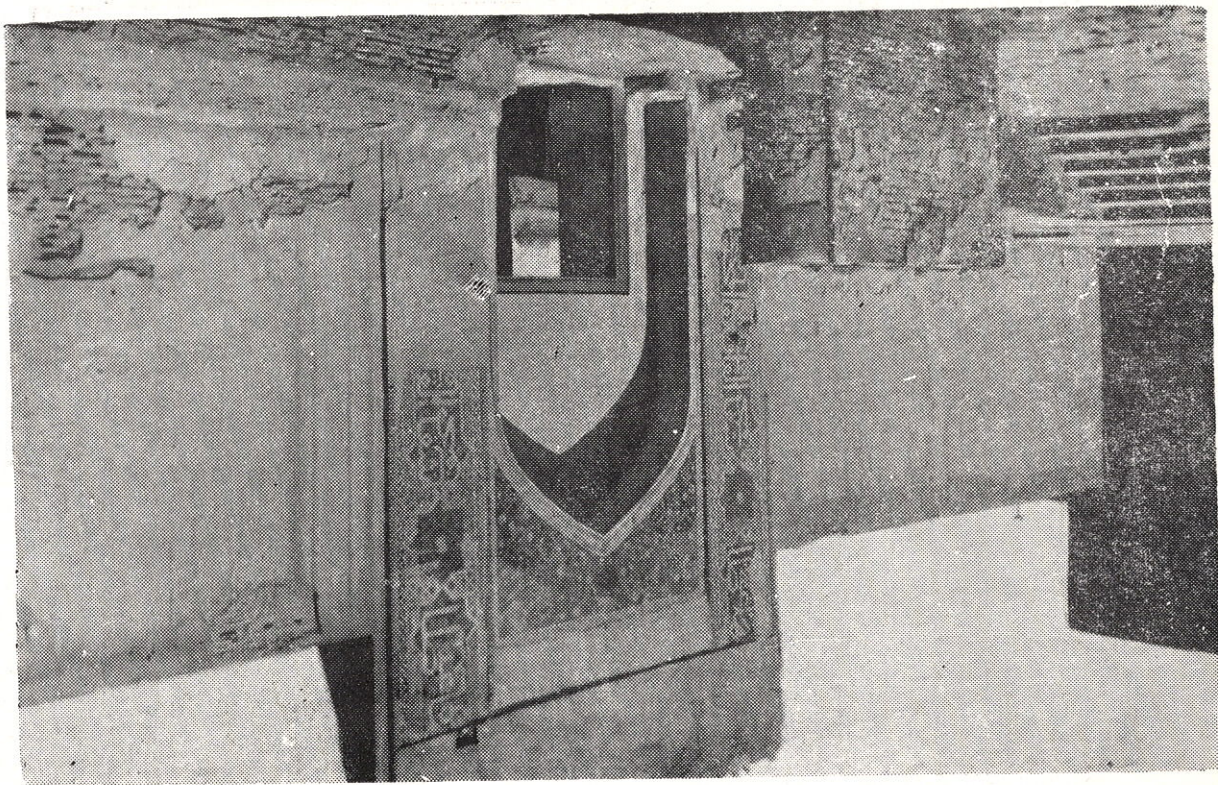
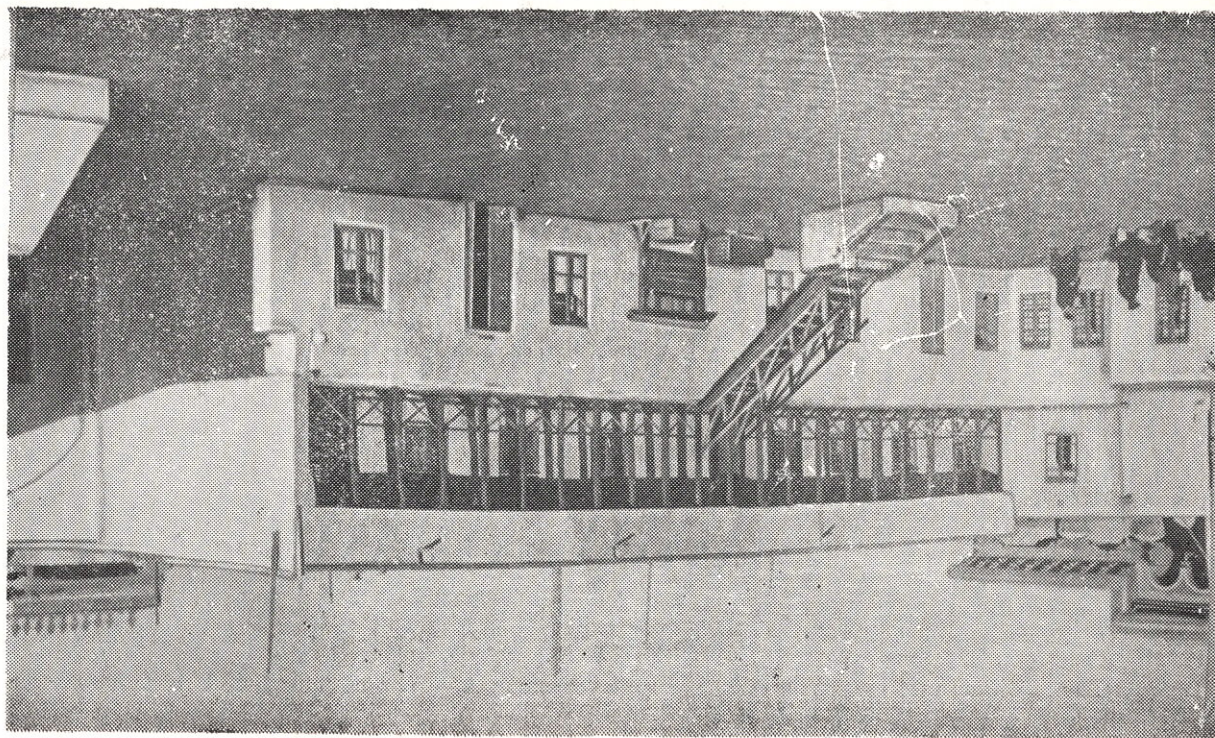

Рис. 26. Северо-восточная часть б. двора «сансхонан хоса».

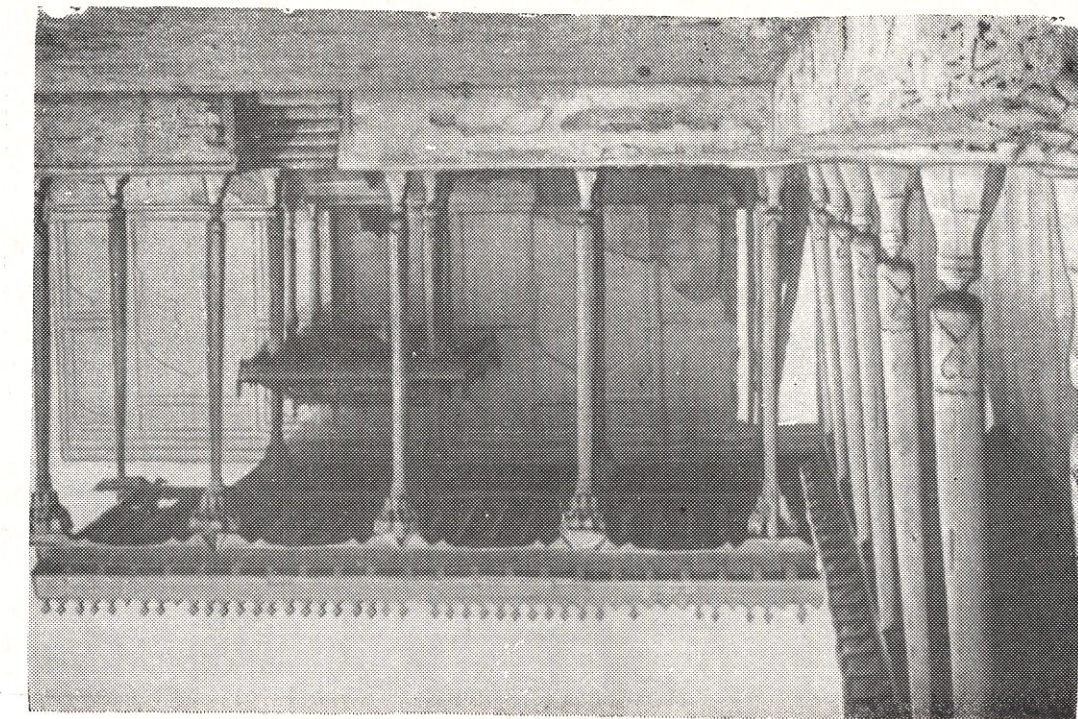

рис. 28. Северный (слева) и восточный алевиты коронационный трона с тронном по-1
Gülşah-ном.

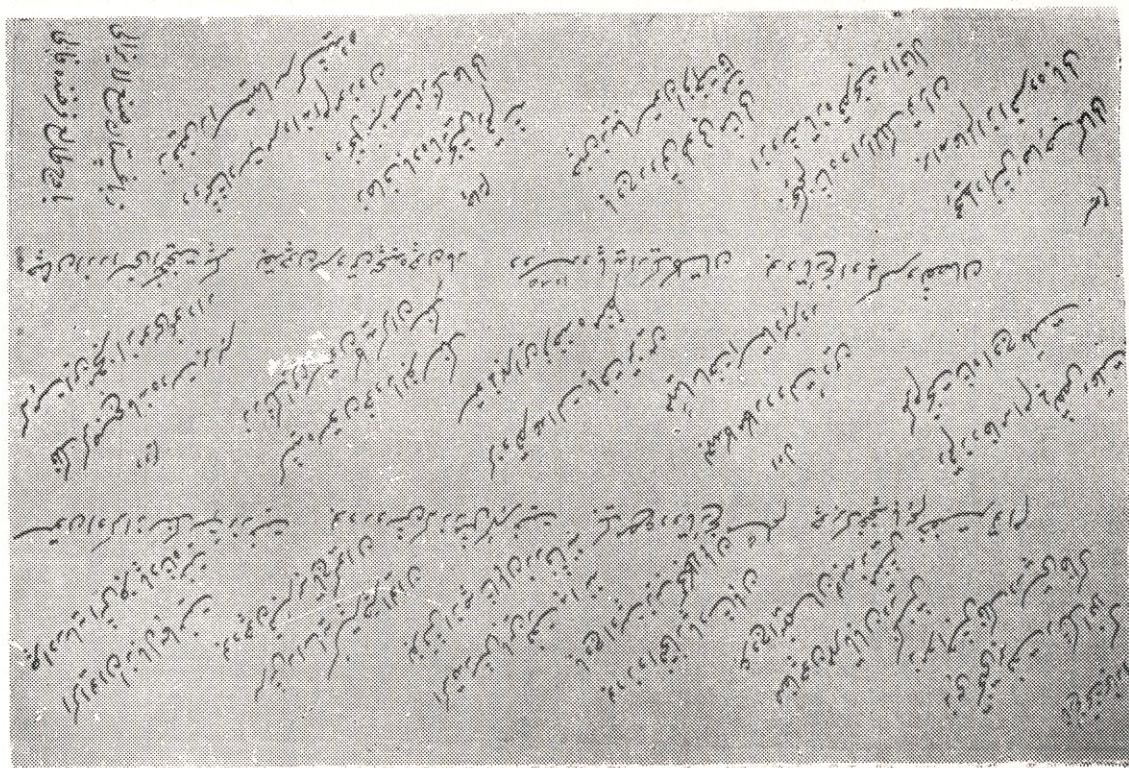

рис. 29. Копия надписей на троне и мраморных колоннах по его углам.

Рис. 30. Рабочий план помещений, расположенных в югу от горы "Муен-шау амур".

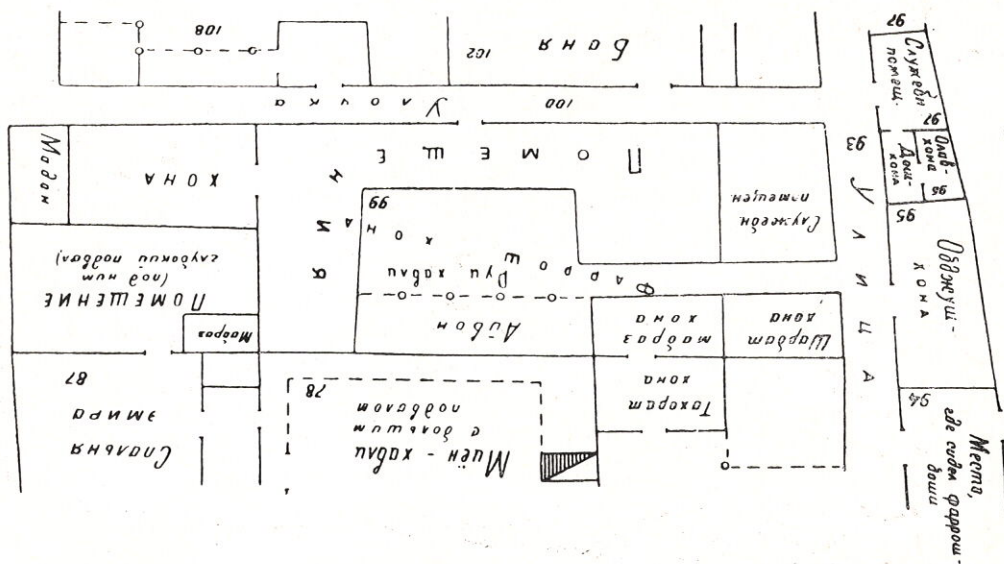
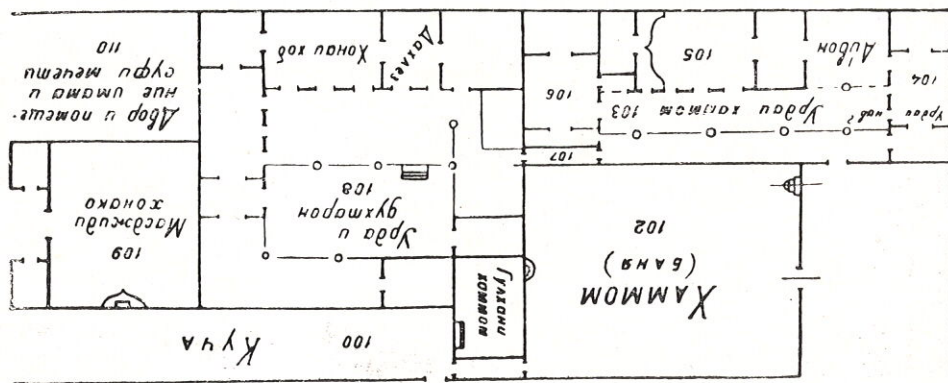
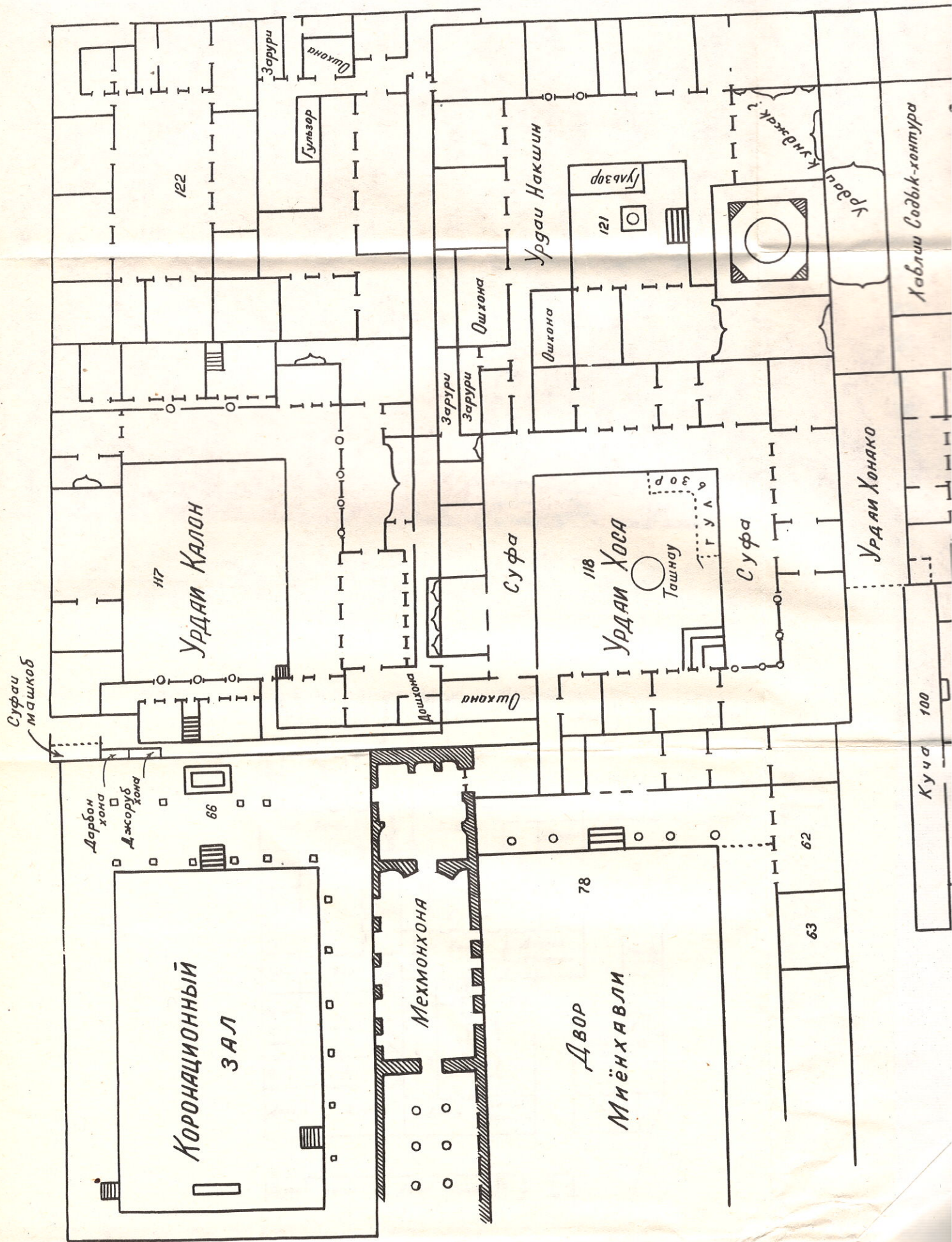

Рис. 31. Рабочий план помещений в юго-западной части арма.

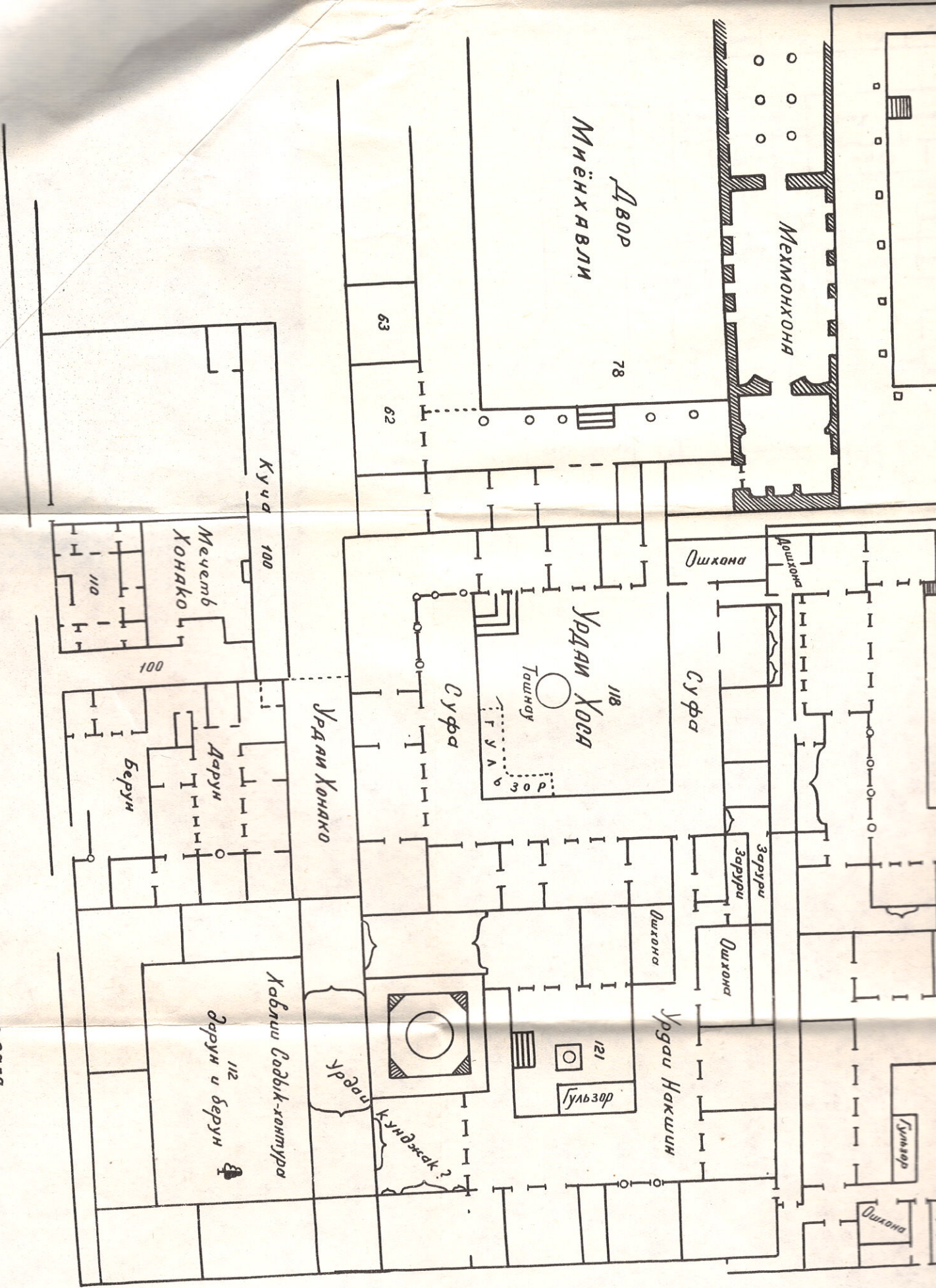

Рис. 32. Додочний план урду, расположенных к востоку от тронного зала
и "Менхавли" эмира.

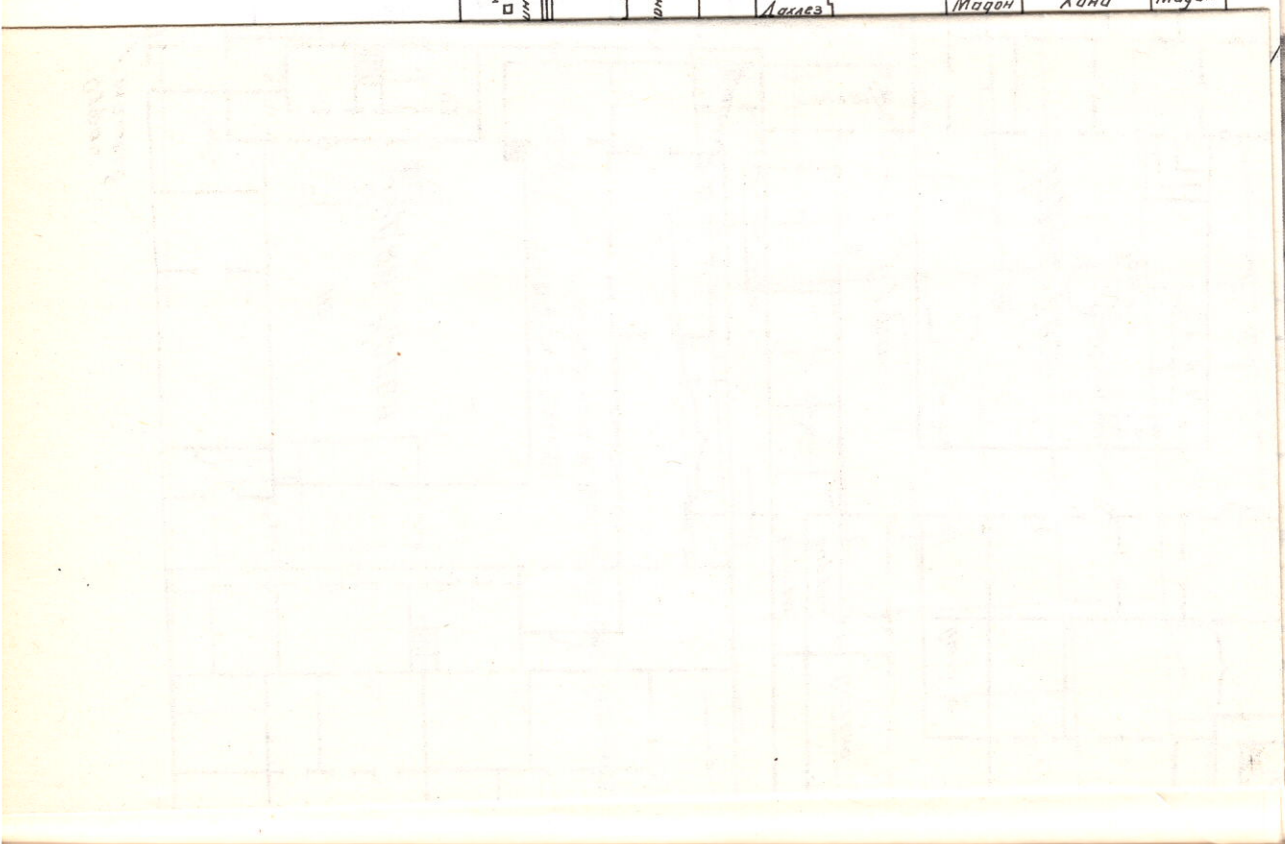
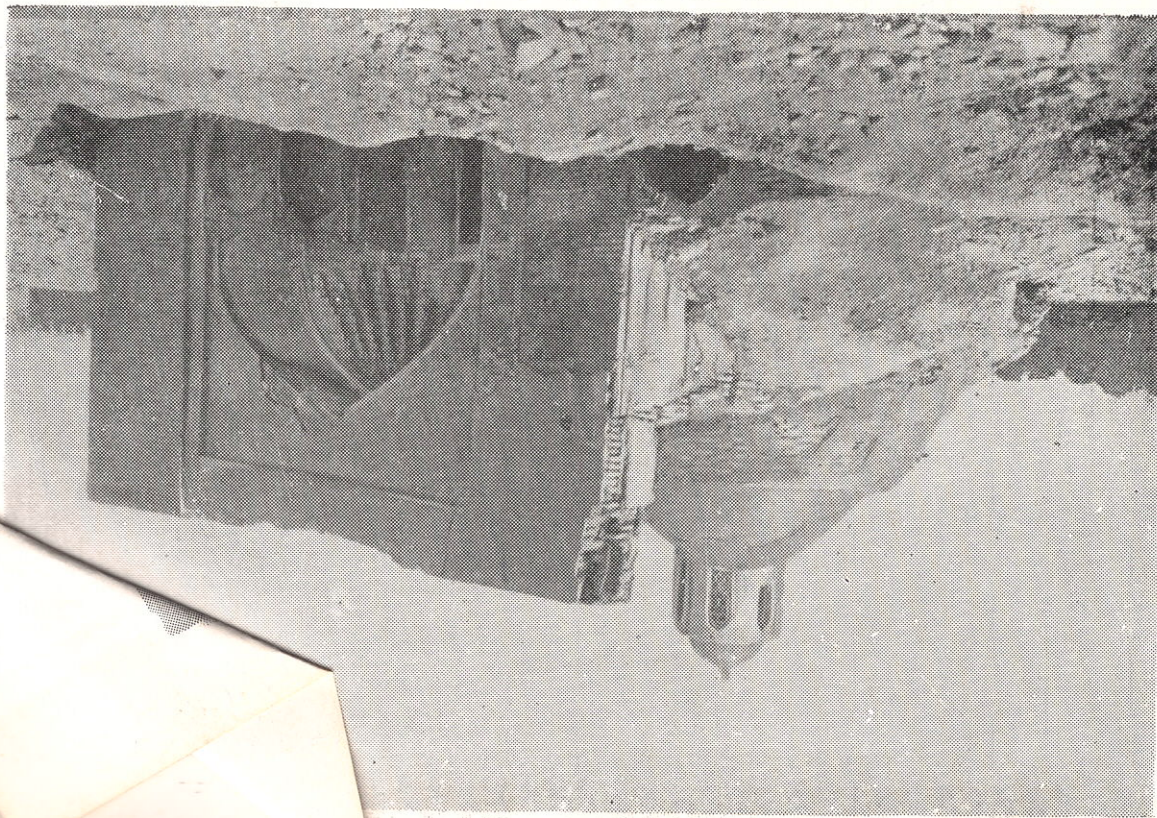

Рис. 33. Мечеть Ханако в Аре.

Доруҷона

Айбонча

Ташнав

Хона

Хона

Дархмез

Хавли доруни
Арабхон
Ташнав

Гулазор

Хона

Суфа

Мадон

Дархмез

Хона

Мадон

Хона

Айван
Хавли гуломбача
Ташнав

Вшхона

Айбон

Дархмез

Фаррош-хона

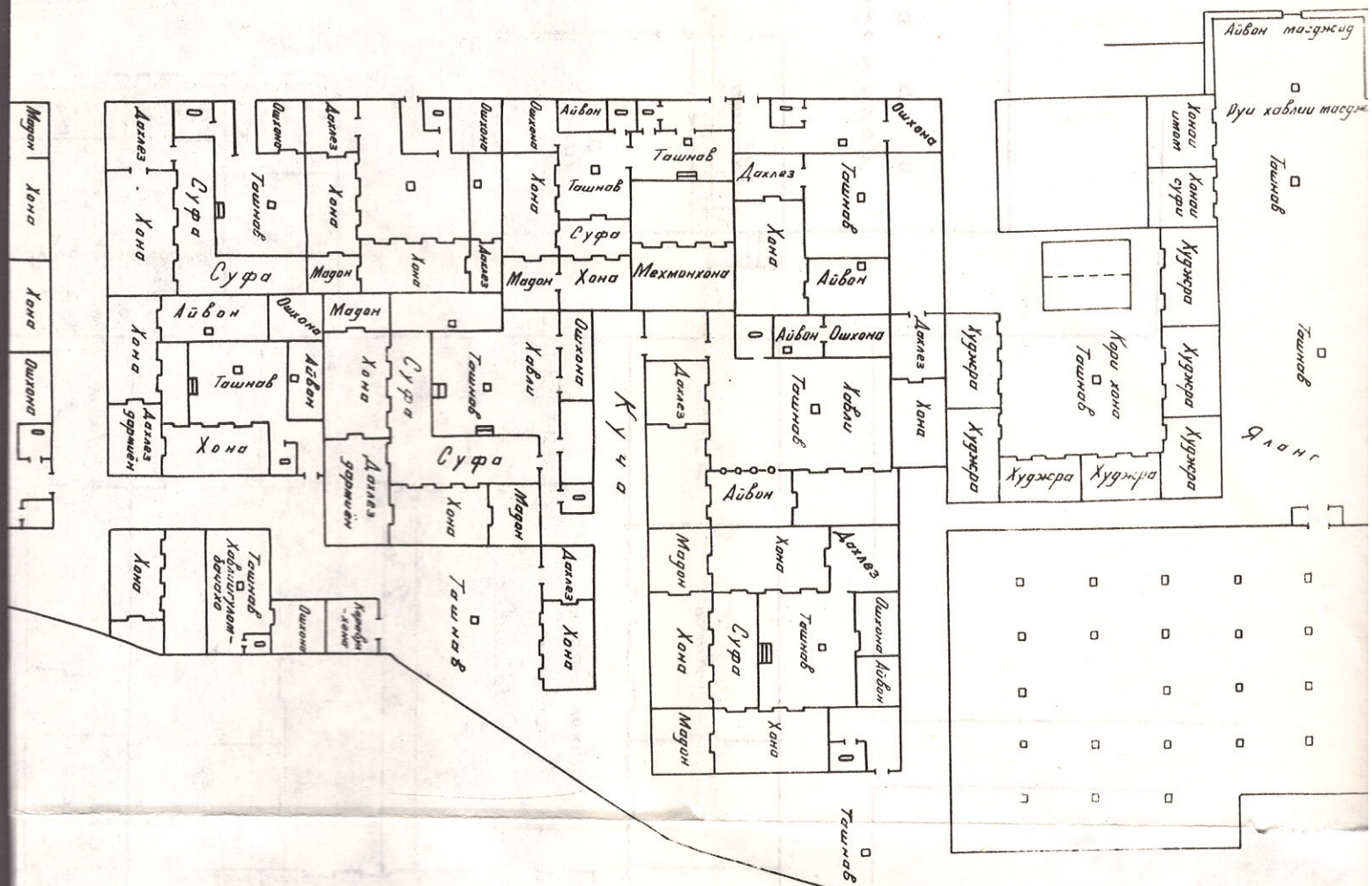
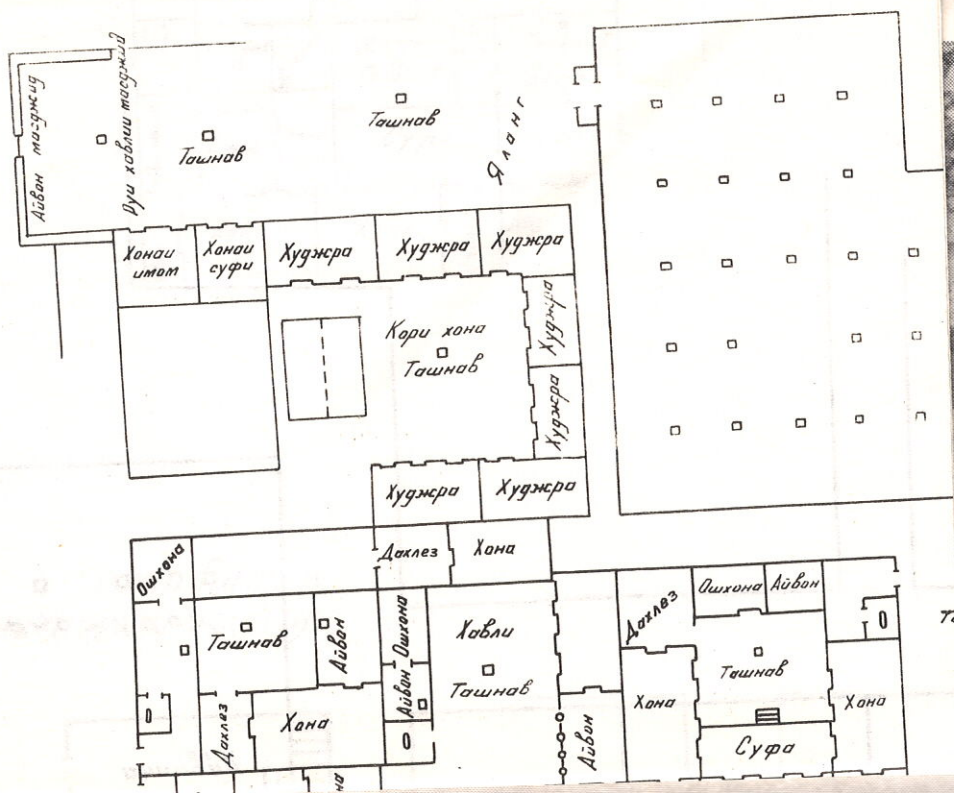
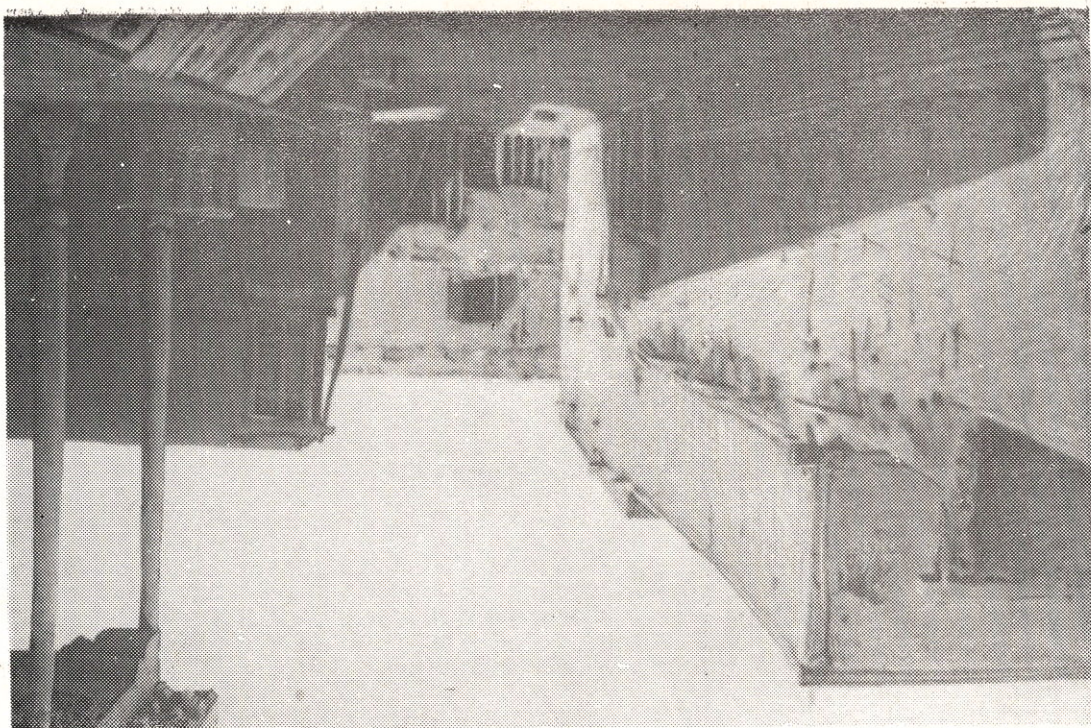

Рис. 36. Улочка, образующая Межень Джомби.

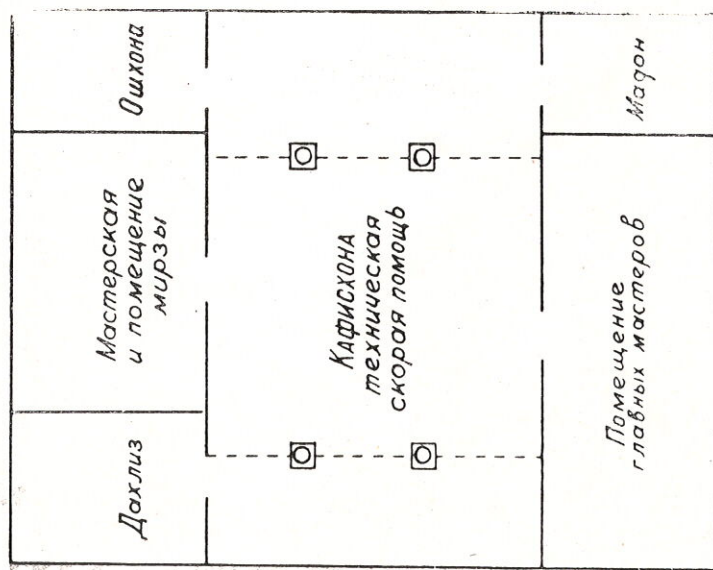
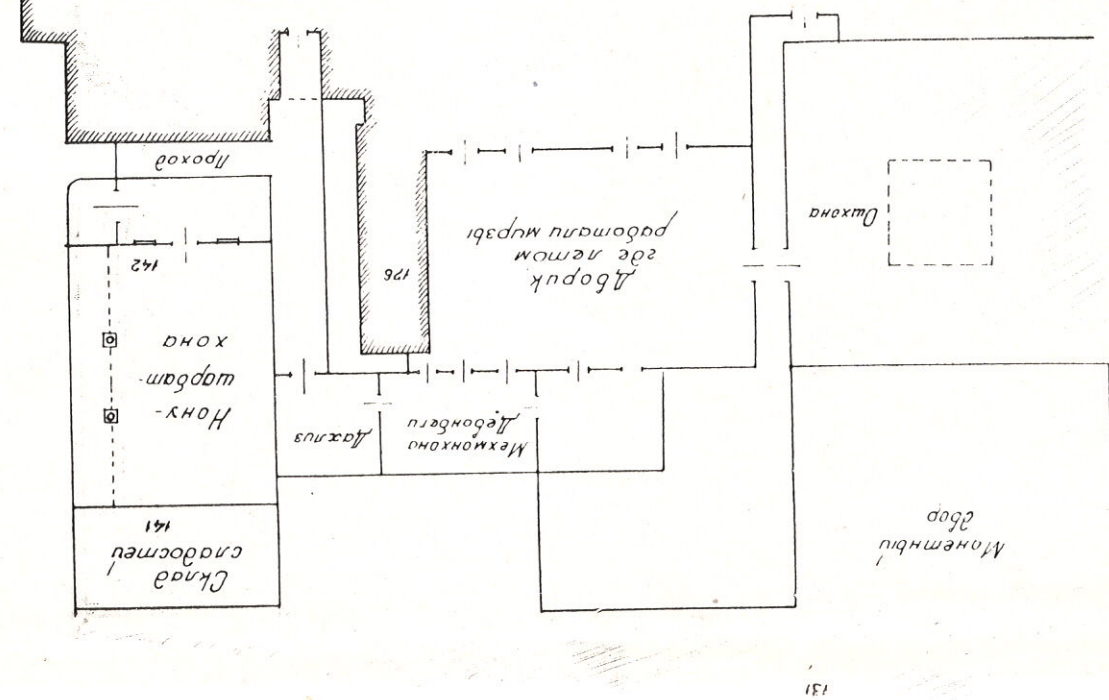

Рис 37. Рядовый план помещений в каписке.

Рис. 38. Рабочий план помещения, находящийся в сарае от урп нутрену.

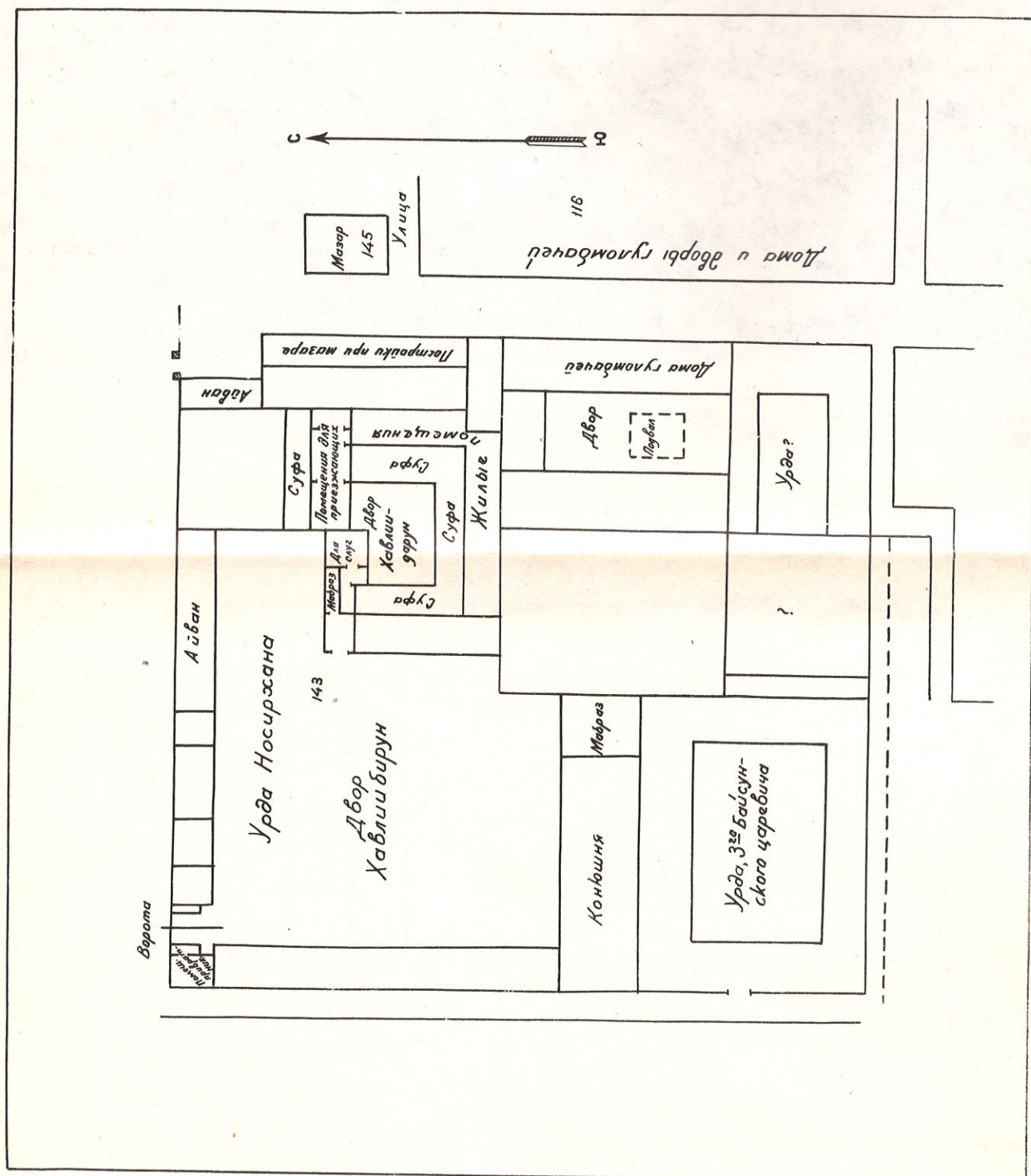

Рис. 39. Рабочий план жилища Носир-хана и прилегающих к нему построек.

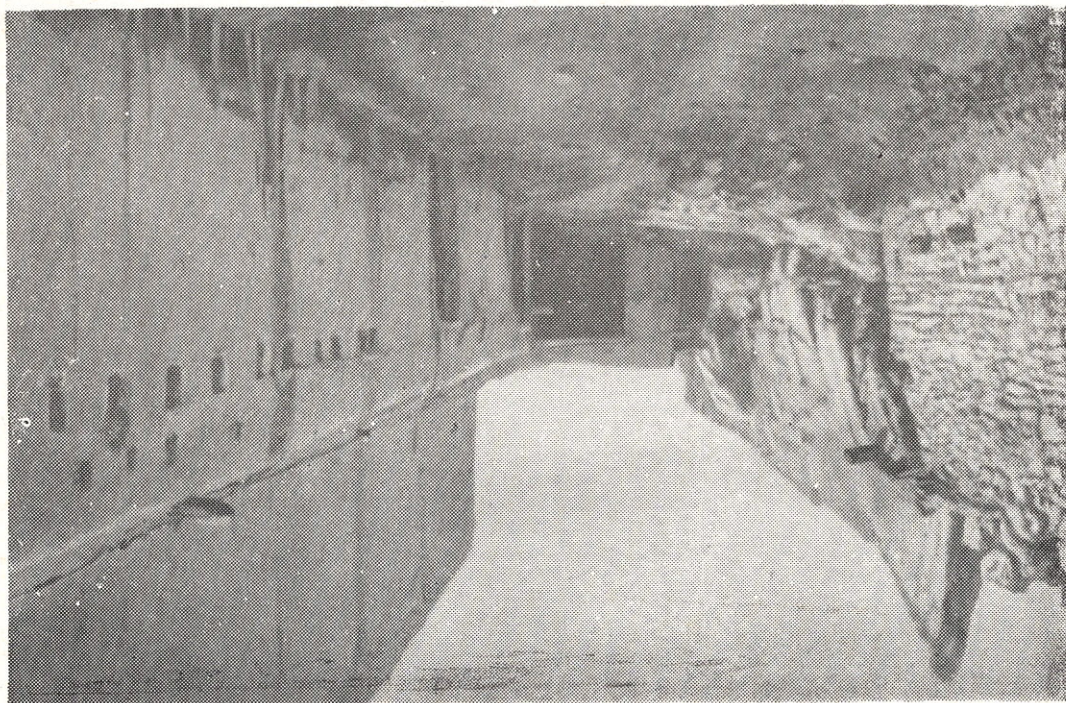

Рис. 41. Один из участков улицы вдоль стены, окружающей арку. Фото первых лет после революции.

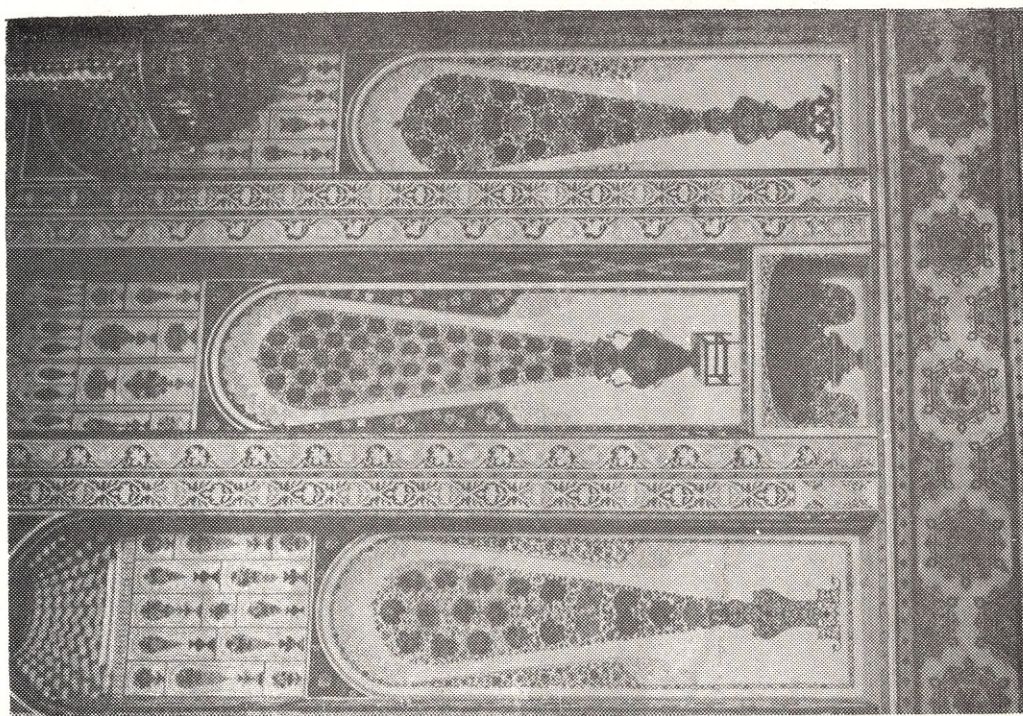

Рис. 40. Мазар Баттол-гози в северо-восточном углу арка.

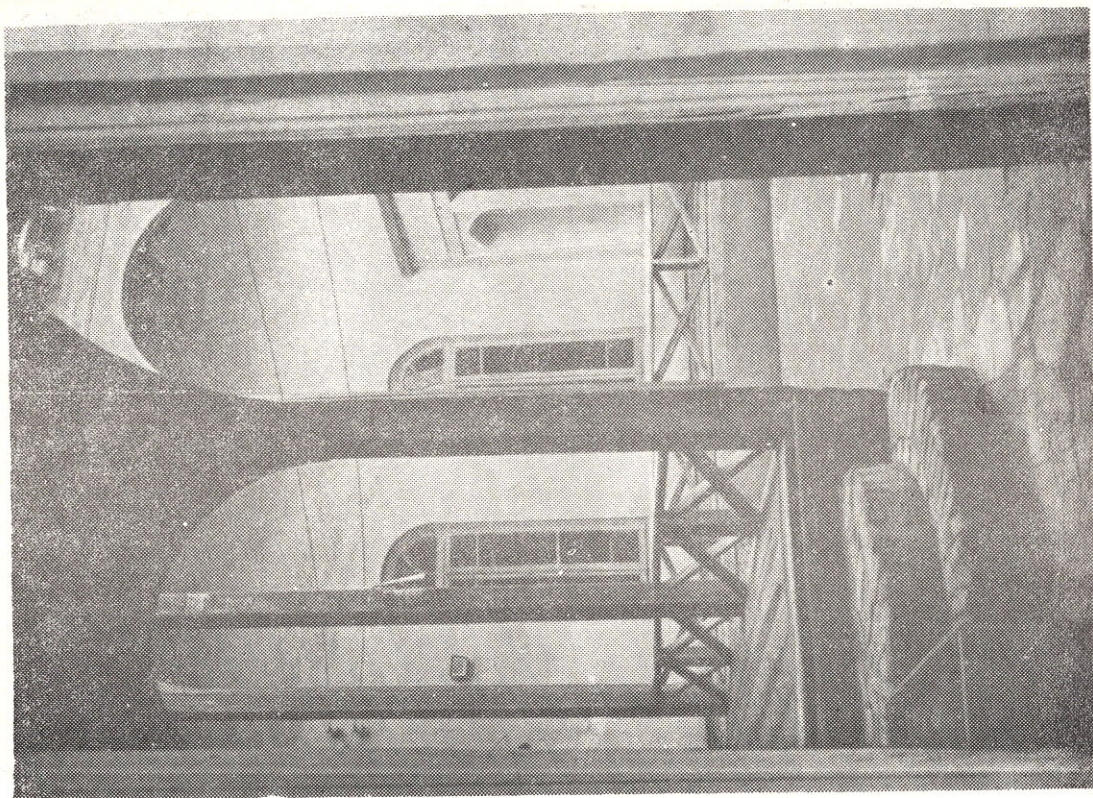

Рис. 42. Дворик кушбег, где раньше жили приезжавшие русские.

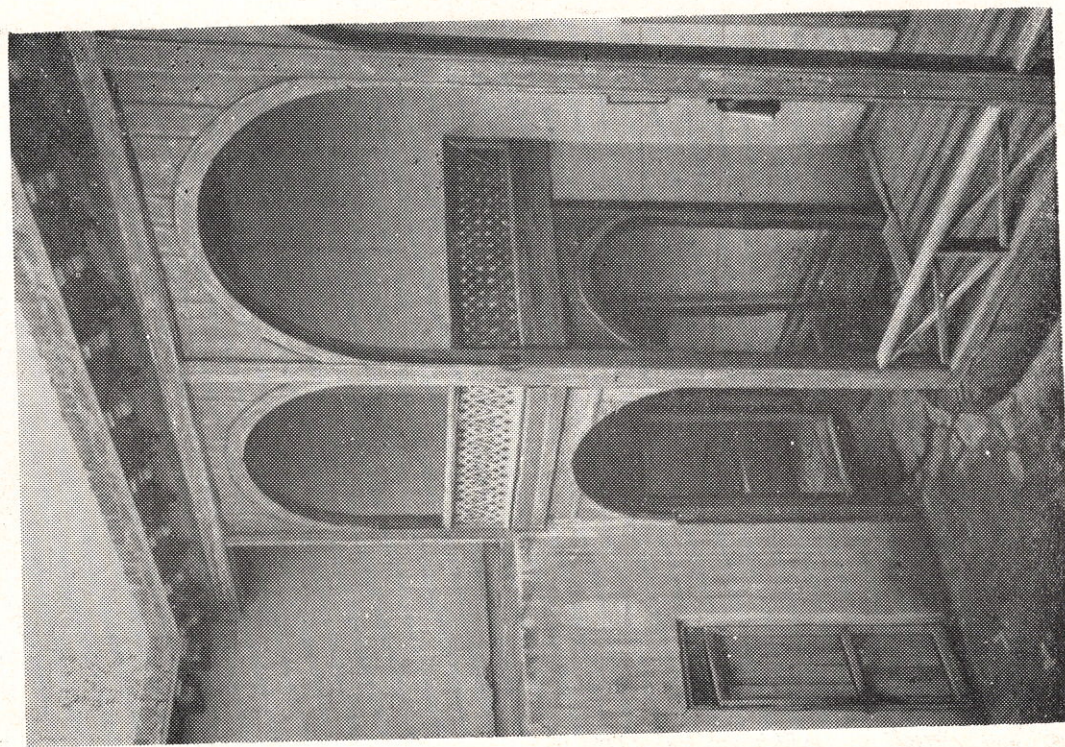
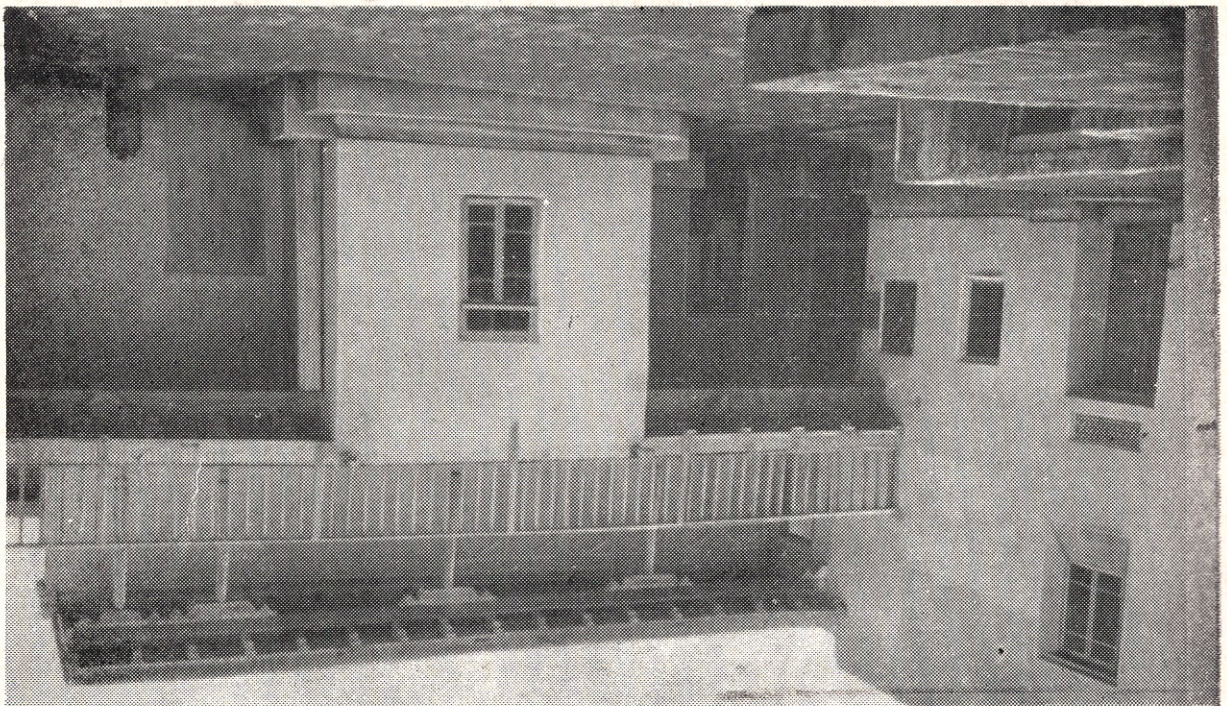

Рис. 43. Юго-восточный угол двора кушбег, где раньше жили русские.

Рис. 45. Двор кышбегги, юго-восточный угол.

Рис. 44. Двор кышбегги, западная часть.

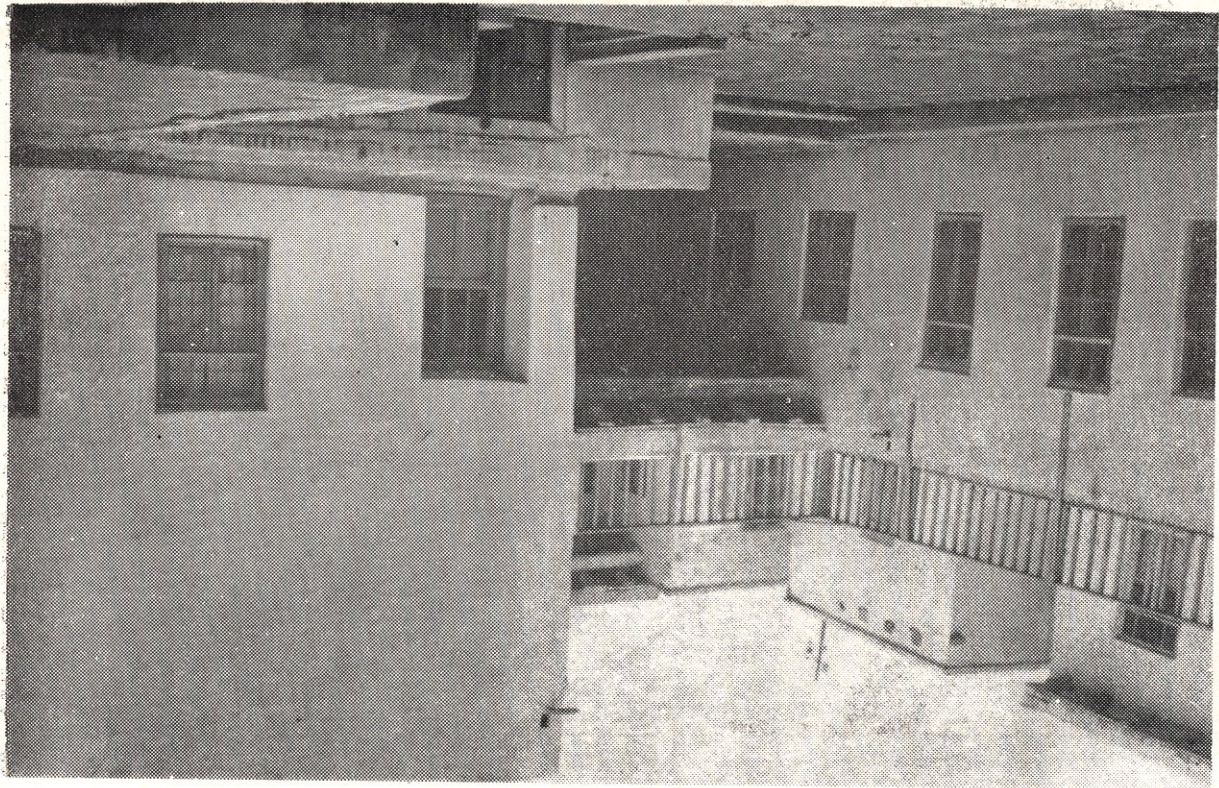

Рис. 46: Двор кышбери, северо-восточный угол.

арк.

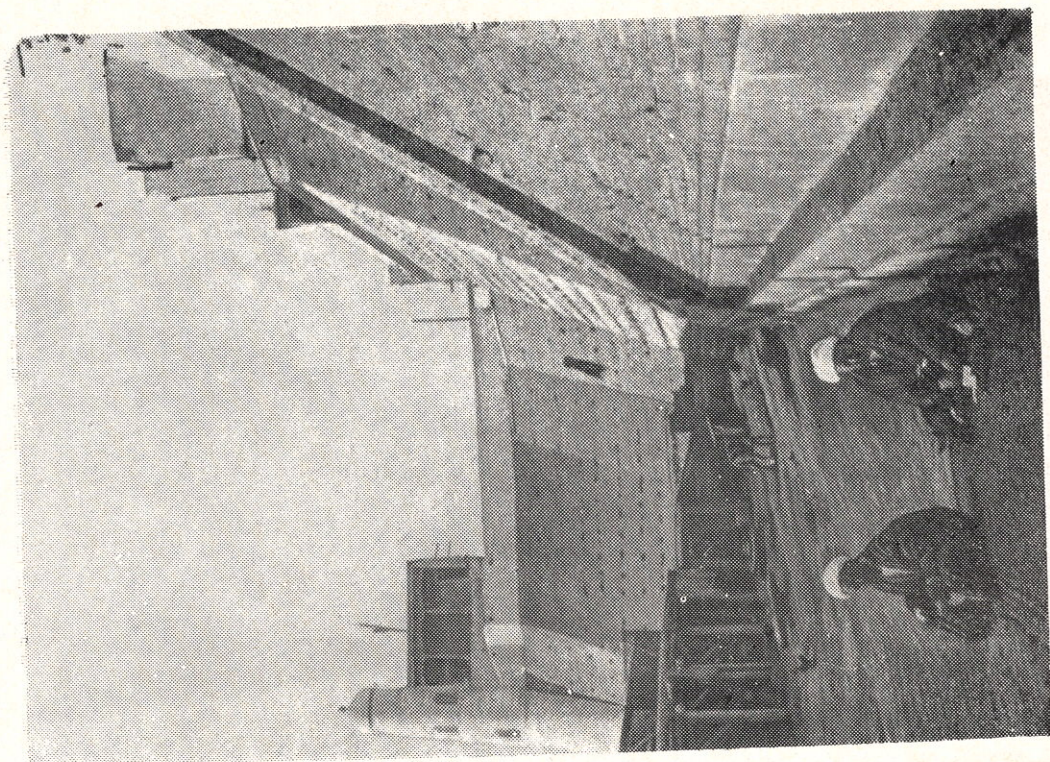

Рис. 48. Часть стены арка, прилегающая с юга к входу в арк.

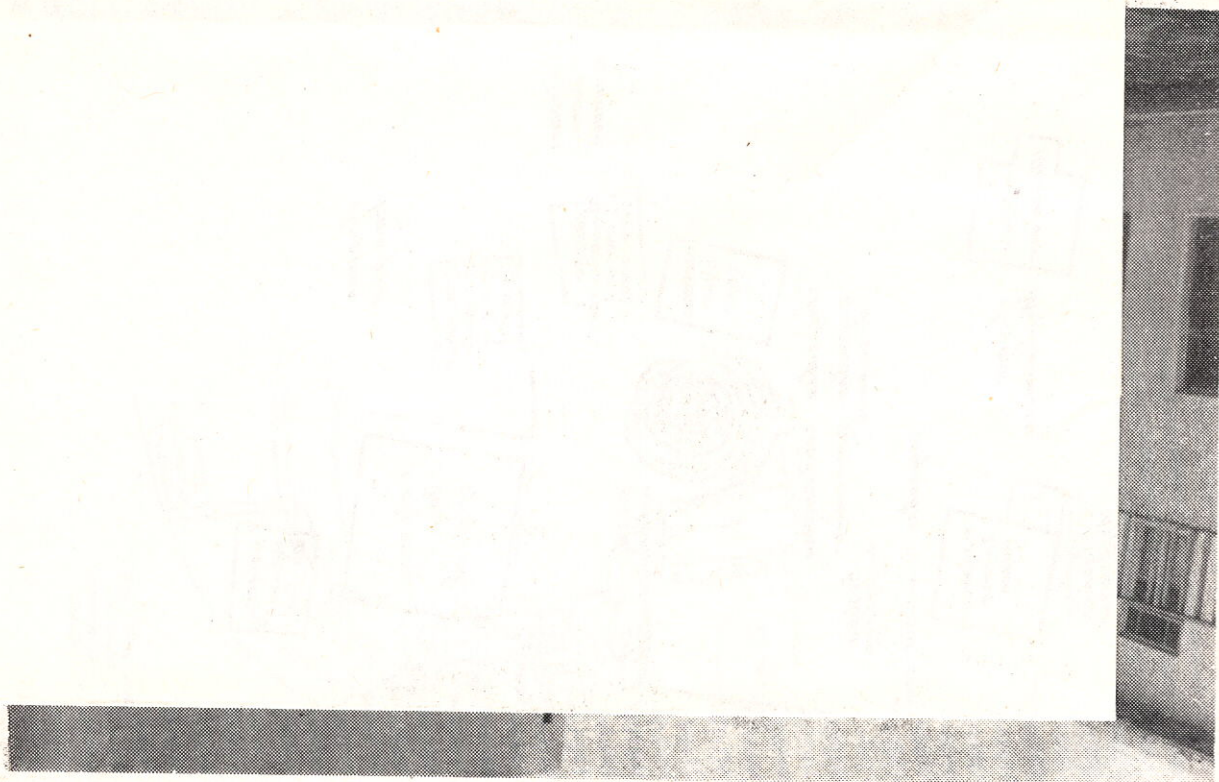

Рис. 50. Загородный дворец Ситорабу Махи хоса. Общий вид нового здания.

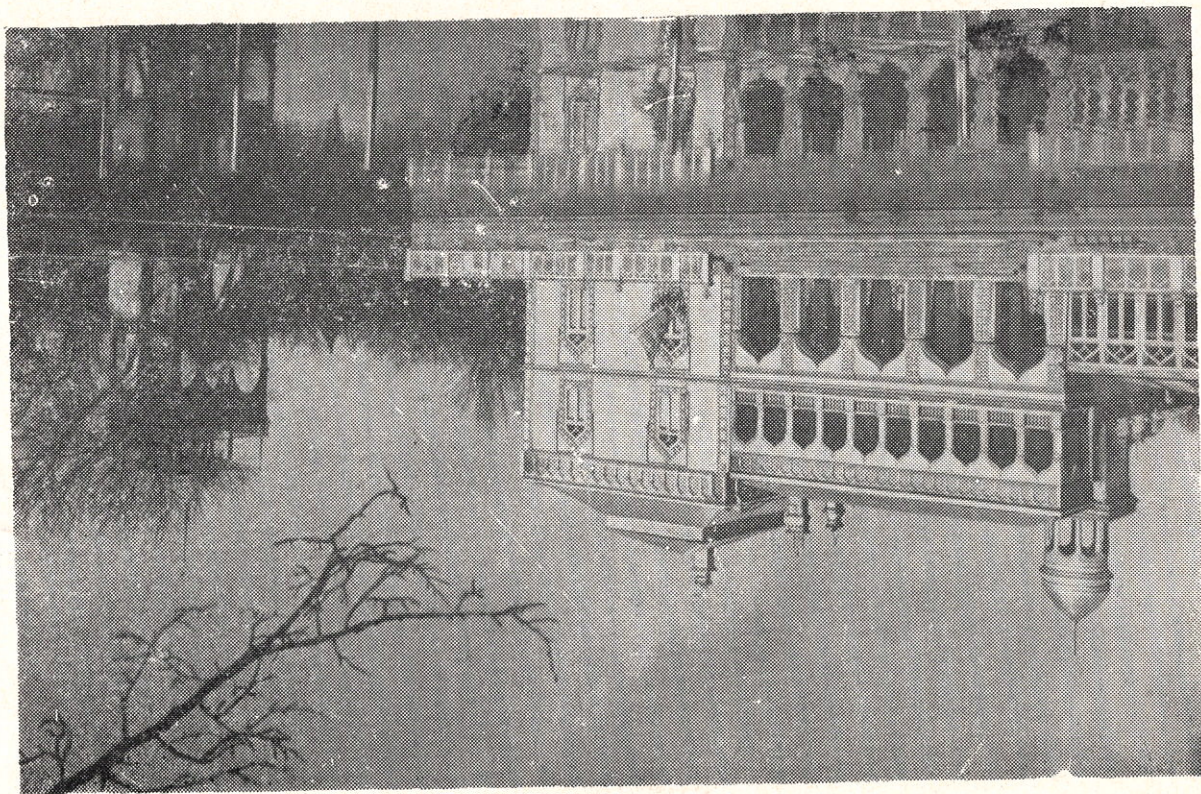
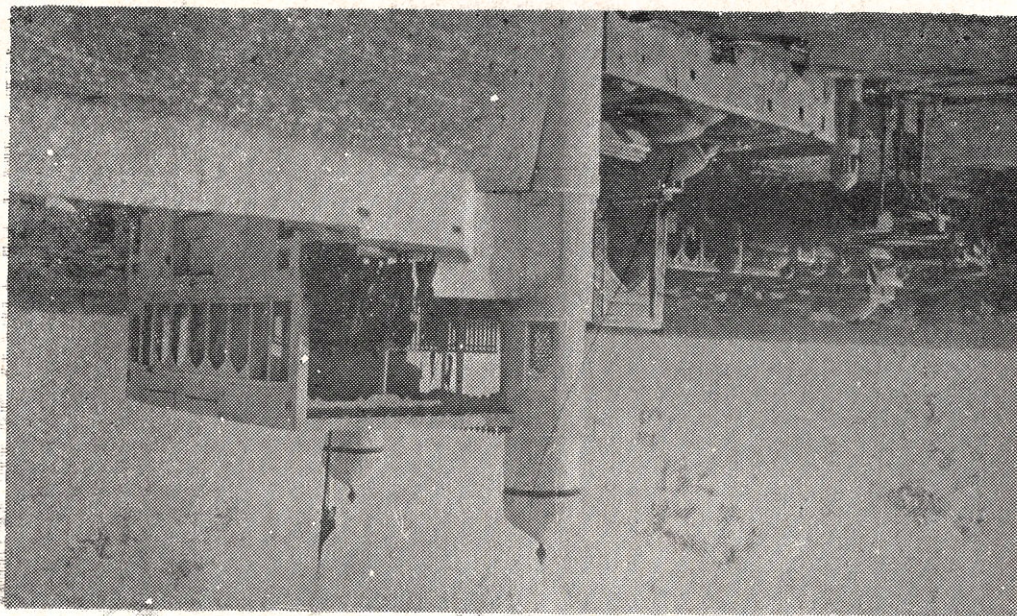

Рис. 49. Вид с балкона около саомхонь на северо-восточную часть площади Регистан.

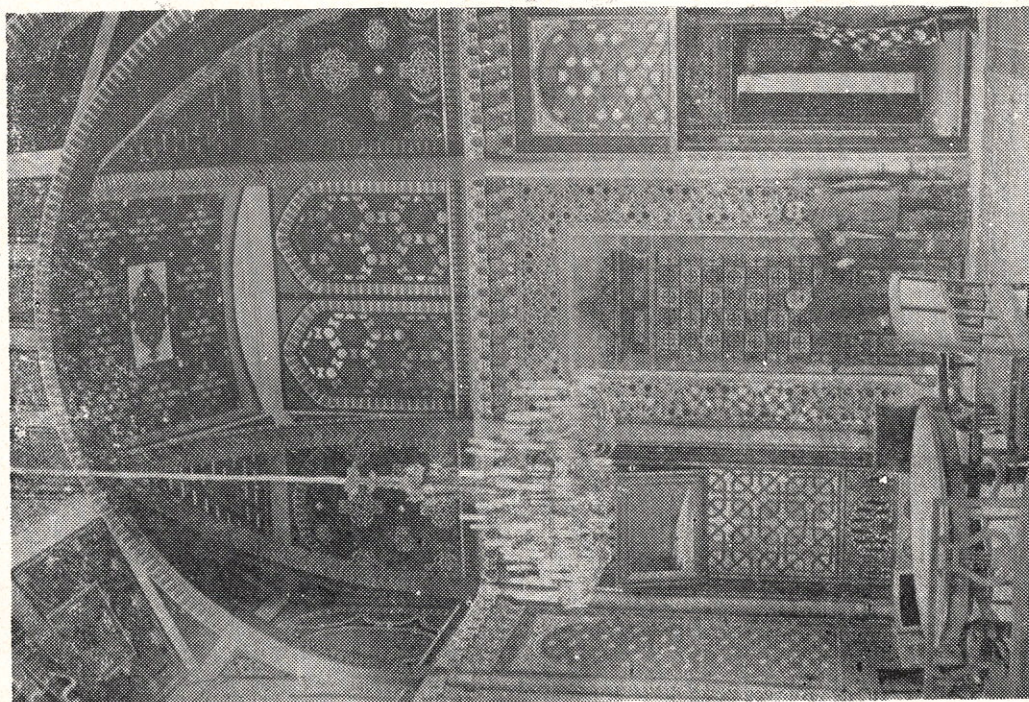

Рис. 51. Архитектурный декор в новом здании Ситорау
Махи хоса.

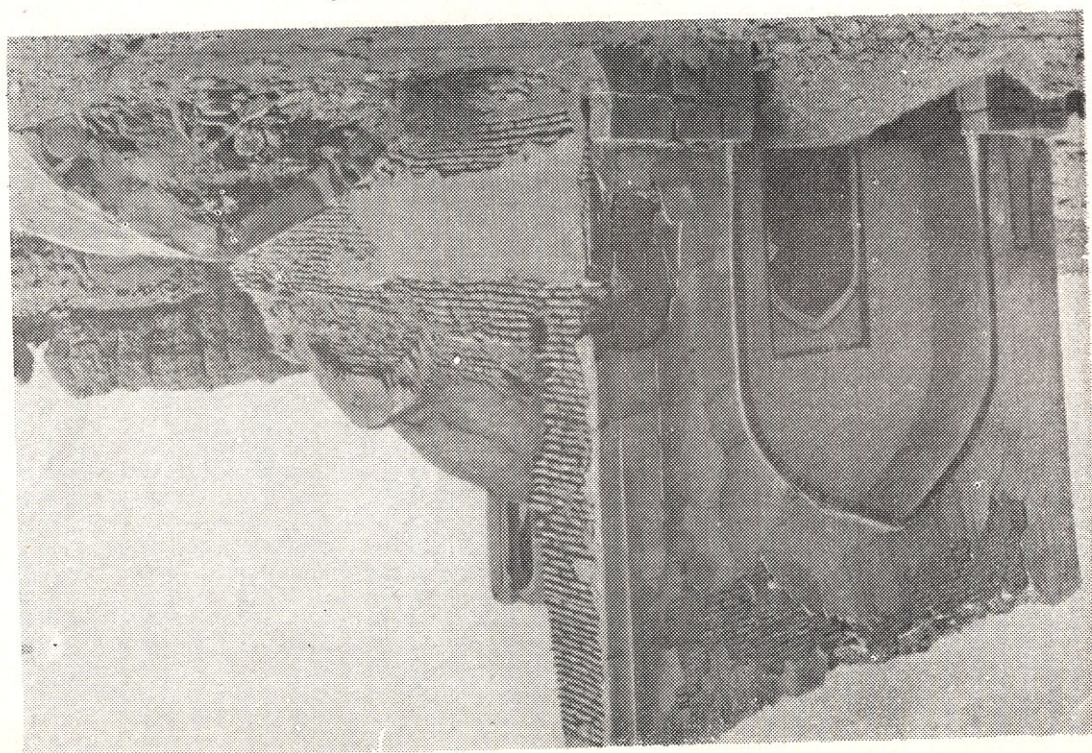

Рис. 52. Архитектурный декор в новом здании Ситорау
Махи хоса.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Приведенные в книге фотографии выполнены: № 15, 16, 29, 32, 40 — М.С. Андреевым в 1940-1941 гг.; № 22, 23, 25, 26 — Х.И. Дасаевым в 1963 г.; № 49-51 — И.П. Завалиным, в первые десятилетия после революции; № 8-11, 13, 14, 17, 18, 21, 42-45 — Е.Н. Юдиным; № 6, 7, 19, 27, 28, 36, 41, 48 заимствованы из фототеки Главного Управления по охране памятников УзССР (ГУПОУ).¹

Рис.1. Сводный план бухарского арка, составленный в 1962 г. под руководством О.Д. Чекович архитектором Е.К. Вадикшиным на основании рабочих планов экспедиции 1940-1941 гг. Некоторые уточнения и исправления внесены в 1963 г. под руководством А.К. Писарчик архитектором А.С. Яковлевым.

Рис.2. План арка Бухары. Геодезическая съемка, выполненная в 1927 г. топографами Бреде и Моранги по заданию Средазкомстариса, под руководством М.Е. Массона.

Рис.3. План вторых этажей западной части арка из архива Инвентаризационного бюро при горотделе коммунального хозяйства г. Старой Бухары.

Рис.4. План подвалов и въезда в бухарский арк из архива Инвентаризационного бюро при горотделе коммунального хозяйства г. Старой Бухары.

Рис.5. Общий вид центральной части арка со входом в начале XIX в. (журн. "Сибирский вестник", СПб., 1823, ч.1, стр.12).

Рис.6. Общий вид арка и части площади Регистан перед ним. Фото конца XIX- начала XX в. На верхнем аяване нагоратоны над воротами видны большие часы. Наверху слева на заднем плане виден край айвана мечети Джами в арке, без стелактитовых капителей колонн, следянных во время последней перестройки мечети при эмире Алим-хане (1910-1920 гг.). Через пандус "тахтауль" поперек протянута цепь, что означает, что пока приема в арке нет. Перед входом в арк слева медресе Дор ан-шифо, справа — мечеть Поняца. Фототека ГУПОУ УзССР № 4204
39-6.

¹ Негативы фото М.С. Андреева, Х.И. Дасаева, И.П. Завалина и Е.Н. Юдиного находятся в фототеке сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР и имеют перед номером помету ИИ.

Рис. 7. Общий вид арка в первые десятилетия после установления Советской власти. Слева медресе Дор ал-шифо, справа мечеть Пондла. Фотоготека ГУПОП Уз. № 4406

Рис. 8. Общий вид арка, в котором находится Бухарский музей. 1962 г. ИИ № 70-1.

Рис. 9. Арка в боковой южной стенке панюса, ведущего к входным воротам. Справа кольцо "пештока", к которому привязывалась цепь, протягиваемая поперек панюса перед приемом у эмира. ИИ № 70-2.

Рис. 10. Небольшая дверка в южном полотнище входных ворот арка. ИИ № 70-5.

Рис. 11. "Нагорахона" - сооружение над входными воротами арка. Вид со двора "саихона". ИИ № 70-6.

Рис. 12. План "нагорахона".

Рис. 13. Барабан "нагора" (экспозиция Бухарского музея). ИИ № 70-7.

Рис. 14. "Долон" - проход от ворот внутрь арка. Слева посреднее, в нише с наличником в форме стрельчатой арки 15 находится бунчук - "туг" и горел светильник в честь Сиявуша. В центре на заднем плане ниша 14 (заборная застекленной рамой, теперь здесь находится касса музея); в ней раньше у входа в арк сидели кучбеги и тупчи-боши. Снимок сделан со стороны внутренней арка, с площадки перед бывшими помещениями тупчибоши. ИИ № 70-8.

Рис. 15. Часть улочки 16 - от купола "сакляв" 23 до мечети Джоми 19. Справа под куполом сакляв - дверь в коронационный двор, дальше справа (напротив столба) - улочка 151, ведущая к помещениям купобеги. На заднем плане прямо восточный айван мечети Джоми. ИИ № 27-131.

Рис. 16. Мечеть Джоми в арке. Южный и восточный (справа) айваны. На заднем плане виден большой прямоугольный сосуд - "Ясли Руотама". ИИ № 27-130.

Рис. 17. Сталактитовые капители колонн южного айвана мечети, сделанные в 1910-1920 гг. ИИ № 70-10.

Рис. 18. Остатки "Камень Рустама" на северном айване мечети Джоми. 1962 г. ИИ № 70-11.

Рис. 19. "Камень Рустама" и "Ясли Рустама" на айване мечети Джоми в арке в первые десятилетия после революции. Фотоготека ГУПОП Уз. № 43-4.

Рис. 20. Схема плана западной части арка, где находились помещения эмира, с показанием пути, по которому попадали в свои апартаменты эмир и проходили во двор "саломхона" приближенные, представлявшие эмиру.

Рис. 21. Двор "саломхона". Прямо помещение саломхона 33 (перед правым крайним окном сидел эмир во время приема); лестница слева ведет в лагиз 34 перед саломхоной; под лестницей - вход в подвал 916. Слева слегка выступает арка с дверью 32, ведущей из "корихона" во двор саломхона. Справа длинный узкий навес - нимайвон 31. ИИ № 70-13.

Рис. 22. Северо-западный угол двора "саломхона". Слева 6. помещение бугчабардора 30 (теперь экскурсоводческий отдел музея), справа край канцелярии музея, построенной на месте помещений дарбона и удайчи 27 и 28. ИИ № 70-28.

Рис. 23. Балкон с металлической узорной решеткой по краю западной стены арка, установленной в конце XIX-начале XX в. За ним (справа на лево) западные стены спальни эмира 36 и саломхона, перед которой, напротив бывшего здесь окна, находится оводчатый распашной навес-балдахин. ИИ № 70-91.

Рис. 24. Анонимная записка "О порядке мест в благородной Бухаре". ИИ № 70-58.

Рис. 25. Юго-восточный угол конического двора "саихона хоса" 41; фнт. "а" - вход в подвальное хранилище ковров - "колихона" 42 (перед ним раньше был айван); фнт. "б" - бывшие помещения дарбона и удайчи 27 и 28; фнт. "в" - помещения второго этажа 75 "а", "б", "в", над корихоной 73; фнт. "г" - "фарошхона" 44; фнт. "д" - второй этаж над фаррошхоной, 6. помещение бугчабардора 30; фнт. "е" - саломхона 35. ИИ № 70-24.

Рис. 26. Северо-восточная часть бывшего двора "саихона хоса". Внизу помещения 45-49, наверху веранда 55 и за ней помещения 56-62; справа дверь 40, соединявшая саихона с проходом под куполом сакляв; справа на заднем плане виден край айвана в коронационном дворе. ИИ № 70-26.

Рис. 27. Портал над входом в коронационный двор и стенка "гуломтард" перед ним во дворе (снимок со стороны северного айвана коронационного двора). Фотоготека ГУПОП Уз.

Рис. 28. Северный (слева) и восточный айван коронационного двора, с тронном под специальным балдахинном. Снимок первых десятилетий после революции. Фотоготека ГУПОП Уз. № 43-4.

- Рис. 45. Двор кумбег 163, юго-восточный угол и суфа перед помещением 167-170. ИИ № 70-18.
- Рис. 46. Двор кумбег 163, северо-восточный угол; слева помещения 6, капитель 174-175, в глубине проход 172, ведущий в "мёнхав-ли" кумбег 179, справа - далаз 170 и приемная кумбег 169. ИИ № 70-17.
- Рис. 47. Схематический план площади Регистан.
- Рис. 48. Часть стены арка, прилегающая с юга к входу в арку, облицованная жемчужным кирпичом, справа небольшие айваны, прилегающие с востока к мечети Понзда; здесь до революции стояли пушки. Фотогика ГУПОП Уз. № 4407.
- Рис. 49. Вид с балкона около саломакони на северную часть площади Регистан. На первом плане справа восточная и южная стены нагорных, перед нагорной видна крыша медресе Дюр ам-шифо, дальние фасад медресе Бозора Гуснази и, еще левее, купол мечети Усто Руки. ИИ № 21-484.
- Рис. 50. Загородный дворец Ситорау Махи хоса. Общий вид нового здания. ИИ № 21-586.
- Рис. 51. Архитектурный декор в одном из помещений нового здания в Ситорау Махи хоса. ИИ № 21-589.
- Рис. 52. Архитектурный декор в одном из помещений нового здания в Ситорау Махи хоса. ИИ № 21-593.

- Рис. 29. Колны написей на троне и мраморных колоннах по его углам.
- Рис. 30. Рабочий план помещений, расположенных к югу от двора "мёнхавли амр" 78.
- Рис. 31. Рабочий план помещений в юго-западной части арка.
- Рис. 32. Рабочий план урд, расположенных к востоку от тронного зала и "мёнхавли" амра. По-видимому, составлен на основании плана Иброгима Хоёмова.
- Рис. 33. Мечеть Хонако в арке. ИИ № 27-127.
- Рис. 34. Рабочий план помещений в юго-восточном углу арка.
- Рис. 35. Рабочий план помещений в восточной части арка. План очень подробный, составлен, по-видимому, на основании какого-то старого плана (Иброгима Хоёмова?).
- Рис. 36. Улуча 18, огибающая мечеть Джоми. Справа северное крыло айвана мечети, за ним стена бывшего монетного двора (высоты двухэтажного помещения); прямо двухэтажное помещения монетного двора и пиверных мастерских; слева двухэтажное помещения ремонтных мастерских "капихона" 130, за которыми улуча 18 поворачивает влево и выходит на дорогу вдоль наружной стены арка. Снимок первых метрических после революции. Фотогика ГУПОП Уз. № 7909.
- Рис. 37. Рабочий план помещений в "капихона" 130.
- Рис. 38. Рабочий план помещений, находящихся к северу от урд кумбег.
- Рис. 39. Рабочий план халифа Носир-хана и прилегающих к нему построек.
- Рис. 40. Мазар Баттол-гози в северо-восточном углу арка. ИИ № 27-129.
- Рис. 41. Один из участков улицы, идущей вдоль стены, окружающей арку. Снимок первых десятилетий после революции. Фотогика ГУПОП Уз. № 7908.
- Рис. 42. Вид через дверь 154 на дворик 156 в комплексе помещений кумбег, где раньше жили приезжавшие русские представители. ИИ № 70-14.
- Рис. 43. Юго-восточный угол дворика 156 и дверь 154. ИИ № 70-15.
- Рис. 44. Двор кумбег 163; западная часть. Слева проход 153 и дверь 154, ведущая во дворик 156; в центре - стена помещения 164, с окном посредине, где находился телефонный аппарат, а справа, в северо-западном углу, проход к хозяйственным помещениям 189-190 и к ошхоне (дверь не видна). ИИ № 70-16.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абдукодир-бек, тулчибоши лш-кар 75
 Абдулазиз-хан (1645-1680) 14, 26
 Абдулазиз-хана медресе 87
 Абдулазиз-хана хонако 87
 Абдулахад-хан (1885-1910) II, 14, 15, 22, 24, 25, 27, 37, 38, 40, 41, 46-49, 51, 53, 62-67, 71, 74-76, 91, 99, 100, 102, 103-107, 114, 117-121, 124-126, 128, 131, 132, 134-137
 Абдолгози, мавзолей 14
 Абдулкарим Бухори 15
 Абдулкодир 123
 Абдулло II (1583-1598) 25
 Абдулмумин, брат Абдулахад-хана 64
 Абдурахманов 82
 Абдурахмон Толи 41
 Абдусалом, усто 30
 Абдуфаттох, мирзо, каллиграф 43
 Абдушукур, мулло садр, кози-калон 47
 Абдуфайыз-хан (1711-1747) 14, 15
 Абдухасан Нинапур 13
 Абу Наср Кубави 13
 Адылов Ибадулла 22, 76, 86
 Азал-дошко, мулло 123
 Азмибой-бий 123
 Азмибой-туксабо 106
 Азми-хан, брат Абдулахад-хана 65
 Амин Садралдин 15, 22, 25, 35, 36, 86, 88, 103, 121
 Акрам-бек, тулчибоши 135
 Али, халиф 14, 31
 Али-хан (1910-1920) 12, 30, 38, 46-49, 62, 63, 65, 67, 73, 75, 76, 82, 91, 94, 103, 104-107, 109, 124-126, 132, 135
 Алтегин 13
 Аму-Дарья 112
 Андреев М.С. 4-8, 10, 62, 66, 72, 86-88, 137
 Арабов Джура-бек 73
 Араб-хан 65, 76
 Арки баста 25
 Арслан-хан Караханид (II02-II30) 13
 Афганистан 91, 110
 Афроснаб 29
 Ахмад, джуйбарский холма 106
 Ахмади Донни 15
 Ахмад-ходжа, сулур 48
 Бако-ходжа, мулло, кози-калон, садр 46, 48
 Барот-бек 85
 Бартольд В.В. 100, 118
 Баттолгози, мазар, мавзолей, 14, 76
 Баговалдина мазар 126
 Бенарес 46
 Бадун Бухар-хулат 13
 Бозори гусфанд, медресе 87
 Бозори мардикор 87
 Бозори одам 87
 Бозори ресмон 88
 Бой-Махмад, охунд, Домулло 48
 Бойсун 64
 Болохауз, медресе 19, 87
 Болохауз, хауз 87
 Болохауз, хонако 87
 Борис 110
 Бреде 6
 Буре, фабрикант часов 116
 Бурш, усто 30, 42

Бурговалдин Али ал-Маргинани 23
 Бухарская народная республика 18, 74, 76
 Бухар-хулат 13
 Бачковский 18
 Вахент 88, 105, 121, 139
 Видякин Е.К. 6, 7
 Виткевич 17
 Вревский 73
 Газган 42
 Галасиоб 75
 Гаукушон 119
 Гаухар 126
 Гафур, усто 30
 Гамбуван 88, 121
 Гисар 17, 37
 Гольдберг Н.М. 7
 Гончарова П.А. 139
 Гузар 64
 Гузори чорчмак 20
 Гума, птица-феникс 103
 Джамиш, конь Абдулахад-хана 37
 Джоми, мечеть 18, 21, 30, 65, 68, 72
 Джондор, местность 88
 Джон-мирзо, кушбегм 79
 Джура-бек Арабов 73
 Джура-маскарабов 138
 Дилькушо, сад 73, 119
 Додонов И.К. 10
 Домулло Бой-Махмад, охунд 48
 Дор ал-шифо, медресе 14, 87, 88
 Дуль-Дуль, кози Али 31
 Душанде 5
 Евселевич Ф.В. 10, 17
 Ёри-кул 105
 Зандави, местность 88
 Зарифром, купол 87
 Зеравшан 75, 119
 Зияуддин 100, 119
 Иброгим Хойзлов, усто 5, 6, 9, 10, 20, 22, 28, 29, 64, 68, 71, 77, 86
 Иброгимча 107
 Иванов В. 5
 Иброхим Дж. 66, 67
 Индия 91, 95, 100-101, 110
 Иран 30
 Исандаров Б.И. 82
 Кабаклы, местность 49
 Каган, г. 79
 Кайкавус 13
 Кали Шароф 105
 Калон, мечеть 141
 Каракуль 88, 105
 Каратаев 28
 Кари, сад 53, 119
 Карши 23, 48, 74, 112, 116
 Кашгар 123
 Кенмех 119
 Кералия 30
 Керзон 101
 Кермине 17, 53, 54, 66, 69, 90, 91, 112, 114, 115, 117, 119, 121, 131, 132, 134, 139
 Китаб 17
 Кобеко Т.С. 73
 Кодиркул-бек, ясаул 105
 Колесов Ф. 81, 83
 Корн-туксабо 74
 Костенко Л.Ф. 28
 Кофилон, хавли 65, 119
 Крестовский 100
 Кубани Абу Наср Ахмад 13

Кулмашар 131
 Кутгон 43
 Кун В.Н. 10
 Кутбидин, мулла 73
 Лекин В.И. 16
 Лисак, хауз 14, 20
 Локат, местность 37
 Лукман Хаким III
 Лукин Б.В. 8
 Локм хаузи Мирзо Гафур 75
 Мавраннахр 136
 Махмуд Кахшани 83
 Мадрасан гуфанд 87
 Мад-Итис-бий, михрурбон 106,
 123
 Майда-Муктор 22
 Малк, местность 131
 Массон М.Е. 6, 72
 Махмуд, мулло, тулчибон 137
 Мазсум, эмир 77
 Мирбахром, усто 29, 30, 31, 72, 74
 Мирзо, кушбег 84
 Мирзо, сад 119
 Мирзо Абдуфаттох, каллиграф 43
 Мирзо Икром, тайный агент поли-
 ции 68
 Мирзо Насрулло, кушбег 48, 85
 Мирзо Рахматулло, мирзон даф-
 тардор 113
 Мирзо Салим-бек 15
 Мирзо Шамс Бухари 15
 Мир Мухаммад Алим Бухари 15
 Моракки 6
 Мохон, озеро 105
 Музаффар-хан (1860-1885) 14, 15,
 20, 22, 24, 37, 48, 53, 63, 64, 76, 77,
 79, 100, 106, 124, 131

Мулло Абдулмукур, садр, возм-ка-
 лон 47
 Мулло Азат-донко 123
 Мулло Бако-хон, садр, возм-калон
 48
 Мулло Махмуд, тулчибон 137
 Мулло Мухаммад, кушбег 47
 Мулло Назир-урак 106, 123
 Мурод-Палван 105
 Мухаммад Вафо, Мухаммад Вафои
 Карминави 15
 Мухаммад, мулло, кушбег 47
 Мухаммад Нарзак 13, 86
 Мухаммад Рахим-хан (1756-1758)
 14, 15, 48, 76
 Мухаммад Хорезмшах 13
 Мухаммад Шариф 15
 Мухаммад Якуб Бухари 15
 Мухидинов Зукруддин 36
 Мухтаров А.М. 17, 35
 Назри-урак, мулло 106, 123
 Намозго, сад 119
 Нарзак 13, 29, 30
 Насрулло, Насрулла-хан (1826-
 1860) 15, 59, 137
 Низомиддин Урганджи, кушбег 82
 Николой (П) 82
 Нимабури ал-Хасан 13
 Носир, тайный агент полиции 68
 Носир-хон, Носир-хан-гура 14, 41,
 59, 65, 76, 79
 Нуз-Ата 42, 94, 112
 Нурджанов Н. 139
 Олчин, сад в окрестностях Кермине
 119, 127
 Остонакул-бек, кушбег 72, 79, 84
 Охрид Домулло Бой-Махмуд 48

Охрид Домулло Ориф-хон 47
 Охрид Рустам 31
 Оя-Мирзо 67
 Пай-Али 105
 Печ-Абдул 133
 Печ-Ар 31, 110
 Печ-Азиз Е.М. 19
 Печ-Али Рустам 31
 Писарик А.К. 7, 8, 30, 94
 Поянда агадзка мечеть 15, 23,
 86-88
 Поянда-бий 86
 Пявиз 134
 Рахим-хан 14, 15, 46, 47, 55-58
 Рамизан 4, 14, 16, 17, 19, 21, 27,
 28, 33, 58, 86, 87, 122, 140, 142
 Решель Д.И. 9, 10
 Российское политическое агент-
 во 39, 41, 81
 Россия 54, 55, 72, 74, 117, 128, 134
 Русина Н.В. 10, 11
 Рустам (Плеть Рустама, Камень
 Рустама, Ясли Рустама, чаша Ру-
 стама) 31, 88
 Руслан 129
 Саали, усто 74
 Сайид Багдод-гози, назар 18
 Салим-бек 15
 Салим-Султан, местность 119
 Самарканд 43
 Санги Рустам 31
 Семенов А.А. 36, 100, 119
 Слени Джугуд, сад 119
 Ситораку Махи хоса (разг. Ситора
 махоса), пригородный дворец 53,
 62, 79, 89, 91, 109, 119, 122, 127, 132
 Слявуш (Слэвуш Вали) 13, 29, 30
 Содик-хан, брат Абдулмал-хана 65
 Сохона 66,
 Соломон 103
 Струченко Б
 Субханкул-хан (1680-1702) 14,
 30, 41
 Сулаков С.А. 5, 6
 Султановол 119
 Тавсанак, сад 119
 Ташкент 6, 87
 Тон-Хупрук, сад 119
 Тукумдуз, баня 24
 Турамурад Хоржи Каиров 137
 Тутубон 65
 Удубек 13
 Удуг-хон 47
 Уминков И.И. 25
 Ура-Тобе 131
 Урганджи Низомиддин, кушбег 82
 Урдам Духтарон 64
 Урдам Зарингор 63, 68
 Урдам Зебеча 63, 68
 Урдам Калон 63, 66, 67, 77, 127
 Урдам Кунджак 68
 Урдам Миёна 66
 Урдам Нав 63, 68
 Урдам Накшин 63, 68
 Урдам Носир-хон 76
 Урдам Пеша 68
 Урдам Хаммом 60, 61, 63
 Урдам Хонако 63, 64, 68
 Урдам Хоса 58, 66, 68
 Усмон-хонжа, миршаб 102
 Усто Абдусалом 30
 Усто Бурж 30, 42
 Усто Гафур 30
 Усто Иброгим Хойизов 5, 6, 9, 10, 20
 22, 28, 29, 64, 68, 71, 77, 86

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Усто Мирбахром 29, 30, 31, 72, 74
Усто Гули, мечеть 87
Усто Саади 74
Усто Ширин Муродов 22, 30
Уткин В.П. 15, 82
Фергана 123
Фундизе М.Ф. 16
Хайбулла-хан, эмир айванский (1901-1919) 91, 106
Хавили Кофилон 65, 119
Хазрати имом, ворота 87
Хайдар, эмир (1800-1825) 14, 136
Хайдаркул Чунка 103
Хайробод 119
Ходжа Никол, медресе 20, 87
Ходжи-Бурхон, бухчабардор 82
Ходжи-Латиф, девонбети 83
Ходжи Файзулло-хазиначи 51
Хомрабат 131
Хонако, мечеть 18, 61, 64, 65
Хонако Абдулазиз-хана 87
Хонаком-Болохауз 87
Хорезм 138
Хорезмшах 13
Хоса, сад 119
Ходжов Иброгим см. Иброгим Ходжов
Хусайн-ших, торговец одеждой 115
Хусейн, сын Али 30
Чармгар, сад в Кермине 54, 55, 119
Чет-Арнх 41
Чехович О.Д. 4-8, 10, 11
Чильдухтарон, мечеть 14, 75, 76
Чорбоки Гуль, сад 119
Чорбоки Нарвозан Самарканд 119
Чорбоки Мирзо 119
Чорбоки Намозго 119
Чорбоки Хоса 119
Чорсу 141
Чор чаман 14
Шарифджон-махдум 15
Шайриган 88
Шахрисабз 45, 53
Шахрульслам, местность 88
Ширбулук, Ширфадан, сад 23, 53, 62, 79, 119, 121, 127
Ширин Муродов, усто 22, 30
Ширин В.А. 139
Шолим-боя медресе 87
Шох-Мурод (1785-1800) 14
Шадмашев М.Д. 94
Сулопов, купец 73, 110
Сулопов М.С. 5, 9, 10, 11, 29, 113
Ягноб 141
Яккабаг 17
Яковлев А.С. 7
Якуб Бухари 15
Атолик (агалик) 40, 101
Азан (азон) 63, 92, 124
Айван (айвон) 14, 30, 31, 33, 40-43, 50, 58, 59, 69, 70, 72, 74, 76, 84, 87
Айвонча 33
Айвончан фаршонбети 37, 39
Аксакал (оқсақал) 34, 49, 97, 115, 141, 142
Амалдор 35, 36, 49, 54, 55, 59, 96, 108
Амин 88
Амлок 119
Амлоктор 101
Ангилит 61
Арбоб 137
Арза 78, 113
Арза, арза 78, 113
Арк 17
Арзабарди 113
Арзан джумаги 128
Арзан миянкайра (хайта) 130
Арзан шукрона 117
Арзачи, арзачи 78, 130
Асо 44
Асп партофан 131
Асп: намози асп 28, 95, 111, 112
Атолик (агалик) 21, 36
Агтор 140
Ашуля (ашула) 124
Аълям (аълам) 36, 45, 46, 48, 101
Бази 122
Бази хоса 59, 122
Баковул 40
Банорас 46
Барнон (барнон) 64
Бахрин (бахрин) 46
Бек 100, 119
Берун 70, 75
Бий 35, 36, 53, 113
Билиск 33, 34, 56
Богча (богча) 14
Боммжон-кабоб 108
Бой-бача 141, 142
Болор 39, 42, 122
Бологона 111
Бомлод: намози бомлод 19, 33, 90, 91, 93, 128
Борхона 51-53, 59, 60
Борхонам рикоб 53
Бурдак 60
Бутча, бутча (бутча) 98
Бутчабардор, бутчабардор 33, 39, 82, 89, 90, 101, 104, 121
Бутчагона (бутчагона) 36, 57, 59
Вали 29
Васлика (васлика) 10
Васса 42
Воджиб 53
Вокнаванго (воқнаванго) 69, 97
Волида 66
Газабхона (газабхона) 15
Гарем (ҳарам) 18, 20, 62, 63, 67, 125, 127
Гилжак 122
Гилжурин 22
Гилкор 70, 71
Гирён казок (казок) 123
Голлоб (ғоллоб) 35, 122
Гуджум 25

Гузар 25, 97, 126, 142
 Гулах 24
 Гулом (ғулом) 137
 Гулдаста 22, 27
 Гуломбача (ғуломбача) 19, 62, 63, 137
 Гуломгард (ғуломгард) 32, 33, 36, 41
 Гумбаз 26
 Гуслона (ғуслона) 66
 Гыз (гыз) 34, 66, 67
 Даври (даврий) 133
 Дарбон 32, 34, 67, 84, 95, 97-99, 108, 113, 114, 129
 Дарбонхона 32, 33
 Дарвоза 25
 Дарвозахона 97
 Дарви (дарви) 36
 Дари сайсломнаи хоа 37
 Дари саломхона 31, 32
 Дарича 57
 Дарун 70, 75
 Даста 45, 46, 136
 Дастархончи 93, 94, 108
 Дайтар 54
 Дайтардор: мирзои дайтардор 39
 Дахлиз (дахлез) 36, 40, 57, 59, 60, 63, 69, 79, 80, 84, 89
 Дахлизча (дахлезча) 60
 Дахьяк (дахьяк) 28
 Девонбегӣ 19, 36, 61, 75, 79, 81, 83, 85, 96, 108
 Девонбегии калон 36
 Девонбегии рикоб 98, 115
 Дектапази 97, 106-108
 Джабборчи (чабборчи) 35
 Джаббед 26
 Джадид 74
 Джалаир 46
 Джамоа 59, 97, 108, 123
 Дживачи (чевачи), дживочи 35, 36, 54, 71, 73
 Джигар 93
 Джилив (чилиав) 34
 Джиляхона (чилияхона) 15, 21
 Джома 97
 Джулус 44
 Диванбегии см. Девонбегӣ
 Долархон 89
 Долхо (долхо) 36, 53
 Доира 114, 123
 Дойрадаст 122, 123
 Долон 18, 19, 21, 22, 26, 28-30, 32, 40, 41, 68, 69
 Доманрас 125
 Доманнорас 125
 Домбра (думбра) 114
 Дорухона 65
 Дошхона 60
 Думбалаур 23, 75, 82, 137
 Дурага 109
 Дуредгар 70
 Дура 139
 Дурабардор 139
 Дутор 122, 124
 Духтархона 63, 64
 Дучуку 113
 Душанбегӣ 46
 Ванбоз 124
 Зарб 58
 Заргар 73, 74
 Заргарбоши 74, 75
 Заргархона 74
 Зе (зеҳ) 116

Зедуз (зеҳдуз) 116
 Зёрат 32
 Зиндон II, 49, 88
 Зиндонбон 63
 Зиндор 40
 Зинпӯш (зинпӯш) 133
 Зинхона 40
 Зякетчи (закотчи) 72
 Иди (иди) 73
 Имам (имом) 19, 64, 91, 92, 97, 108, 112, 125, 141
 Имоми джилав (чилиав) 91
 Имом ул-муслимин 92, 100
 Инок (иноқ) 36
 Иноки (иноқи) калон 36
 Испанд 47
 Истикоматчи (истикоматчи) 113
 Ишан (эшон) 89, 100
 Ишкани мадон (ишкани мадон) 84
 Каасбаго (каасбаго) 66
 Кабир: салавоти кабир 56
 Кабоб 93
 Кабоби танури 108 (танури)
 Кавказ 23, 107
 Кадамчи (кадамчи) 29
 Казий см Козм
 Кайзони 126
 Каллаи мукарнас (мукарнас) 42
 Калла-поча 93-95, 108
 Калмоқ (қалмоқ) 46
 Каль, кали 140-142
 Кальбача (калбача) 141
 Кальтакача (калтакача) 34
 Камонча 122
 Канахона 21, 26, 68
 Капшхона, кайшхона 30, 70, 71, 108
 Караван-сарай (корвон-сарай) 95, 110, 130, 131
 Карбос 52
 Карнай 28
 Каровулбегӣ (қаровулбегӣ) 35, 36, 54, 74, 104, 111
 Каровулхона (қаровулхона) 138
 Кат 122
 Катаган (катаган) 63
 Катаул 71
 Кайшхона см. Капшхона
 Кашкарчи (қашқарчи) 123
 Қзил-кесак (қзил-кесак) 64
 Қиблаг (қиблаг) 66
 Қотазхона (қотазхона) 73, 74
 Қозм (қозӣ) 47, 48, 79, 89, 101, 115, 117, 138, 139
 Қозм-калон (қозӣ-калон) 21, 23, 36, 37, 45-48, 57, 73, 82, 89, 98, 117, 118
 Кокул 123
 Қолинхона (қолинхона) 33, 38, 60
 Коп 141
 Корвонбоши 73
 Қорм (қорӣ) 56
 Қорихона (қорихона) 18, 32, 36, 55-57
 Қорихонаи хазорхати (қорихонаи хазорхати) 56
 Қоса 93
 Қофир 73
 Қудуқи ташнав (қудуқи ташнав) 70
 Қузатчи (қузатчи) 42
 Қунори (қунорий) 111
 Қуқари, қуқури, қуқори (қуқори) 33, 37, 105
 Қуланги (қуланги) 109
 Қулли қушбегӣ (қушбегӣ) 19
 Қулдук (қулдук) 71

Куло (кулоҳ) 97
 Кула 103
 Кумган (кумган) 53
 Кунград (кунград) 46
 Кунҷақ 22
 Куп 141, 142
 Курбан (курбан) 27, 45, 73, 101, 102, 108
 Кургон (кургон) 17, 119
 Куриникхона, курунукхона 15, 41
 Курпахона (курпахона) 61
 Курпача (курпача) 59, 80
 Курпачаи дари хона 59
 Курхона (курхона) 15
 Курчибоши (курчибоши) 36
 Кутос (кутос) 133
 Кутти (кутти) 51
 Кутчи 46
 Куча (куча) 30, 40, 61
 Кутбеги (кутбегӣ) 18, 19, 23, 25, 28, 30, 35, 38, 47-54, 56, 60-62, 65, 69, 71, 73, 75, 77-84, 88, 93, 103, 117, 125-127, 129, 136
 Кутбеги боло (кутбегии боло) 19, 54, 129
 Кутбеги поён 37
 Кутбон (кутбон) 104
 Куттақим (куттақим) 105
 Кушкун (кушкун) 133
 Кын (қын) 69
 Кыр-кз (қыр-кз) 46
 Лашкарбоши (лашкарбоши) 87
 Лайфа 79
 Лула (лула) 54
 Ляъли (ляъли) 96

Мабраз 70, 90
 Мавриги 123
 Мадон 40, 59, 63, 66, 67, 69, 80, 84
 Мазар (мазор) 18, 32, 75, 117, 120, 126
 Маи-кабоб (маҳд-кабоб) 112
 Маком (мақом) 123
 Малла 45
 Ман 49
 Манзур 133
 Мангял (мангял) 39, 123
 Марка 46
 Масгарабоз 138, 139
 Махрам (махрам) 36, 84, 85, 89-91, 94, 107, 111, 127
 Махрами рӯз 89
 Машк 67, 70
 Машкоб 63
 Машкобзан 19
 Медресе (мадраса) 14, 18, 20, 75, 76, 120, 124, 140
 Мерган 24, 29, 69, 70, 136, 138
 Мехмонхона (мехмонхона) 14, 55, 57-59, 84, 87
 Мехмонхонаи калон 80
 Мехмонхонаи лашкарбоши (лашкарбоши) 87
 Мехмонхонаи тулчибоши (тулчибоши) 69, 120
 Мечеть (масҷид) 13, 19
 Мизод (мизоҷ) 93
 Миёнхавли (миёнхавли) 36, 55, 56-58, 60, 64, 127
 Миёнхавлии қутбеги (миёнхавли қутбегӣ) 83
 Мино 53
 Мир 103, 119, 136
 Мирзо 36, 54, 70, 71, 76, 80, 84, 86, 95, 106, 113, 116
 Мирзобоши (мирзобоши) 35, 36, 73, 98
 Мирзои дайтардор 31, 95, 113, 129
 Мирзои девонбегӣ (деванбегӣ) 108
 Мирзои калон 51, 54, 97
 Мирзои муниш (муниш) 31, 39, 113
 Мирзои мушриф 113
 Мирзои хушкат 73
 Мирзохона 31, 39, 41, 51, 81-83, 85, 95, 97, 108
 Мирзохонаи девонбегӣ (деванбегӣ) 85
 Мирзохонаи калон 31, 80
 Мирзи асад 36
 Мирзи даста 136
 Мирзохур 21, 36, 36, 46, 54, 71, 74, 99, 107, 111, 113
 Мирзохурбоши (мирохурбоши) 40, 98, 104, 106
 Миршаб 62, 63, 88, 101, 102, 113, 115, 117, 138, 139
 Михраб (меҳроб) 27
 Мот 106
 Мохипаз (моҳипаз) 141
 Муаззин 92
 Муболиға (муболиға) 131
 Муборакнома 129
 Муборакномаи истикоматчиғи (истиқоматчиғӣ) 113
 Муларис 46, 48, 57, 98
 Муларисои банорасопуш (банорасопуш) 46
 Мулла (мулло) 23, 29, 45, 46, 48, 49, 56, 57, 73, 97, 120, 121
 Мулозими 79
 Мурғи букаламун (мурғи букаламун) 109
 Мурдламуғ (мурдламуғ) 141
 Муғти (муғти) 45, 46, 48, 97, 101
 Муғтии аскар 36
 Муғдзин (муғзин) 26, 91, 92
 Мурид (мурид) 100
 Навкар 46
 Навруз (навруз) 29, 88, 101, 102
 Нагора (нагора, нақора) 28, 44
 Нагорахона (нағорахона) 14, 15, 18, 26-28
 Наджорбоши (наҷорбоши) 109
 Найман 46
 Накиб (нақиб) 36
 Нақош (нақош) 70, 73
 Нақибанди (нақибандӣ) 36
 Намаз (намаз) 19, 25, 26, 28, 35, 44, 45, 65, 89, 91, 92, 93, 108, 112, 114, 124, 129
 Намаз аср (намази аср) 28, 95, 111, 112
 Намаз боғдол (намази боғдол) 19, 33, 63, 90, 91, 93, 128
 Намаз пешин (намази пешин) 108
 Намаз шом (намази шом) 19, 51, 91, 114, 124
 Намаз хуфтан (намази хуфтан) 28, 63, 122, 124
 Нахорж (наҳорӣ) 93, 112, 113
 Наҳуд (наҳуд) 98, 95
 Нимайвон 33
 Нимча (около 500 гр) 65, 78
 Ноиб 78
 Нолаи Сиевуш 30
 Номӣ шаб 127
 Нонвой 75
 Нони тайтон 96
 Нонхона 75
 Норвон-гулжум (норвон-гулжум) 25
 Нуриқаш 39

Обдухона (обдухона) 60
 Обдуз 20
 Обхона 25, 26, 68
 Оила 62
 Оксаол 34, 49, 97, 115, 141, 142
 Олавкор 61
 Олавхона 60
 Олавиён 23, 98
 Олуқ (олуқ) 98
 Оталиқ, атолик 21, 36
 Отбокар (отбокар) 130
 Офтоба 90
 Охунд 45, 46, 48
 Оча-майли 46
 Ош 93
 Оши омма 96
 Ошхона 72
 Ошхона миросхурбоши 40
 Падархон 89
 Палав 106-108
 Парвоначи (парвоначи) 36
 Пахлавон (пахлавон) 88
 Пешта (пештах), пешка 33, 93, 99, 112
 Пешин 80, 108, 109
 Пешини (пешини) 108
 Пештоқча (пештоқча) 21, 22
 Пир 89
 Пойгир 116
 Пойкор 141, 142
 Пойтахт 41
 Полонги (полонги), полоннок 37
 Пира 56
 Пул, пули сие (сиех) 72
 Равок (равок) 52, 57
 Раис 21, 46, 82, 117, 138, 139
 Рамазан (рамазан) 27, 45, 63, 73, 101, 102, 108, 142

Рег 86
 Рикаат 93
 Рикоб 34, 37, 53, 54, 60, 74, 91
 Рикта 120
 Ру (ру) ба боло 66
 Ру (ру) ба офтоб 66
 Рубоб 122
 Руи хавли (руи хавли) салом-хона 32
 Руи хавли (руи хавли) пойтахт 41
 Руи хавли (руи хавли) салом-хона 32
 Рустуи Кашиш 112
 Рус (рус) 93
 Савдо 93
 Савоб 56
 Саврин 61, 97, 99, 101, 102, 117
 Савринхона 61
 Савтони 124
 Сагона (сагона) 29
 Садр 36, 46-48
 Савис 131
 Сависхона 18, 27-31, 33, 37, 39-41
 Сайид 14, 48, 102, 103
 Сайли дарун 114
 Сайли хоса 114, 116
 Сайль (сайл) 114, 116, 122, 126
 Сақлав сақлав (сақлав) 18, 19, 31, 32, 37
 Савноот 56
 Савнооти набир 56
 Савнооти сагир (сагир) 56
 Савноотон 57
 Савноотхона 57
 Савноотхони харруза (харруза) 46
 Салли дока 97
 Саллот (саллот) 64
 Салом 32-35, 56, 92, 93

Салом агоси (агоси) 35, 92
 Саломхона 18, 27, 31-36, 38, 41, 50, 55, 60, 92, 93, 97, 101, 108, 112, 127, 129
 Самбусапаз (самбусапаз) 141
 Санг 131
 Санги табакка (табакка) 41
 Санги ташнав 58
 Сандали (сандали) 60, 61, 65
 Саноч 51, 58
 Сарбоз 107, 115, 135, 137, 138
 Сардоба 20
 Саркарла 45, 46, 53, 107, 136
 Саркар 60, 61
 Сарой 46
 Сарроф 58
 Саруло 78, 97, 98, 117
 Сайро 93
 Сейид (сайид) 48, 102, 103
 Семанбети (семанбети) 137
 Симкахона 72
 Сипо (сипоҳ) 135, 136
 Сипом (сипом) 91
 Созхона 67
 Сулур 36, 48
 Сурунай 28, 114
 Суфа (суфа) 15, 22, 23, 26, 31, 34, 36, 41, 42, 50, 58-60, 72, 74, 79, 80, 84, 111
 Суфача (суфача) 32, 93
 Суфид (суфид) 19, 64, 92
 Суфиди диллаз (суфиди чилаз) 35, 91, 92
 Суфиди обкаш (суфиди обкаш) 107
 Таазим 35, 106
 Табакчин (табакчин) 96
 Табаррук 117

Табис 93
 Тагал 109
 Тахона, тахона (тахона) 15, 59, 80
 Тазар 20
 Таксир (таксир) 103
 Тамбур (тамбур) 114, 122, 124
 Танал 49, 137
 Танга 23, 47, 49, 51, 53, 56, 58, 65, 71-73, 78, 79, 92
 Танур (танур) 108
 Таранджабин 112
 Тахорат (тахорат) 89, 112, Тахоратхона 70, 71
 Тахоратхонадор 89, 90
 Тахсил (тахсил) 124
 Тахт 42, 43, 45, 49
 Тахтабани (тахтабани) 41
 Тахтапул (тахтапул) 18, 19, 21-23, 26, 63, 86, 87
 Тахтаи норбона 42
 Ташнав 40, 58, 70
 Тахтил, тахтил 124
 Тема 109
 Тилио 72
 Тодх (тоҳ) 45, 133
 Тоз 37
 Ток 52
 Тортуқ (тортуқ) 66, 97-99, 101, 115, 126, 132-134
 Тортуқи туксан (тортуқи туксан) 98
 Тортуқи шукрона 98
 Тут (туз) 76
 Туксабо, туксабо (туксабо) 21, 35, 36, 73, 74, 104, 106, 113
 Туксан (туксан) 98, 132
 Тугчибоши (тугчибоши) 19, 25, 28-30, 54, 68, 69, 82, 83, 129, 136, 137

- Тупчибоши аскар 68
 Тупчибоши дарвозаи арки оли 68, 129
 Тупчибоши лашкар 75
 Тура (тура) 44, 64
 Тураи джлав (тураи чулав) 76
 Тушахона (тушахона) 15
 Уд 47
 Улайчи (улайчи) 32-35, 44, 95-101, 130
 Улайчи насти роот 34
 Улайчи насти чап 34
 Улайчихона 108
 Урла (урла) 5, 6, 19, 60-64, 66-68, 70, 75-77, 111, 124-126
 Урлаи қушбегчи (урлаи қушбегчи) 77, 127
 Урок (уроқ) 36
 Уроки (уроқи) калон 36
 Усто 5, 6, 9, 10, 20, 22, 28, 30, 31, 42, 64, 71-74
 Уфари (уфари) 123
 Файзи (файзи) 36
 Ферзи айн 90
 Фаррош 38, 39, 60, 61, 67, 89
 Фаррошбоши (фаррошбоши) 38-40, 57-61, 89
 Фаррошбошии қушбегчи (қушбегчи) 60
 Фаррошхона 39, 60, 108
 Фарсах 26, 28
 Фотиҳа (фотиҳа) 49, 56, 95, 99
 Хавз, хауз (хавз) 14, 19, 20, 87, 88
 Хавлии берун (хавлии берун) 76
 Хавлии дарун 76
 Хавлии тупчибоши (хавли тупчибоши) 70

- Хутба 44
 Хуфтан: намози хуфтан 28, 63, 122, 124
 Чағатоибегчи (чағатоибегчи) 36
 Чайхана (чайхона) 110
 Чауки 114, 122
 Чаукибози 122
 Чархи Ғалак 15, 20
 Чашмбанд, чашпан 140
 Четгир 105
 Чилтор 114
 Чилдухтарон 76
 Чини-гуджум 25
 Чирог (чирог) 29, 89
 Чирғичи (чирғичи) 89
 Чойрак 38, 65
 Чодир 57
 Чоройна 24
 Чорсайль 126
 Чорчиллик 123
 Чох (чоҳ) 14
 Чумбур 105
 Чуҳраогоси (чуҳраогоси) 36
 Шайхульислом (шайх-ул-ислом) 36, 46
 Шанишин (шанишин) 22, 63, 67
 Шарбат 126
 Шарбатдор 61, 89, 101, 107
 Шарбатхона 59, 60, 75, 76
 Шаҳристан (шаҳристон) 17
 Шигаул 100
 Ширбиринди 93, 94
 Ширчай 93
 Шшахона 15
 Шогирдпеша 19, 38, 51, 62, 76-80, 84, 85, 131
 Шом: намози шом 19, 51, 91, 114

- Шотир 114
 Шутурмурғ (шутурмурғ) 109
 Шун 93
 Эльнавкар 45, 46, 136
 Эльчихона 81
 Эшикоғобоши (эшикоғобоши) 36
 Юги (юги) 39, 57
 Яккакарс (яккакарс) 123
 Яккамех 37
 Ярлик (ярлик) 92, 97
 Ясовулбоши 26, 41, 78-80
 Ясовулбошии шогирдпеша 85
 Ясовули дарвоза 26
 Ясовули уламо 23
 Яхдон 55
 Яхдонсавор 54

От редакторов	3
От автора	9
Введение	13
Общие сведения об арке	17
Описание схематического плана арка	21
У входа в арк. Мечеть Джоми	21
Южная половина арка	31
Саломхона и прилегающие помещения	31
Двор саломхона и постройки на нем	37
Коронационный зал	41
Обряд поднятия эмира на войлоке на трон, соответствующий европейскому коронованию	43
Казначейство	50
Корихона и мехмонхона Рахимхана	55
Миёнхавли эмира и прилегающие помещения	58
Урды, жилища царевичей и помещения стражи гудомба-ча	62
Северная половина арка	68
Помещения тупчиоши и мастерские	68
Жилища царевичей, мазар, медресе, мечеть Чильдухтарон	75
Комплекс зданий кушбети	77
Рассказ о гибели в подвале кушбети советской делегации в 1918 г.	81
Описание плана площади Регистан	85
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
День бухарского эмира	89
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
Из материалов по Бухаре при последних эмирах	128
Система сношений эмира с хакимами. Почта	128
О подворьях хакимов в столице	132
К формированию регулярного войска	135
Рассказ Турамурода Ходжи Кайрова о его пребывании в отряде гудомбачей	137

Скоморохи - масхарабоз	138
Кали-плешиные	140
Список иллюстраций	143
Указатель имен собственных	148
Указатель терминов	153